

ИЕВОЛЯ 51 2017

51

ISSN 1813-3541

ИЕВОЛЯ

НЕВОЛЯ

51 • 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ НЕВОЛИ

От редакции	4
Стихи, победившие в конкурсе «Поэзия неволи – 2016»	8

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	14
Юрий Александров Юридический практикум	16
Фима Жиганец Шкипер Юша и охота на енота (Байки из зоопарка)	35
Татьяна Вязников Свобода в неволе	68
Андрей Ловыгин Жили-были...	73
Александр Сухаренко Тюремные новости	90
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (ноябрь 2016 – январь 2017 года)	106
Александр Сухаренко Прокурорский оброк	124

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Александр Август Без права на амнистию 128

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров «А я, как курва с котелком...» 140

Алексей Мокроусов Три книги о войне и тридцатых 149

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

От редакции

За соломинку рифм

Основное производство российской тюрьмы – изготовление рецидивистов.

Самое рентабельное производство российской тюрьмы – изготовление спецодежды для сотрудников спецслужб, обязанных, в частности, ловить и избивать тех самых рецидивистов.

Самое массовое производство российской тюрьмы – изготовление стихов.

*Из любой чепухи
вы лепили стихи.*

*Весь барак, как дурак, бормотал, подбирал
рифму к рифме и строку к строке.*

Эти строки Бориса Слуцкого о лагерях давно ушедшего времени, но и в современных бараках, внимательно осмотревшись, сразу же обнаружишь арестанта, затаившегося в своем закутке, откуда он изредка вырывается на окружающий его мир опасливым глазом. Если он роет тоннель для побега или замышляет какое иное запрещенное безобразие, его взгляд так и останется острым и настороженным. Но глаза нашего арестанта, не обнаружив ничего угрожающего, сразу же становятся отсутствующими. Точнее, устремляются в какие-то забарачные дали, где он безо всякого сомнения кайфует в полный мах вместо того, чтобы становиться на путь исправления и тяжкими душевными (или по крайней мере – телесными) страданиями искупать свою вину, как это предполагалось судьей при изготовлении приговора.

А если осмотреться совсем внимательно, то отыщется и еще один похожий счастливец. И даже не один...

Они морщат и почесывают упрямые лбы и шевелят слова во рту, подыскивая складное, находят примерно подходящее, мнут его жесткими губами, подгоняя в оконцовку строки, откусывают или изгибают через зуб выпирающее из ритма – сбивают строфу...

Никакой идиллии, описанной Слуцким, никакого нарочито открытого и чуть ли ни совместно-барачного творчества. Это могли себе позволить профессионалы-литераторы или профессионалы-читатели. Наши тюремные сочинители в основном прибились к поэзии из очень далеких от нее занятий. Они внезапно открыли радости складной речи и дотумкали, что рифмованное слово стоит много дороже обыкновенного, потому что дается много труднее. Это тебе не ля-ля-базар, а очень даже непростое дело. Главное сыскать звучное слово. И в рифму...

Рифму сыскать – дело старательское, одинокое и укромное. В мире, где всех благ в нехватку, рифмы тоже валом не валяются. На всех не хватит, и потому никакой дурень не станет искать в этом деле помощи у других. И сам не поможет...

Стихосложение в тюрьме более всего похоже на болезнь. На заразную болезнь... В легкой форме ею переболели практически все арестанты, но выздоровели далеко не все. Многие обнаружили, что поэтическая хворь оказывается очень неплохим способом «отсидеть» срок. В какой-то мере это практически оптимальный способ «сидения».

Человека, занятого строками-строфами-рифмами, по-видимому, оберегает сама Эвтерпа.

Он не упирается бошкой в повсеместные нарушения каких-то его прав и, следовательно, не встает на путь обличений и конфронтаций. Он даже не замечает всех этих нарушений. Конечно же до какой-то степени, но и тюремщики, как правило, тоже чувствуют грань, которую не следует переступить. В общем, в большинстве случаев тюремная администрация вполне миролюбиво и снисходительно относится к тюремным поэтам.

Тюремное сообщество даже в лице самых правильных авторитетов относится примерно так же. Может, чуть более снисходительно и зачашую смотрит сквозь пальцы на всякие мелкие косяки погруженных в творчество сидельцев. Иногда и у самих авторитетов просыпается что-то поэтическое. Не до такой степени, конечно, чтобы рифмы сочинять, но не совсем угробленная душа просит вдруг какой-то лирики. Тогда поэт-арестант получает выгодный заказ и за пачку сигарет сочиняет

оду матери авторитета, или подруге, или вообще заочнице... Короче, и с этой стороны жизнь тюремного поэта складывается счастливо и безмятежно. Сиди – не хочу...

Но главное в том, что поэзия дает человеку замечательную возможность проводить дни и месяцы напролет в мире с самим собой – ни головой о стенку, ни изъедающих сожалений и о том, что не надо было затевать эту неудачную делюгу, и о том, что надо было замочить всех подельников, оказавшихся свидетелями. Да мало ли о чем сожалеет ээк, даже и осужденный невинно. От этих сожалений люди буквально звереют и совершают не слишком адекватные поступки, вынуждая своих тюремщиков в очередной раз нарушать те самые права человека, потому что, по мнению тюремщиков, он и не человек вовсе, а мразь конченная и особенно, когда совершает что-то неадекватное. Ведь всяко что способен устроить ээк, чтобы только не слышать тихий голос внутри, шепчущий о сожалениях или о разных счастливых невозможностях жизни... Арестанту-поэту никакие голоса не мешают творить. Капающий кран в камере ШИЗО для его стихов не намного хуже, чем Кастальский ключ...

Но всего главней общее ощущение силы рифмованной речи. В мире, где все слова изолгались и истрепались так, что никто никаким словам не верит (даже и спрашивая по уголовным понятиям «за слова»), – в этом мире сохраняется жажда правдивого слова, веского слова, истинного слова. Понятное дело – это не может быть обыкновенная речь, что скатывается из-под языка легче слюны. Эта речь должна быть продуманная и нелегкая. Вполне может быть, что эта истинная речь и есть речь поэтическая. И именно она пробьется сквозь все глушки-решетки-стены, чтобы все услышали и поняли (кто эти «все» и что они должны понять – не понятно).

Короче говоря, затеяв издание журнала «Неволя» много лет назад, мы вполне отчетливо представляли объем стихотворного потока, который хлынет на нас в письмах арестантов. Единственно правильным решением был отказ от публикации стихов в журнале «Неволя».

Так мы и сделали. Но чувство какого-то неуюта нарастало из года в год. Этим неуютом было чувство долга перед тюремной поэзией, категорично отвергнутой в журнале. Для восстановления справедливости редакция журнала придумала конкурс «Поэзия неволи».

Предполагалось, что на сайте журнала будут выставлены все поэтические произведения, присланные на конкурс. Затем читатели выбирают полсотни понравившихся им стихов, и эти стихи объявляются финалистами конкурса. Далее в дело вступает профессиональное

жюри под председательством знаменитого поэта Дмитрия Быкова, и это жюри отбирает пять стихотворений-победителей.

Для поэтов-лауреатов предполагались значительные призы и рассматривались даже идеи о публикации сборника лауреатов конкурса, но на все эти радости редакция не смогла найти финансирование. Так что участники, финалисты и лауреаты были награждены только дипломами. И для редакции остается нерешенным вопрос, стремиться ли к организации ежегодного конкурса «Поэзия неволи».

С такими вот поправками конкурс «Поэзия неволи» был проведен и закончился в конце прошлого года, и со всеми материалами конкурса и со всеми его произведениями можно познакомиться на сайте журнала.

В конкурсе приняло участие более 300 произведений.

Все это – совершенно разные стихи. От нескладных и неумелых, как первый блин, до откровенно талантливых.

В число финалистов попало 46 стихотворений 29 авторов.

Лауреатами конкурса стали:

Георгий Юров

Артём Александрович Аксенчик

Лада Анатольевна Долгих

Андрей Волхов

Ради поэтического конкурса редакция отказывается от своего принципиального решения не публиковать стихи и печатает стихи-лауреаты в этом же номере журнала.

Редакция благодарит всех поэтов, принявших участие в конкурсе «Поэзия неволи 2016 года».

Стихи, победившие в конкурсе «Поэзия неволи – 2016»

Георгий Юров

Солнце раскаленным кругом
Жжет меня сквозь слой озона,
Мы теперь с Андрюхой, другом,
Знаем, что такое «зона».
Я теперь совсем пропащий,
Я теперь везде изгой,
И живу лишь настоящим –
Я еще пока живой.
Снова встретила нас «дача»,
«Мужики» и «Босяки»,
Но для всех одна задача:
Нужно выжить вопреки!
Сиганул под «МАЗ» приятель,
Разлетелась голова,
И стоит как надзиратель
В небе полная луна.
Бросила жена Андрюху
И ушла к другому с дочкой,
И по замкнутому кругу
Я хожу теперь с «заточкой».
«Зона» стала наказаньем,
Давят прежние грехи,
Повторяю заклинаньем:
Нужно выжить вопреки.
Мы с товарищем сидели,
Накурившись гашиша,

И растерянно глядели,
Как летела вверх душа.
Он сказал: «Устал, братуха,
Я от жизни кочевой».
Вздернулся вчера Андрюха,
Я еще пока живой.
Сердце ныло, запоздало
Подавая маяки,
И морзянкой выбивало:
Нужно выжить вопреки...

Артем Аксенчик

Казнь

Где вы, мои лошади?
Почему вы так тихо скачете?
Расстреляют меня... На площади
Уже люди тесниться начали.
Им не важно, за что судилище
И кому лоб зеленкой мазали,
Подавай им кровавей зрелище,
И почаще б его показывали.
Испокон веков казнь манила люд,
Собирались площади вновь и вновь,
Рады были: не их убьют
И не их сегодня прольется кровь.
Все в надежде ждут зрелища страшней,
Чтобы жажду крови утолить смогло,
И кричат палачу все: «Убей! Убей!»,
Как когда-то Пилату: «Распни Его!»
И меня вот тоже подперли к стеночке
На потребу толпе людской.
А жизнь бьется, да в каждой клеточке,
Но никак, увы, не уйти домой.
Взведены курки, барабан дал дробь,
Кислород густой разрывает грудь.
Кто слезой своей окропит мой гроб?
Кто проводит меня в последний путь?
Кто пришел сюда не на казнь смотреть,

А глазами тихо «прости» сказать?
Только Ангелы вряд ли мне будут петь –
Не с моими грехами о Рае мечтать.
Не с моим «добром» говорить о зле,
О плохом-хорошем не мне судить.
Я стою уже по колено в золе,
Не с моими грехами дальше жить.
Только дайте глаза пошире открыть
И на небо в последний раз посмотреть.
Я так много успел на свете прожить,
И так рано приходится мне помереть...
Грохот выстрелов – скачут лошади,
Коим в ад меня везти назначили.
И нет скорбных лиц на всей площади:
Ничего моя жизнь не значила.

Георгий Юров

Снова вышел на свободу,
Старый нищий и больной.
Ну скажите, ради бога,
Кому нужен я такой?
Вновь иду на преступление,
Преступление не беда,
Я хочу на поселение
Снова к вам попасть сюда.
Время выло и гудело,
Вместе с ветром, в унисон,
Оглянулся – пролетела
Жизнь под радио «Шансон».

Лада Долгих

Непонятное настроение,
Перестуком вагонных колес
Едет снова со мной невезение,
Вечно рядом, как преданный пес.
В «тройнике», в тесноте не в обиде,

Нас увозит с централа конвой.
Бог, наверное, это не видит,
Я уже потеряла покой.
Двое суток конвой за решетки,
Пустота, и нельзя покурить,
Если честно, то хочется водки.
Чтоб напиться и горе залить,
Но... приехали, клацнули двери,
Вновь наручники фирмы «Букет»,
Снова рядом со мной невезенье,
Жизнь все больше похожа на бред.

Андрей Волхов

В выжженной солнцем пустыне
Исчезли следы всех дорог,
Барханы под куполом синим,
И всюду песок да песок.
Плывут на своих дромадерах,
Скользя сквозь песчаный простор,
Волхвы – исповедники веры –
Гаспар, Бальтазар, Мельхиор.
Они за звездой путеводной
Спешат, умиляясь до слез.
Туда, где в вертепе холодном
Родился Спаситель – Христос!

* * *

Уважаемый редактор, здравствуйте!¹

Причиной написания Вам данного письма послужило то, что мой товарищ получил от Вас диплом участника конкурса «Поэзия неволи». Не то чтобы это было неожиданно или даже необычно, просто для тех, кто сидит в тайге на особом режиме вдалеке от цивилизации, это скорее что-то из области фантастики. Я не смеюсь и не шучу, ведь для многих, находящихся тут, самым крутым «гаджетом» является электрокипятильник 0,5 киловатта. Как ни крути, а режим особый ой

---

¹ Из письма заключенного Б. (Кировская область).

как далеко от цивилизации. Случайных людей тут нет, и каждый за жизнь собрал кое-какой багаж. Эти люди в чудеса не верят и стараются себя не обнадеживать ни на какой счет. А тут Вы и диплом прислали да с подписями трех людей с большой буквы.

Многие на воле могут сказать: «Эти рецидивисты – конченные люди». Они правы, но только отчасти. Это проблема всей системы. Нас пытаются исправить всеми доступными способами, но ведь не просто так сказано, что наказание должно соответствовать вине. А тут все исправление – лес! Для тех, кто совершил действительно что-то мерзкое и кому двадцать лет особого режима дали вместо справедливого пожизненного лишения свободы тут самое правильное исправление и есть, точно – самое правильное место. А вот для того, кто третий раз сел за украденного поросенка на три года, это явный перебор! Как ни крути, а он столько не натворил, чтобы пользоваться теми же «благами», что и отъявленный маньяк. А температура масла на сковороде, на которой они оба жарятся, одинакова для обоих. И если один точно знает, «за что», то второй только удивляется: «А я-то за что? Я ж детей не убивал и не насиловал! Вот такая она, правда жизни».

А правда в том, что ни о какой справедливости речи и не идет. Справедливость для нас – это вообще что-то киношное, вроде ее все ищут и все о ней, а ее все нет и нет нигде. Ладно хоть название ее не забыли, и то хорошо.

И вот среди серых лиц в этом вареве судеб, среди отпетых злодеев и обычных мужиков-работяг, есть те, кто пишет стихи. Одни делают это топорно, но есть и те, от чьих строк кровь в жилах стынет. Может, в тех строках туго с романтикой, туго с тем, что модно, но это и есть тайга, лесоповал, крик души сквозь дразги жизни, этапы, шмоны, холод и голод. Таких строчек не напишешь, лежа на диване, потому что такие импульсы могут давать мозгу только голодный желудок и промерзший позвоночник.

Будет жаль, если такие строчки так и умрут в тайге на болотах Вятлага, а ведь многие, прочитав эту «суровость жизни», точно знали бы, как делать не нужно. Мы не можем рассказать, как надо жить, но можем – как не надо. Наверное, и это не мало. Жму Ваши руки.

С уважением к Вам, Э.Б.

УИС в цифрах

По состоянию на **1 января 2017 года** в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 630 155 чел. (-15 930 чел. к 01.01.2016), в том числе:

– в **717 исправительных колониях** отбывало наказание 519 491 чел. (-5357 чел.), в том числе:

– в **127 колониях-поселениях** отбывало наказание 33 597 чел. (+2245 чел.);

– в **6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы** отбывало наказание 2005 чел. (+50 чел.);

– в **217 следственных изоляторах и 98 помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях**, содержалось 107 304 чел. (-10 455 чел.);

– в **8 тюрьмах** отбывало наказание 1705 чел. (-90 чел.);

– в **24 воспитательных колониях для несовершеннолетних** – 1655 чел. (-28 чел.).

В учреждениях содержится 49 237 женщин (-3466 чел.), в том числе 40 293 осужденных, содержащихся в исправительных колониях, лечебно-исправительных учреждениях, лечебно-профилактических учреждениях, и 8944 чел., содержащихся в следственных изоляторах и помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях. При женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 577 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 56 лечебных исправи-

тельных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

– 81 федеральное казенное учреждение «Уголовно-исполнительная инспекция» и 2403 их филиала, в которых состоят на учете 406 948 чел., осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и 5409 чел., подозреваемых и (или) обвиняемых в совершении преступлений, находящихся под домашним арестом;

– 38 федеральных государственных унитарных предприятий, находящихся в ведении ФСИН России, 566 центров трудовой адаптации осужденных, 80 производственных мастерских.

При исправительных учреждениях имеется 312 вечерних (сменных) общеобразовательных школ и 489 учебно-консультационных пунктов, 307 федеральных казенных профессиональных образовательных учреждений, действуют 642 культовых объекта: 485 храмов, 77 часовен, 6 колоколен (звонниц) РПЦ, 61 исламская мечеть, 10 буддийских дуганов, 3 костела РКЦ, более 700 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС, финансируемого из средств федерального бюджета, составляет 295 967 чел., в том числе аттестованных сотрудников – 225 284 чел. (кроме того, переменного состава – 6326 чел.).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 50 центров медицинской и социальной реабилитации, 7 больниц, 75 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **7 учреждений высшего образования** с 1 филиалом, 3 института повышения квалификации, 2 межрегиональных учебных центра, 9 учебных центров территориальных органов, Научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, Научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Обновлены формы отчета адвоката и сводного отчета адвокатской палаты субъекта РФ, содержащие сведения о гражданах, которым оказана бесплатная юридическая помощь (*Приказ Минюста России от 01.04.2016 № 83 «О внесении изменений в Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 ноября 2012 г. № 206 «Об утверждении форм и сроков представления документов, связанных с участием адвокатов в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»*).

В частности, в форму отчета включается упоминание о Героях Труда РФ; информация о том, что законные представители и представители детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, получают бесплатную юридическую помощь только по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей.

Кроме того, включаются новые строки, в которые вносятся сведения: о лицах, желающих принять на воспитание в семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, обращающихся по вопросам, связанным с устройством ребенка на воспитание в семью; усыновителях, обращающихся по вопросам, связанным с обеспечением прав и законных интересов усыновленных; гражданах пожилого возраста и инвалидах, проживающих в организациях социального обслуживания, предоставляющих услуги в стационарной форме; несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях системы профилактики безнадзор-

ности и правонарушений несовершеннолетних, и несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, а также их законных представителей и представителей, если они обращаются за оказанием помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов несовершеннолетних (за исключением вопросов, связанных с оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве); гражданах, пострадавших в результате ЧС (в ряде случаев).

За привлечение денежных средств граждан в крупном размере в нарушение законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов установлена уголовная ответственность (Федеральный закон от 01.05.2016 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости»).

Предусмотрено, что привлечение денежных средств граждан для строительства в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и/или иных объектов недвижимости в крупном размере наказывается обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до 1 года, либо принудительными работами на срок до 2 лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы на срок до 1 года или без такового.

То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, а равно в особо крупном размере, наказывается обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до 2 лет, либо принудительными работами на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок с ограничением свободы до 2 лет или без такового.

Указанные деяния признаются совершенными в крупном размере, если сумма привлеченных денежных средств превышает 3 миллиона рублей, в особо крупном размере – 5 миллионов рублей.

Лицо, совершившее преступление, освобождается от уголовной ответственности, если сумма привлеченных денежных средств возмещена в полном объеме и/или если лицом приняты меры, в результате которых многоквартирный дом введен в эксплуатацию.

Максимальное время обязательных работ в выходные дни увеличено до 8 часов (Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3.13 и 32.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 33 и 109.2 Федерального закона «Об исполнительном производстве»).

Лицам, которым назначено административное наказание в виде обязательных работ, по их письменному заявлению могут увеличить максимальное время работ до 8 часов в выходные дни и дни, когда лицо не занято на основной работе, службе или учебе.

Ранее с согласия таких лиц им продлевали время работы с 2 до 4 часов после трудового дня. Однако в выходные дни обязательные работы отбывались также не более 4 часов в день.

Такое ограничение времени существенно затягивало сроки исполнения постановлений судов. Внесение поправок позволяет людям быстрее отбывать наказание.

Уточнена формулировка части первой статьи 75 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» (Федеральный закон от 02.06.2016 № 162-ФЗ «О внесении изменения в статью 75 Уголовного кодекса Российской Федерации»).

Ранее действовавшей редакцией данной статьи было установлено, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

По мнению законодателя, в данной формулировке наиболее сложным являлись вопросы правильного толкования такого условия освобождения от уголовной ответственности, как «способствование раскрытию и расследованию преступления». Это обусловлено тем обстоятельством, что в части 1 статьи 75 УК РФ не содержалось положение, раскрытию и расследованию какого преступления должен способствовать виновный.

В целях устранения правовой неопределенности часть 1 статьи 75 УК РФ изложена в новой редакции, согласно которой лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способство-

вало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным.

Ходатайство, заявление, жалоба и иные документы могут быть поданы в суд в форме электронного документа (*Федеральный закон от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»*).

Федеральным законом внесены изменения в УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, а также в некоторые федеральные законы в части установления особенностей применения электронных документов.

Так, глава 56 УПК РФ дополнена новой статьей 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», которая предоставляет участникам уголовного судопроизводства право направлять в суд ходатайства, заявления, жалобы, представления и прилагаемые к ним документы в виде электронного документа посредством заполнения электронной формы документа, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и подписания этого электронного документа лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством РФ.

Судебное решение, за исключением решения, содержащего сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающие безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, решения по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, также может быть изготовлено в форме электронного документа, который подписывается судьей усиленной квалифицированной электронной подписью. Предусматривается, что при изготовлении судебного решения в форме электронного документа дополнительно изготавливается экземпляр судебного решения на бумажном носителе. По просьбе либо с согласия участника уголовного судопроизводства копия судебного решения в электронной форме может быть направлена ему с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Порядок заполнения формы, размещенной на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», устанавливается Верховным судом РФ и Судебным департаментом при Верховном суде РФ в пределах своих полномочий.

Федеральный закон вступает в силу с 1 января 2017 года, за исключением положений, для которых установлены иные сроки вступления их в силу. Положения УПК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ (в редакции настоящего Федерального закона) применяются при наличии технической возможности в суде.

Принят закон, направленный на установление единой системы профилактики правонарушений (*Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»*).

Под системой профилактики правонарушений понимается совокупность субъектов профилактики правонарушений, лиц, участвующих в профилактике правонарушений, и принимаемых ими мер профилактики правонарушений, а также основ координации деятельности и мониторинга в сфере профилактики правонарушений. Законом сформулированы, помимо прочего, принципы профилактики правонарушений (приоритет прав и законных интересов человека и гражданина при осуществлении профилактики правонарушений; законности; обеспечения системности и единства подходов при осуществлении профилактики правонарушений; открытость, непрерывность, последовательность, своевременность объективность, достаточность и научная обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений; компетентность; ответственность за обеспечение прав и законных интересов человека и гражданина. Субъектами профилактики правонарушений являются федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета России, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления.

Устанавливаются основные направления профилактики правонарушений; полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений; организационные основы функционирования системы профилактики правонарушений.

Федеральные органы власти РФ и органы государственной власти субъектов РФ в целях реализации государственной политики в сфере профилактики правонарушений разрабатывают государственные программы РФ и государственные программы субъектов РФ в сфере профилактики правонарушений.

Законом предусматриваются общая профилактика и индивидуальные виды профилактики правонарушений, а также формы про-

филактического воздействия: правовое просвещение и правовое информирование, профилактическая беседа, объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, профилактический учет, внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения, профилактический надзор, социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация, помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковым.

Федеральный закон вступает в силу по истечении 90 дней после дня его официального опубликования.

С 1 января 2018 года рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей в Крыму будет осуществляться не только в судах областного уровня, но и в районных судах (Федеральный закон от 23.06.2016 № 189-ФЗ «О внесении изменений в статью 7 Федерального закона «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»).

Соответствующие изменения внесены в Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

В гарнизонных военных судах уголовные дела в первой инстанции могут рассматриваться в том числе судом с участием присяжных заседателей (Федеральный конституционный закон от 23.06.2016 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в статью 23 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»).

Кроме того, установлено, что в гарнизонном военном суде, дислоцирующемся за пределами территории РФ, уголовные дела в первой инстанции рассматриваются судьей единолично либо коллегией, состоящей из трех судей.

Федеральный конституционный закон вступает в силу с 1 июня 2018 года.

Подписан закон, направленный на расширение применения института присяжных заседателей (*Федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»*).

В частности:

- обвиняемым в совершении особо тяжких преступлений против личности по уголовным делам, которые относятся к подсудности районного суда и гарнизонного военного суда, предоставлено право ходатайствовать о рассмотрении их дел коллегией в составе судьи районного суда, гарнизонного военного суда и шести присяжных заседателей;

- в постановлении о назначении уголовного дела к слушанию судом с участием присяжных заседателей должно быть определено количество кандидатов в присяжные заседатели, которые подлежат вызову в судебное заседание и которых должно быть не менее четырнадцати в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде и не менее двенадцати в районном, гарнизонном военном суде;

- уточнены процедуры формирования коллегии присяжных заседателей, порядка судебного следствия с участием присяжных заседателей, формулирования вопросного листа и содержания напутственного слова председательствующего.

Федеральный закон вступает в силу с 1 июня 2017 года, за исключением отдельных положений, вступающих в силу с 1 июня 2018 года.

Уточнено, что именно относится к продукции с порнографическими изображениями несовершеннолетних (*Федеральный закон от 23.06.2016 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статью 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в целях противодействия обороту порнографической продукции с использованием несовершеннолетних и (или) среди несовершеннолетних и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*).

Скорректирован УК РФ. Поправки касаются статьи 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».

Указано, что в виду имеются материалы и предметы, содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях полностью или частично обнаженных половых органов несовершеннолетнего;

несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера; полового сношения или иных действий сексуального характера, совершаемых в отношении несовершеннолетнего или с его участием; совершеннолетнего лица, изображающего несовершеннолетнего, совершающего либо имитирующего половое сношение или иные действия сексуального характера.

Исключения из этого правила: материалы и предметы, содержащие изображение или описание половых органов несовершеннолетнего, имеющие историческую, художественную или культурную ценность либо предназначенные для использования в научных или медицинских целях, либо в образовательной деятельности.

В УПК РФ при этом прописано, что предварительное следствие по указанной статье ведут следователи СК РФ (до внесения изменений это были следователи органов внутренних дел).

Суды разъясняют

Допускается ли рассмотрение уголовного дела в апелляционной инстанции одним судьей?

Пункт 2 части 3 статьи 30 УПК РФ, в отличие от ранее действовавшего правового регулирования, предполагавшего только коллегиальное апелляционное рассмотрение уголовных дел вышестоящим по отношению к районному судом, в настоящее время допускает единоличное рассмотрение таким судом в апелляционном порядке уголовных дел о преступлениях небольшой и средней тяжести. Данная норма не связывает вопрос о составе суда ни с видом приговора (который может быть как обвинительным, так и оправдательным, т.е. вообще исключаящим оценку деяния как преступления безотносительно к его тяжести), ни с квалификацией в приговоре содеянного как преступления той или иной тяжести. Критерием для определения состава суда служит квалификация, которая была дана органом предварительного расследования при направлении уголовного дела в суд, поскольку апелляционному рассмотрению подлежит уголовное дело в целом, а не только окончательное решение суда первой инстанции.

Кроме того, в случае полного или частичного оправдания лица суд указывает, в совершении какого именно преступления оно признано невиновным. В частности, при оправдании подсудимого по обвинению в особо тяжком преступлении поступившее в вышестоящий суд

дело остается делом об особо тяжком преступлении. Иное означало бы неравноценность обвинительных и оправдательных приговоров, что противоречит назначению уголовного судопроизводства, которому в равной мере отвечают уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, с одной стороны, и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, – с другой (часть 2 статьи 6 УПК РФ).

Соответственно, состав суда апелляционной инстанции – коллегия из трех судей или судья единолично – предопределяется тяжестью преступления, обвинение в котором было предъявлено лицу органом предварительного расследования.

(Определение КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 215-0)

Допускается ли в судебном разбирательстве изменение обвинения в сторону смягчения?

Исходя из части 2 статьи 252 УПК РФ изменение обвинения в судебном разбирательстве, в том числе государственным обвинителем, допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Суд вправе устанавливать виновность лица лишь при условии, если доказывают ее органы и лица, осуществляющие уголовное преследование. Поскольку, по смыслу статей 118 и 123 (часть 3) Конституции РФ, суд, рассматривая уголовные дела, осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять органы и лиц, формирующих и обосновывающих обвинение, то не устраненные ими сомнения в виновности обвиняемого, согласно статье 49 (часть 3) Конституции РФ, толкуются в пользу последнего. Таким образом, если органы уголовного преследования не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более если прокурор и потерпевший отказались от поддержания обвинения в суде (полностью или частично), то это должно приводить – в системе действующих уголовно-процессуальных норм при их конституционном истолковании – к постановлению в отношении обвиняемого оправдательного приговора или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

В то же время отказ от обвинения и его изменение в сторону смягчения требуют мотивированного обоснования, поскольку мотивированность решения предполагает возможность его последующей проверки, и что вынесение судом решения, обусловленного такой по-

зицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, законность же, обоснованность и справедливость данного решения возможно проверить в вышестоящем суде.

(Определение КС РФ от 10 февраля 2016 г. № 226-0)

Даны новые разъяснения по вопросам присуждения компенсации за судебную волокиту.

Пленум Верховного суда РФ дал новые разъяснения по вопросам присуждения компенсации за нарушение прав на судопроизводство и на исполнение судебного акта в разумный срок.

В частности, обращается внимание на то, что присуждение такой компенсации лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за указанные нарушения.

Перечислены категории требований, подпадающие под действие закона о названной компенсации, а также случаи, на которые он не распространяется.

Подчеркивается, что права на судопроизводство и на исполнение судебного акта в разумный срок неотчуждаемы и непередаваемы, в том числе в порядке уступки требования.

Поэтому право на компенсацию имеет только лицо, участвовавшее в судебном разбирательстве, или лицо, в пользу которого выдан исполнительный документ. В случае процессуальной замены лица его правопреемником в спорном материальном правоотношении обстоятельства, связанные с нарушением указанных прав, имевшие место до перехода прав к правопреемнику, не могут являться основанием для удовлетворения его требования о компенсации.

Согласно прежним разъяснениям в случае смерти гражданина или реорганизации юрлица, обратившихся с заявлением о присуждении компенсации, допускалась замена указанных лиц их правопреемниками на любой стадии процесса и на стадии исполнения судебного решения.

Подробно разъяснен порядок подачи заявления о присуждении компенсации (форма, срок, основания для возврата и т. д.).

Указано, что необходимо учитывать при подготовке дела к судебному разбирательству, рассмотрении заявления, вынесении и исполнении решения о присуждении компенсации.

В каждом конкретном случае нужно обеспечивать индивидуальный подход к определению ее размера.

(Постановление Пленума ВС РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»)

Конституционный суд РФ установил порядок исполнения постановления ЕСПЧ об избирательных правах осужденных.

Европейский суд по правам человека в постановлении от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» пришел к выводу, что установленное статьей 32 (часть 3) Конституции РФ ограничение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод субъективное право на участие в выборах. В связи с этим Министерство юстиции Российской Федерации обратилось в Конституционный суд РФ с запросом о разрешении вопроса о возможности исполнения данного постановления.

Конституционный суд РФ признал:

– исполнение в соответствии с Конституцией РФ указанного постановления ЕСПЧ в части мер общего характера, предполагающих внесение изменений в российское законодательство (и тем самым изменение основанной на нем судебной практики), которые позволяли бы ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы по приговору суда, – невозможным;

– исполнение данного постановления в части мер общего характера, обеспечивающих справедливость, соразмерность и дифференциацию применения ограничений избирательных прав, – возможным и реализуемым в российском законодательстве и судебной практике (при этом федеральный законодатель правомочен оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудительным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав);

– исполнение постановления в части мер индивидуального характера, которые предусмотрены действующим законодательством РФ в отношении граждан С.Б. Анчугова и В.М. Гладкова, невозможным, поскольку указанные граждане были приговорены к лишению свободы на длительные сроки за совершение особо тяжких преступлений, а потому не могли рассчитывать – даже согласно критериям, разрабо-

танном Европейским судом по правам человека, – на доступ к избирательным правам.

(Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П)

Верховный суд РФ подготовил ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности.

Вопрос 1.1. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных по части 1 статьи 116 УК РФ (в редакции ФЗ от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ)?

Ответ. Если преступление было совершено в отношении лица, не являющегося для осужденного близким, приговор подлежит пересмотру, а осужденный – освобождению от наказания ввиду устранения преступности деяния. Действия такого осужденного не могут быть пере-квалифицированы на статью 116.1 УК РФ, диспозиция которой содержит иные признаки объективной стороны преступления и, в частности, такой криминообразующий признак, как совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

Вместе с тем, если в материалах уголовного дела (далее – дело) имеются сведения о том, что побои или иные насильственные действия совершены осужденным в отношении близкого лица, приговор пересмотру не подлежит, поскольку новый уголовный закон не улучшает его положение.

Вопрос 1.2. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных по статье 157 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ)?

Ответ. Да, подлежат. Диспозиция статьи 157 УК РФ (в новой редакции) в сравнении с диспозицией статьи 157 УК РФ (в редакции ФЗ от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) содержит новый криминообразующий признак – неоднократность, то есть совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию. Поэтому лица, осужденные по статье 157 УК РФ (в редакции ФЗ от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), в силу положений статьи 10 УК РФ освобождаются от наказания.

Вопрос 1.3. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных по части 1 статьи 158, части 1 статьи 159, части 1 статьи 159.1, части 1 статьи 159.2, части 1 статьи 159.3, части 1 статьи 159.5, части 1 статьи 159.6 и части 1 статьи 160 УК РФ (в редакциях указанных статей, действовавших до 15 июля 2016 года), а также осужденных по части 1 статьи 159.4 УК РФ (в редакции Ф3 от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ)?

Ответ. Да, подлежат ввиду устранения новым уголовным законом преступности деяния, если стоимость похищенного чужого имущества составляет не более 2500 рублей (то есть 2500 рублей или менее этой суммы). В соответствии с изменениями, внесенными Ф3 от 3 июля 2016 года № 326-ФЗ в статью 7.27 КоАП РФ, хищение чужого имущества стоимостью не более 2500 рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии квалифицирующих признаков соответствующих преступлений признается мелким хищением, влекущим административную ответственность.

Вопрос 1.4. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных по статьям 159 и 159.4 УК РФ (в редакции Ф3 от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ) за хищение чужого имущества путем мошенничества?

Ответ. Да, подлежат в том случае, если лицо осуждено по статье 159.4 УК РФ (в редакции Ф3 от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ) или по любой из частей статьи 159 УК РФ за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации и стоимость похищенного чужого имущества составляет менее 10 000 рублей. Такое лицо с учетом примечания 1 к статье 159 УК РФ (в новой редакции) подлежит освобождению от наказания ввиду устранения преступности деяния, содержащего указанные признаки.

Если же стоимость похищенного составляет 10 000 рублей или большую сумму, но не превышает 3 миллионов рублей, действия лиц, осужденных за мошенничество, содержащее указанные признаки, по части 3 или части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Ф3 от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ), подлежат переквалификации на часть 5 статьи 159 УК РФ, а если не превышает 12 миллионов рублей – на часть 6 статьи 159 УК РФ.

Вопрос 2.1. Как теперь следует квалифицировать коммерческий подкуп на сумму, не превышающую 10 000 рублей, или получение

взятки, дачу взятки в размере, не превышающем 10 000 рублей, если эти деяния совершены при наличии квалифицирующих признаков, указанных соответственно в статье 204 либо в статьях 290 и 291 УК РФ?

Ответ. Статья 204.2 УК РФ (мелкий коммерческий подкуп) и статья 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) содержат специальные нормы по отношению к нормам статей 204 и 290, 291 УК РФ и не предусматривают такого условия их применения, как отсутствие квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных частями 2–4, 6–8 статьи 204, частями 2–6 статьи 290 или частями 2–5 статьи 291 УК РФ.

В связи с этим коммерческий подкуп на сумму, не превышающую 10 000 рублей, получение взятки, дача взятки в размере, не превышающем 10 000 рублей, влекут ответственность по части 1 статьи 204.2 либо по части 1 статьи 291.2 УК РФ независимо от того, когда (до 15 июля 2016 года или после этой даты) и за какие действия (законные или незаконные) они совершены, в каком составе участников (единолично или группой лиц), а также наличия или отсутствия других квалифицирующих признаков коммерческого подкупа и взяточничества.

Мелкий коммерческий подкуп или мелкое взяточничество, совершенные после 15 июля 2016 года лицом, имеющим судимость по соответствующим статьям, влекут ответственность по части 2 статьи 204.2 либо по части 2 статьи 291.2 УК РФ.

Вопрос 2.2. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные частями 1–4 статьи 204, частями 1, 3, 4, 5 статьи 290, частями 1, 3, 4 статьи 291 УК РФ (в редакциях, действовавших до 15 июля 2016 года), если предмет коммерческого подкупа или размер взятки составлял сумму, не превышающую 10 000 рублей?

Ответ. Да, подлежат с переквалификацией действий осужденных на часть 1 статьи 204.2 или на часть 1 статьи 291.2 УК РФ.

Вопрос 2.3. Кого следует считать субъектом мелкого коммерческого подкупа (статья 204.2 УК РФ) и мелкого взяточничества (статья 291.2 УК РФ)?

Ответ. Субъект преступления, предусмотренного статьей 291.2 УК РФ, полностью совпадает с субъектом преступлений, предусмотренных статьями 290 и 291 УК РФ, а субъект мелкого коммерческого подкупа – с субъектом коммерческого подкупа (статья 204 УК РФ).

Вопрос 2.4. Может ли быть привлечено к ответственности по статьям 204.2 или 291.2 УК РФ лицо, оказавшее посреднические услуги при передаче предмета коммерческого подкупа на сумму, не превы-

шающую 10 000 рублей, либо взятки, размер которой не превышает 10 000 рублей?

Ответ. Нет, не может. В соответствии со статьей 204.1 УК РФ, действующей с 15 июля 2016 года, и статьей 291.1 УК РФ, а также примечаниями к статьям 204 и 290 УК РФ уголовная ответственность установлена только за посредничество в коммерческом подкупе или во взяточничестве, если сумма предмета подкупа или размер взятки являются значительными (превышают 25 000 рублей).

Вопрос 3.1. Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ, в частности, повышены – крупный и особо крупный размеры (ущерб, доход, задолженность), которые являются криминообразующими либо квалифицирующими признаками ряда преступлений, относящихся к главе 22 УК РФ. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за такие преступления?

Ответ. Да, подлежат, поскольку в этой части уголовный закон имеет обратную силу. Действия осужденных подлежат перекалфикации на соответствующие части статей главы 22 УК РФ в редакции ФЗ от 3 июля 2016 года № 325-ФЗ со смягчением наказания, а в случаях, когда размер совершенного преступления либо причиненный преступлением ущерб, полученный доход или образовавшаяся задолженность, являясь криминообразующим признаком объективной стороны состава соответствующего преступления, не достигает вновь установленного размера (ущерба, дохода, задолженности), осужденные подлежат освобождению от наказания ввиду устранения преступности деяния.

Например, если лицо было осуждено по части 1 статьи 171 УК РФ за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации, сопряженной с извлечением дохода в крупном размере на сумму 2 000 000 рублей, то с учетом примечания к статье 170.2 УК РФ оно подлежит освобождению от наказания, так как применительно к части 1 статьи 171 УК РФ крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признаются стоимость, ущерб, доход либо задолженность в сумме, превышающей 2 250 000 рублей.

Вопрос 3.2. Подлежат ли пересмотру и приведению в соответствие с новым уголовным законом на основании статьи 10 УК РФ вступившие в законную силу приговоры в отношении лиц, осужденных за преступления, предусмотренные статьями 171.1, 180, 185 и 193 УК РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору?

Ответ. Да, подлежат, поскольку новым законом санкции за эти преступления, совершенные группой лиц по предварительному сговору, смягчены.

(Утверждены Президиумом ВС РФ 28 сентября 2016 года)

Кто, кроме адвоката, может участвовать в суде в качестве защитника? Может ли защитник, не являющийся адвокатом, участвовать в досудебной стадии уголовного процесса?

Согласно Конституции РФ, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи; каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения; в то же время каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, не нарушая при этом права и свободы других лиц. Тем самым принадлежащие лицу, подвергнутому уголовному преследованию, право на защиту и право на квалифицированную юридическую помощь не могут осуществляться противоправным способом.

Закрепленное в статье 48 Конституции РФ право не означает возможность подозреваемого или обвиняемого выбирать в качестве защитника любое лицо по своему усмотрению и не предполагает участие в уголовном процессе любого лица в качестве защитника; гарантируя каждому, в том числе подозреваемому и обвиняемому, право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство может устанавливать с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования к лицам, уполномоченным на оказание такой помощи; участие в качестве защитника в ходе предварительного расследования уголовного дела любого лица по выбору подозреваемого или обвиняемого может привести к тому, что защитником окажется лицо, не обладающее необходимыми профессиональными навыками, а это несовместимо с задачами правосудия и обязанностью государства гарантировать каждому квалифицированную юридическую помощь. Таким образом, защиту в досудебном производстве по уголовному делу вправе осуществлять только адвокат.

Вместе с тем применительно к судебной стадии уголовного процесса одним из способов защиты от предъявленного обвинения, который не только не запрещен, но и прямо закреплен частью 2 статьи 49 УПК РФ, является приглашение для участия в судебном заседании по

ходатайству обвиняемого в качестве защитника наряду с адвокатом одного из его близких родственников или иного лица, которое допускается к такому участию по определению или постановлению суда (при производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката). Отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться этим способом и тем самым ограничение гарантируемого статьей 45 (часть 2) Конституции РФ права могут иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований; часть 2 статьи 49 УПК РФ не предполагает право суда произвольно – без учета иных положений данного Кодекса, обстоятельств конкретного дела и особенностей личности приглашаемого в качестве защитника – отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого.

Такой же позиции придерживается и Верховный суд РФ, разъяснивший судам, что при разрешении ходатайства о допуске одного из близких родственников или иного лица в качестве защитника следует не только проверять отсутствие обстоятельств, указанных в статье 72 УПК РФ и исключающих участие в производстве по уголовному делу, но и иметь в виду характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу; решение об отказе в удовлетворении ходатайства должно быть мотивированным (пункт 11 постановления Пленума ВС РФ от 30 июня 2015 года № 29).

Соответственно, поскольку именно суд своим определением или постановлением разрешает вопрос о возможности участия в судебном заседании в качестве защитника наряду с адвокатом одного из близких родственников обвиняемого или иного лица, постольку суд – исходя из конституционного требования о реализации права защищать свои права и свободы способами, не запрещенными законом, и не нарушая права и свободы других лиц – вправе не допустить к участию в деле лицо, о допуске которого в качестве защитника ходатайствует обвиняемый, если поведение такого лица, в частности нарушение им порядка в судебном заседании либо неподчинение распоряжениям председательствующего или судебного пристава, свидетельствует о злоупотреблении правом с его стороны, о неуважении к суду, препятствует надлежащему отправлению правосудия и осуществлению иными участниками процесса своих прав и обязанностей, о чем суд выносит определение или постановление в том же порядке, что и о допуске к участию в деле.

Лицо, допущенное к участию в уголовном деле в качестве защитника, сохраняет свои уголовно-процессуальные права и обязанности до тех пор, пока судом не будет принят отказ обвиняемого от данного защитника или суд не примет решение о его отводе (отстранении от участия в деле). Лицо, не являющееся адвокатом и допущенное к участию в суде первой инстанции в качестве защитника, вправе обжаловать судебное решение в апелляционном порядке и принять участие в заседании суда апелляционной инстанции; если же такое лицо не принимало участия в суде первой инстанции, то в суде апелляционной инстанции оно по определению или постановлению суда может быть допущено в качестве защитника лишь наряду с адвокатом (пункт 3 постановления Пленума ВС РФ от 27 ноября 2012 года № 26). Это означает, что статус защитника не требует дополнительного подтверждения судом в последующих судебных стадиях производства по уголовному делу только тогда, когда указанное лицо принимало участие в качестве защитника в суде первой (предыдущей) инстанции.

Однако при возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом согласно частям 1 и 1.2 статьи 237 УПК РФ неустранимость в судебном производстве процессуальных нарушений, имевших место на стадии предварительного расследования, предполагает проведение необходимых следственных и иных процессуальных действий в процедурах досудебного производства по уголовному делу, а потому – по смыслу взаимосвязанных положений статей 49 и 237 данного Кодекса и сформулированных КС РФ правовых позиций, а также принимая во внимание, что конституционные принципы правосудия требуют неукоснительного следования процедуре уголовного судопроизводства, гарантирующей соблюдение процессуальных прав его участников, и что однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться схожим образом, – защиту обвиняемого на данном этапе уголовного процесса вправе осуществлять лишь адвокат.

Иное приводило бы к тому, что в случае возвращения уголовного дела прокурору мировым судьей, к производству у которого в качестве защитника лицо допущено вместо адвоката, нарушались бы общие требования к квалификации защитника на досудебной стадии производства по уголовному делу, происходила бы подмена отвечающего данным требованиям адвоката, чьи обязательства перед доверителем и ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение закреплены законодательно, непрофессиональным защитником,

а значит, снижались бы гарантии обеспечения права обвиняемого на получение именно квалифицированной юридической помощи по сравнению с обвиняемыми, прибегнувшими к помощи адвоката. Участие же в деле, возвращенном прокурору, защитника, допущенного к участию в судебном заседании наряду с адвокатом, также способно повлечь нарушения принципа равенства, снижение указанных гарантий – ввиду неопределенности правового статуса такого лица, степени его самостоятельности как защитника на досудебной стадии судопроизводства.

Приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями уголовно-процессуального закона, создание предпосылок для правильного применения норм уголовного закона дают возможность после устранения выявленных процессуальных нарушений вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу. При этом уголовное дело поступает в суд первой инстанции для нового судебного разбирательства, что предполагает прохождение всех его необходимых стадий, а также исследование конкретных обстоятельств дела, которые могли претерпеть изменения, в том числе характера и особенностей обвинения, подсудности дела и пр. Принимая уголовное дело к своему производству, суд в силу части 1 статьи 11 УПК РФ обязан разъяснить подсудимому его право на приглашение выбранного им защитника, а разрешая вопрос о наличии или отсутствии обстоятельств, препятствующих участию в деле приглашенного в качестве защитника лица, суд не может не учитывать прежнее судебное решение, которым это лицо было допущено к участию в судебном заседании. Сама же процедура разрешения судом вопроса о допуске к участию в деле в качестве защитника близкого родственника обвиняемого или иного лица направлена на защиту прав и законных интересов обвиняемого и не может расцениваться в качестве нарушения или ограничения его права на защиту, притом что решение суда об отказе в допуске в качестве защитника должно быть мотивированным и может быть обжаловано заинтересованными лицами в вышестоящий суд.

(Определение КС РФ от 26 апреля 2016 г. № 708-О)

Шкипер Юша и охота на енота

Байки из зоопарка

Мы продолжаем серию рассказов о бывшем осужденном Юше, который стал старшим смотрителем в зоопарке, и практиканте биофака Шурике Масолове, попавшем под его начало. Смотритель и студент постоянно попадают в криминальные переплеты, связанные с «зоной для зверей» города Мокрого Паханска.

Вечерний променад, или Бегство с плантации кактусов

Уж скоро месяц практике моей... Надо же, стихами заговорил. Ну, стихами – еще ничего. Я вот стал замечать, что незаметно перехожу на язык моего наставника Юши, в просторечии именуемый «феней». Хотя сам шкипер Юша этого слова не признает, говорит: «Кто по фене ботает, тот по параше летает».

– Шурик, нету никакой Фени в ботах. Была да вся вышла. Я базлау чисто по-русски. А ежели кто за феню хлещется – так тот просто фу-цан проштымпованный.

Понемногу я стал «русский шкиперский» понимать. Боюсь, по возвращении из зоопарка в универ наблатыкаюсь и вовремя на нормальную речь не смогу соскочить. Зачет препод не поставит, а я ему: «Ну ты наглый, как колымский пидор!»

Шкипер Юша – не моряк, если кто не понял, а главный над «киперами» – младшими смотрителями. Вот букву и добавил, чтобы от них

отличаться. А «Юша» – это у него еще с зоны, вообще-то его Анатолий Ефимович зовут.

Недавно слег дядя Толя в больницу с бронхитом, и это вышло мне боком. Раньше я считался лицом, приближенным к шкиперу, и грязной работой манкировал. А теперь пришлось и клетки драить, и разную живность кормить, и вкалывать на строительстве открытых площадок для гималайских медведей. Рыжая Валька, безмятежный Володя, дерганый Анвар Ганиев и прочие «киперы» со мною поддерживали хорошие отношения (вернется шкипер – за меня башку оторвет и даст макакам поиграть).

Зато замдиректора Лисовская отыгралась по полной. Я подозреваю, она вообще никого не любит, кроме капюшонового крыса, что живет у нее в аквариуме. Эти поганцы по документам проходят как корм для удавов (крысы, а не замдиректора). Но гаденыш нашел подход к одинокой женщине: бегаёт по ней, щекочет шейку, на плечико сядет и чего-то шепчет ласково... Куда я попал? Рыжая Валька мурлычет с пантерой Аглаей, Лисовская чешет крысу пузико... Скоро от такой компании я сам в клетку спрячусь. К скорпионам. Хотя скорпионы у нас пока отсутствуют. Если не считать замдиректора.

– Потерпи, Шурик, скоро снова буду на районе, – успокоил меня отечески Юша, когда я после тяжелого и вонючего трудового дня зашел к нему в палату. Потом втянул носом воздух и спросил: – Че, у орланов был?

- Ага, – подтвердил я. – Птенцом разродились. Говорят, пацан.
- Орланы говорят?
- Не, Амалия Аскольдовна.

Ляпнул – и понял, что зря. Амалия, начальница ветеринарного отдела, – тайная любовь Анатолия Ефимовича. А раз тайная, значит, неразделенная. Иначе чего таить-то? Да и дело не в любви.

Юша с ходу что-то прочувствовал. В этом месте шкипер меня наверняка бы сурово поправил:

– От же ты рогомет. Чувствуют только хрен в дырке и мелочь в кармане.

Скажем так: шкипер что-то уловил. То ли в голосе моем, то ли срисовал по лицу.

– И как Амалия? – мрачно поинтересовался он.

– Да потихоньку... – робко соврал я.

– Потихоньку я тебе в рыло кактусом въеду! – зарычал Юша, указывая на воинственный строй кактусов в горшочках, украшавших боль-

ничное окно. Кактусов было штук пять. Особенно мне не понравился большой, с несколькими отростками, покрытый толстыми шипами. Если шкипер решит в рыло въехать, точно его выберет. – Я тебя как шурика спрашиваю: что случилось? Считать до одного или сразу мордой в унитаз?!

– Да все, все! – взмолился я. – Че вы так... радикально. Ну, вчера ее вызвали в полицию...

– Амалию – в мусарню?! – возмутился шкипер. – И чего шьют? Аборт красноухой черепахе?!

Вот откуда у него такие фантазии? Красноухая черепаха у нас в зоопарке, конечно, есть. Но почему Юша вспомнил именно ее?

– Да ничего не шьют, – успокоил я. – У нее дядя пропал. Полицаи вызвали ее на опознание в морг. Оказалось, труп – совсем не дядя. То есть, может, и дядя, но не Амалии. А с ней все равно обморок случился. Пришлось в больницу везти.

Я хотел утешить Юшу и добавить, что из морга в больницу – лучше, чем из больницы в морг. Но вовремя язык прикусил. А то попадешь под горячую лапу шкипера и на холодный стол патологоанатома.

Юша закашлялся и присел на постели. Новость его крепко шарахнула по непробиваемой лысине.

– Че, Ефимыч, подруга твоя эта Армания? – сочувственно донеслось с соседней койки.

– Глохни на минуту, шоб не вышло насовсем, – зло огрызнулся шкипер.

Койка на всякий случай умерла.

– Сегодня не получится навестить... – бурчал себе под нос Юша. – Но рвать когти надо. Костюмчик у меня «Пума», кроссы вон в углу стоят.

– Вас же еще не выписали!

– Усохни! Макарыч, – обратился шкипер к мертвой койке, – если чего, я по продолом¹ гуливаню. Ну, типа, вечерний променад. Уловил?

– Уловил, Анатолий Ефимович, – уважительно отозвался Макарыч. – Лимонад так лимонад. А...

– А команду глохнуть никто не отменял, – напомнил шкипер.

И мы удалились на вечерний «лимонад».

¹ Продол – коридор.

В когтях у хищника, или Два яйца, одинаковых с лица

Мы упали в первую попавшуюся «тачку» и понеслись в зоопарк. Я плюхнулся сзади, Юша – впереди. Недалеко от звериной обители водила резко тормознул: наперерез на красный вылетело спортивное авто и скрылось в легком сумраке, игриво мигнув задними фарами.

– Ссука, насосала на тачку и носится, как в дырку трахнутая! – завопил водила.

Я хотел удивиться, как он успел разглядеть, что за рулем женщина. Но вместо удивления заорал вслед за водителем: какая-то мохнатая тварь спрыгнула мне на шею, потом – на колени. Видно, прежде она дремала между сиденьем и задним стеклом.

– Ты что?! – взревел шофер.

– Хрен в манто! – громыхнул Юша, заглушив нас обоих. И рывкнул на водителя: – Ты чего так тормозишь?! Я чуть кумполом стекло не высадил.

– Пристегиваться надо! – огрызнулся тот. И, обернувшись ко мне, спросил: – Какого черта орешь? Вроде нам в зад никто не въехал.

– Будешь гавкать – въедут, – мрачно пообещал Юша. – И в зад, и в рот.

– Ты, отец, попутался совсем?! – возмутился водила. – За базаром следи!

– Захлопни ковш, – грозно посоветовал Юша. – Нас всех чуть не поубивал да еще Шурика напугал.

Но я уже успокоился. Животное оказалось мягкой игрушкой, которую я принял за мелкого хищника.

Хозяин машины расхохотался, забыв о перепалке со шкипером.

– Дурень! Это же енот плюшевый! – весело пояснил он мне. – А я чуть от ужаса в штаны не наложил...

– Я тоже, – неожиданно признался Юша. – Ты, Шурик, орешь хуже потерпевшего. Че, киндерам чучелко везешь? – спросил он водилу.

– Не, это талисман, – пояснил хозяин тачки. – Машина у меня «Ниссан Нота», ее «енотом» называют. Вот я сзади игрушечного енота и пристроил.

– Разумно, – кивнул Анатолий Ефимович. – Спереди – Николай-угодник, сзади – полоскун-хранитель.

В зоопарке Юша семимильными шагами понесся к зданию администрации, успев, однако, почесать бороду тибетскому яку Фиделю – своему старинному приятелю. Подруга яка ревниво захрюкала.

– Че раскудахталась, Нюшка? – цыкнул шкипер. – Мы что с Федей, гомики? К Вальке рыжей ревнуй. Валька, она до яков охочая – ууу...

И под это «ууу» мы поскакали дальше.

Пряничный домик администрации сиял огнями окон. Значит, и директор Гликман, и мадам Лисовская до сих пор на месте. Фанатики. Как говорит дядя Толя, их оттуда сраной метлой не выгонишь.

Когда мы ворвались в директорский кабинет (то есть Юша ворвался, а я следом юркнул), Гликман пронзал взглядом монитор, сидючи за письменным столом. Судя по отражению в оконном стекле за спиной директора, его танк крушил врага где-то у деревни Прохоровки.

– Опять балду гоняешь? – приветствовал директора Юша.

– Толя, что ты несешь?! – горестно мякнул Гликман. – Тебя уже выписали?

– А ты думал, я «пятнашку» буду мотать? Лучше курсани меня насчет Амалии. Я почему последним узнаю? Тоже мне друг. Таких друзей...

Тут Гликман разглядел за Юшей меня, и очи его грозно пыхнули.

– Так вот кто у нас стукач! – шлепнул он по столу пухлой ладошкой. – Зачем больного человека с койки поднял?! Кто тебя за язык дергал? Пошел вон отсюда! Завтра же...

– Базар килма!² – оборвал Юша. – Сема, не доставай пацана и мою ранимую душу. А то завтра, оно наступит не для всех...

Гликман тихо застонал.

– Ну что ты его за собой таскаешь, как Христос блудницу? – жалобно спросил он, ткнув пальцем в мою сторону. – Ему практику надо проходить, он же будущий биолог! А с тобой у него одно будущее – вагон столыпинский да стук колес. Пассажир с «Титаника»...

– Сказал бы – писюн тебе на язык, но мы ж интеллигентные люди... По крайней мере, я. Не бздо, дурному не научим. Будет Шурику и биология, и зоология, и патология.

– За патологию не сомневаюсь, – мрачно буркнул Гликман. – Словом, пусть выматывается, а мы насчет Амалии поговорим.

– Он же от меня все узнает, какая разница...

– Один скребет, другой дразнится! – неожиданно взвился Гликман. А с виду – культурный гражданин. – При нем ничего не скажу!

– Шурик, топай до дому, – отпустил меня шкипер.

---

² Базар килма (*жарг.*) – отставить разговоры.

И я потопал. Но что-то мне нашептывало: вляпался ты, студент, по самые свои ослиные уши.

Предчувствия меня, как всегда, не обманули...

Придя наутро в зоопарк, я тихо прошмыгнул к орланам, глянул, как у них с потомством, а потом занялся рутинной киперской работой. Только бы от Юши подальше. Но мысленно уже ощущал на плече его железную хватку. Неужели наши приключения никогда не кончатся?!

И точно, вскоре я сидел со шкипером на бетонной плите, рядом со стройкой террариума. Пока в нашем зоопарке пресмыкающиеся и земноводные занимают помещение чуть больше рабочей столовой, что доставляет страдания Гликману. Его пожирает черная зависть к коллегам, коллекции которых кишат аллигаторами, игуанами, гигантскими черепахами, анакондами и прочими дарами природы.

Юша к «гадской нечисти» сугубо параллелен, как говорят у нас в универе.

– На хрен тебе беспонтовые полузмеи? – утешает он друга Сему. – Ты бы лучше Яше самку приобрел. Носорог – вот это человек!

Но главная печаль зоопарка, по мнению шкипера, – отсутствие настоящего бегемота. Карликовый Гоша, как говорит Ефимыч, – «недоумение природы»... Тут Юша ненавязчиво перевел стрелки с бегемота на меня:

– Ты, Шурик, тоже был недоумением, пока я тебя не приметил.

– Старик Державин нас приметил и, в гроб сходя, благословил, – вспомнил я Пушкина.

– За Державина не в курсе, но кстати о гробах. Ты же, балабос, все вчера попутал насчет дяди...

– В смысле? – не понял я.

– Амалия-то, по ходу, труп опознала! Никакой это не чужой дядя.

– А чей?

– Чей надо! Слушай и клинья не вбивай... Тут история не слабже графа Монте-Кристо. Видал кино?

– Даже читал.

– Умник...

И Юша поведал историю не слабже походов мстительного графа.

Дядя Амалии Аскольдовны вообще-то живет в Москве. Профессор-искусствовед, обладатель коллекции картин, икон, старинных книг и прочей ерунды. Все это стоит не один миллион денег, Амалия – единственная наследница. Обычно в этом месте следует тоскливый вопрос: «Блин, ну почему не мне?» Но мы его пропустим.

В Мокропаханске дядя бывает редко. Что ему тут делать? Кормить карлика Гошу огурцами? В этот раз приехал по приглашению старого друга, тоже профессора и тоже коллекционера. Но у столичного, думаю, собрание покруче. Блин, ну почему не мне?!

Приятели знакомы со студенчества, всю жизнь имели общие дела. У каждого – своя клиентура: сейчас много разных буржуев хотят притулиться к прекрасному. «А где на всех зубов найти?», как пел Высоцкий.

В общем, паханский искусник пригласил московского, чтобы тот помог в экспертизе картин: клиент столичным спецам больше доверяет. Дядя остановился у Амалии, а утром с приятелем направился к владельцу полотен. И как в воду канул. Уж полночь близится, а дядюшки все нет. За полночь Амалия стала нервничать. Дядя – человек конкретный, обязательно позвонил бы. Мобила не отвечает, больницы и морги отвечают, но отрицательно. Милиция заявление не берет, глумится: может, ваши пропащие сейчас в какой-нибудь бане с прости... с русалками хвостами шлепают! Но упертая Амалия все же оставила в райотделе фотку родственника.

– И ты представь – клюнуло! – радостно сообщил дядя Толя. – В смысле, сработала карточка. Ближе к утру, когда Амалия уже в ступор впала, звонят в дверь. Она с радости решила, что дядя. Таки нет – ментокрылые припорхали! Мол, ваши ожидания оправдались, доктор Зорге ждет вас в морге. Но все ж таки была еще надежда, наш компас земной: вдруг прижмурился посторонний чувачок? Да не судьба.

– Вы же говорили, в морге не ее дядя...

– Зато там его подельник – с биркой на ноге! Местный профессор, какой дядю в Паханск пригласил. И не простодохлый, а разделанный, как в мясном ряду. Амалии только лицо показали, остальное под простыней. Но еще в машине мусора ляпнули от великого ума: давно, по ходу, у нас расчлененок не было. И зачем было при женщине такую жуть гнать?

– Кто же его так разделал?

– За это Амалия не в курсе. Мусарня знает подробности, а мы – нет. И еще момент. Оба профессора друг на дружку сильно смахивают – маленькие, толстенные, лысенькие. Короче, два яйца, одинаковых с лица. Амалия глянула – и отрубилась. Говорит, сперва даже не разобрала, который из них на нее косит лиловым глазом.

– Вы что, уже с Амалией Аскольдовой поговорили? – удивился я.

– Да не я, – отмахнулся Юша. – Гликман рассказал. Он Амалию в больничке успел проведать, пока к ней ход не перекрыли. Вот и гадай: чи жив ее дядя, чи нет?

– Пусть полиция гадает, – заметил я. – Вы же не следователь.

– Тьфу на тебя! Не, ментам я не доверяю. Повесят жмура на какого-нибудь бичару, дядю в розыск объявят – и с плеч долой, из сердца вон. Кабы не Амалия, я бы, понятно, не впрягался...

А я бы не впрягался в любом случае. Да попробуй отвертись. Заболеть, что ли? Но со шкипером номер не пройдет.

– И как вы хотите помочь? – спросил я. – Сами же сказали, что к Амалии Аскольдовне никого не пускают. Кстати, а почему?

– Интересный вопрос. Ее даже с креста перевели в неясном направлении.

– Как это – с креста перевели? – не понял я. – С какого креста?

– С больнички, нехристь! Когда же ты по-русски базлать научишься? Но с переводом ты прав: шо за тайны мадридского двора?

И Юша погнал волны морщин по шкиперскому лбу. Мыслил. Оно и понятно: это вам не похищенный страус. Тогда-то мы с Юшей загадку быстро решили. Но одно дело – тушка страусихи Лизаветы, другое – тушка столичного профессора. Разницу улавливаете?

– Ефимыч! Ефимыч! – раздалось издалика. – Тебя тут ищут!

Мы повернулись на зов. Кричал Анвар Ганиев, которого недавно Юша чуть не прибил за спаивание слонов осетинской водкой. Анвар приветственно махал рукой, как будто от этого лучше слышно.

– Кто ищет? – грозно спросил шкипер.

– Вот!

Рядом с Анваром возникла до боли знакомая нам с Юшей фигура майора Левашова из следственного отдела полиции Советского района...

Что известно зоопарку, или О вреде утренней ухи

– Здравствуйте, братья по разуму, – приветствовал нас Левашов.

– Ты, Петрович, попутался, – угрюмо заметил Юша. – Твои братья по разуму – в обезьяньем вольере.

– Неподражаемый английский юмор, – оценил шутку майор. – И почему я тебя до сих пор по Владимирке в тундру не отправил жопой клюкву давить?

– Кандалы еще по размеру не выковали...

Следак и старый зэк любят обмениваться любезностями. Но подозреваю, есть между ними что-то вроде скрытой уважухи. Только при дяде Толе я бы это высказать не рискнул.

– Разговор у меня к тебе, Ефимыч, – пояснил следак причину визита.

– Серьезный чи так, за погоду?
– Как кривая вывезет. Желательно без адъютанта его превосходительства.

– У меня от Шурика секретов нет. Ежели что тайное – вызывай по-весткой.

– Не будем усложнять, – отмахнулся майор. – Но хоть место потише можно найти? – Он кивнул в сторону гремучей стройки.

Вскоре мы сидели в личном кабинете шкипера, куда Юшу поселил Гликман, с которым они корешевали еще по зоне. Этот темный факт своей биографии Семен Исаевич тщательно скрывает. Но со мной-то Юша поделился – по глубокому секрету.

Кабинет небольшой: круглый стол, спартанский диван, книжный шкаф с альбомами о животном мире. Мы с дядей Толей уселись на диване, майор оседлал венский стул – спинкой вперед. Стул недовольно скрипнул, Юша недовольно буркнул:

– Ну, излагай.

– Я по поводу Крупининой, вашего ветврача, – сообщил следак. – Ты в курсе, что у нее дядя пропал?

– Весь зоопарк в курсе.

– И мои братья по разуму? А что коллегу Вдовина, профессора Симоновича, с которым он...

– Стоп помалу! – оборвал шкипер. – Не гони по бездорожью. Вдовины-Симоновичи – это кто такие?

– Профессор Вдовин Алексей Станиславович – дядя Крупининой. Симонович Михаил Аркадьевич – его друг, искусствовед, живет у нас в Паханске. Вернее, жил.

– Понял. Который расчлененка.

– Тебе и такие подробности известны? – с подозрением спросил Левашов.

– Они всему зоопарку известны.

– Может, всему зоопарку заодно известно, где Вдовин? – бросил следак раздраженно.

– Выясним, – пообещал шкипер.

– А вот не надо! – Левашов даже со стула подскочил. – У нас без вас есть кому выяснять!

– Так чего ты ко мне прилепал?

– Поступила информация, что ты в сторону Крупининой неровно дышишь. В смысле – душевное влечение...

– От кого поступила?

– Всему зоопарку известно! – радостно пояснил Левашов.

– А до дела оно какое отношение имеет? – хмуро буркнул Юша.

– Пока не знаю. Также, Анатолий Ефимович, ты вчера сбежал из больницы, не завершив курс лечения. Причем сразу после гибели профессора Симоновича...

– Шо ты лепишь горбатого к стенке?! – возмутился Юша. – С каких делов тут моя больница? Профессора мне шьешь? За мной сроду жмуров не числилось, да еще и порубленных!

(Я вспомнил рассказ шкипера, как он всадил лом в грудь какого-то чучмека на «зоне» города Энгельса. Азиат служил в «лагерной полиции» – помогал начальству колонии наводить порядок. Правда, «полицей» выжил, так что это не считается.)

– Да никто тебя не трогает, – поморщился Левашов. – Пока. И, кстати, профессор не порублен. Он под поезд попал.

– Как говоришь? – переспросил шкипер. – Под поезд?

Я искоса глянул на дядю Толю: было в его голосе нечто... Как будто матерый волк унюхал запах дичи, но пока не определил, с какой стороны.

– Ну да. Есть догадки?

Однако с Левашовым волк делиться добычей не собирался.

– Какие с меня догадки... Я даже не догоняю, куда Амалию с больнички умыкнули.

– И это всему зоопарку...

– Вестимо. Люди проведать ее хотят, а вот вам здрастье...

Левашов заколебался. Решал, надо ли посвящать Юшу в детали. Наконец, посчитал, что для пользы дела можно:

– Суровая диспозиция, Ефимыч. Оба профессора – коллекционеры живописи, фарфора...

– Да это весь зоопарк знает.

– Блять! – вырвалось у следака. – И как в такой обстановке работать?!

– Ты же с Гликмана не брал подписку о неразглашении.

– Вот где собака порылась! Поменьше бы твой Гликман языком молл. Он тоже, знаешь, личность мутная, учитывая его былые заслуги...

– Это как понимать – тоже?! – возмутился Юша.

– Не нагнетай. Так вот, Крупнина – единственная наследница дяди. Или это тоже весь зоопарк знает? Да что ж такое... Учитывая, что пропали два известных коллекционера, из них один погиб при странных обстоятельствах, наследницу взяли под охрану. Нам лишние трупы ни к чему.

– А с каких делов ты трупами занимаешься? – поинтересовался шкипер. – Че-то высокогато для районного бобика.

– Тебя, босóту, не спросили, – грубо отрезал Левашов. – Я пропавшим профессором занимаюсь, а не трупом. Труп висит на следственном управлении. Пусть с ним Костанов мается. Знаком тебе такой персонаж?

– Бог миловал.

– Жаль. Авось наверстаешь.

– Че ты каркаешь? – Юшу нервно нырнул рукой в глубокий карман широченных брюк и выудил оттуда железную коробочку вроде портсигара. Я прежде у него такой не видел. На жестянке была выдавлена карта неясной местности и сверху надпись – «BELOMORCANAL». Ниже, помельче, на красном фоне – «export». Совсем внизу огромными буквами траурная наклейка: «**КУРЕНИЕ УБИВАЕТ**».

– Чего вы ее не отклеите? – спросил я.

– За здоровьем слежу, – буркнул Юша и затаился папиросой (а в кабинете, между прочим, он не курит никогда). Выпустив дым, шкипер хмуро спросил следака:

– Так, лично до меня есть вопросы?

– Ефимыч, у тебя же связи среди шпаны сохранились...

– Шо за фантазии? – Юша помрачнел и снова затаился папиросой.

– Только целку не строй, – поморщился майор. – «Беломор» у тебя сильно кучерявый. Хочешь, скажу, кто подогнал его тебе в больничку?

– От жизнь-пересылка... – окончательно расстроился шкипер. – Как у Проньки за столом: ни бзднуть, ни перднуть. Сходу сдадут. Сколько ж у вас стукачей кругом...

– На твой век хватит, – успокоил Левашов. – Да не о «Беломоре» речь. Речь о Крупининой. Для тебя помочь ее дяде – большой плюс. Уловил? А информация в вашем кругу стопудово должна выскочить.

– И я тебе ее в зубах принесу, хвостом виляючи. Ты, начальник, часом, с утра не уху ел?

Каламбурчик насчет «ухуел» прозвучал грубовато.

– Совсем краев не видишь?! – сорвался Левашов. – Я не твоя гопота обтруханная! Метлу привяжи, а то огорчусь до невозможности, как Жеглов говорил! И тебя огорчу – сильно и больно.

– Ты меня на басóк не бери, – огрызнулся Юша, но тон сбавил. – Тоже мозги включай, когда такое предлагаешь.

– Чего предлагаю? Я вербую тебя, что ли? По-людски прошу, учитывая твою душевную заинтересованность. И еще раз предупреждаю:

сам не ввязывайся. Это тебе не страусиху убиенную разыскивать... как ее там по имя-отчеству?

– Лизавета Сигизмундовна.

– Кошмар... А фамилия? Нет? Жаль. Не то бы я сам к страусам прибился. Женился бы на самочке и взял ее фамилию, чтобы в стаде за-теряться.

Напрасно он шутит. У нас есть два горных козла с фамилиями Калинин и Троцкий. В буквальном смысле козлы, а не в переносном. Фамилии им Юша определил. Гликман повозмутился (особенно за Троцкого), а потом рукой махнул.

Но я не стал утешать майора козлами. На Троцком он все равно не женится. Страусиха – дело другое.

Между тем Левашов уже серьезно сообщил, что «расклад очень поганый». Скорее всего, московский профессор не сам на рельсы прилег.

– У Симоновича автомобиль «тойота». На нем они с Вдовиным поехали к клиенту. Машину нашли в центре Паханска, а профессор погиб у нас, в Советском районе, на краю города. Как он тут оказался? Пахнет криминалом...

– У тебя нюх тоньше, ты у нас легавый, – буркнул шкипер.

– Не нарывайся! А то сам будешь парашу обнюхивать.

На удивление, Юша не огрызнулся. Видать, угроза не пустая.

– Так я продолжу. Сам знаешь, плохие вести ходят парой. Где убийство, там и второе. Но пока пропавший Вдовин – на мне. Да еще наследница. Вдруг что-то видела, слышала. Лишний свидетель. Так что Крупнина под ударом. А заодно под подозрением.

– Чего ты несешь?! – возмутился дядя Толя. – Это ж Амалия!..

– Да хоть магнолия. Обязаны подозревать, пока не доказано обратное. Понимаешь, какого уровня дело? Речь о десятках или даже сотнях миллионов. И тут ты, с твоими судимостями. Попадешь под обмолот.

– Задолбал ты. Понял, не пингвин. Скажи лучше, как Амалия, охрана у ней надежная?

– Я тебе и так выше верхнего сказал. За такое с нас погони срывают. А ввожу в курс, чтобы сориентировать, какая информация мне нужна. Если можешь, аккуратно пробей между братвы. Подумай об Амалии.

– Подумать, оно не вредно, – кивнул шкипер.

– Значит, договорились? – радостно спросил Левашов.

– Об чем? – охладил Юша. – Не в огорчение, Петрович, но я с ментами договоров не имею.

– Я с тобой в открытую, а ты... – расстроился майор. – Как же так?
– Да вот так. Жопка об жопку – и кто дальше отскочит. Иди, Петрович, без горя. Чапай думать будет.

На том и расстались.

Звериный лик Зорро и паровозные страсти

После ухода следака Юша взял паузу. Снял с полки томик Брема, полистал картинки. Потом вдруг спросил меня:

– Шурик, ты в Бога веришь?

Я даже жвачкой поперхнулся.

– Шо ты шнифты вылупил? Я ж не интересуюсь, как ты овец трахал. Я ж о высоком...

– Не знаю, дядь Толь. Не особо задумывался.

– Хреново. Вот и я тоже. Но шо-то там в воздухах все ж таки порхает. И чудеса, брат мой Шурик, в жизни случаются. Был у нас на зоне профессор вроде Симоновича... По-мелкому загремел, жене калган раскроил с ревности. Так он вспоминал: пишу я как-то талмуд за древности, за Междуреченск, тигров с ефратами... короче, порожняк всякий. И срочно приспичила ему редкая книжонка, шо-то за тьму египетскую. В библиотеках пошукал – нема! А без нее – вилы. Ну, горе горюет, пошел в лабаз³ кефирчиком отовариться. Бац! – рядом с мусоркой книжки-журналки разбросаны. И середь них эта самая фараонская шмутотень. А таких книжонок не больше десятка по Руси. Еще при Гуталине весь тираж порубили, че-то там Есе не глянулось. И как такой поворот растолковать?

– Вы к чему? – не понял я.

– Да к тому, шо, кажись, дал мне Господь набой...

– На какой бой? – тревожно спросил я.

– Наколку мне Господь дал, непуть ты мохнорылый! Помнишь ено-та, что тебя в машине за малым не загрыз?

– Ну, дядя Толя...

– Знаешь, кого енотами в бандитском мире кличут?

Вообще-то есть у меня приятель, консультант в компьютерном магазине. На их языке «енотами» называют тех, кто два часа продавцу мозги выносит, а потом уходит с пустыми руками. Но я промолчал. Чтобы «в блуд не попасть», как Юша говорит.

---

³ Лабаз – магазин.

– За «черных риелторов» слышал? Которые у лохов хаты отбирают по беспределу. Заставляют переписывать на других, а потом бывшего хозяина... – Юша сделал неопределенный жест и чпокнул.

– Убивают? – догадался я.

– Не всегда. Кому-то дают развалюху в далеком Мухосранске. Вроде как хатенками обменялись – шалаш на Дом Советов. Но бывает, и кончают особо нервных, твоя правда. Так вот, потерпевших, которые без хат остаются, бандюки промеж собой «енотами» кличут. Вроде как енота из норы вытравливают.

– А при чем здесь енот в машине?

– Знамение небесное! Подсказка свыше. Опять же Каштанка под паровозом...

– Профессор Симонович? – догадался я.

– Ну...

– А я ведь заметил, как вы напряглись, когда Левашов насчет поезда...

– Да? – удивился Юша. – Был такой факт, не спорю. Вспомнился мне один случай по ту сторону шлюза...

«По ту сторону шлюза» на шкиперском языке значит – в колонии, за «колючкой». А если кто внутри зоны так говорит, тогда, наоборот, речь о вольном мире. «Шлюз» – это пространство между двумя воротами колонии. Там машины обыскивают и все такое.

История, которую вспомнил дядя Толя, случилась с ним в прежние времена, когда он был еще не Юшей, а Мельником (фамилия его Мельников, оттуда и прозвище). В бараке (общежитии ззковском), где жил дядя Толя, подъедался кот Потапыч. Несмотря на медвежью кличку, кот был сухой, поджарый.

– Зорро нашего видел? – спросил шкипер. – Одно лицо. То есть морда. Но Гликман не разрешил мне его Потапычем назвать. Говорит, у кошачьих в имени буква «р» должна быть. Так я вlepил целых две.

Еще бы мне Зорро не знать. Кугуар здешний, разновидность ягуара. Злобный, как собака. А Юшу побаивается. Шкипер доволен: боится – значит, уважает. Зато меня эта тварь не уважает. На нюх не переносит. Может, ревнует к Юше, как Нюшка Фиделя?

К кошкам на зоне отношение хорошее, почти трепетное. Правда, не у всех. Есть и ненавистники. В отряде у Мельника среди таких числился тип по прозвищу Шифер.

– Шифер у него с крыши, по ходу, сыпался, – пояснил Юша. – Помесь верблюдка и ублюдка. Но терся промеж братвы. Хотя так, торпеда, а все равно черный.

– Почему торпеда? – не понял я.

– Такой у него был удел арестантский. Есть, к примеру, торпеды, которых в зад суют. Когда надо наркоту в зону загнать, бабло или, скажем, жопный чай, обертывают товар в целлофан и в очко запихивают. А есть и другая торпеда – амбал-толстолобик на блатном подхвате: прессануть кого, долг выбить, отбуцкать, как бабай ишака. Короче, для расправы. Вот Шифер, он из этих. Но лучше бы его кому в зад засунули...

– А «жопный чай» – это как? – любопытствовал я.

– Я ж толкую: завертывают чай и в дырке на зону проносят. А там народу сбывают. Но ежели кто узнает, каким манером чай за колючку попал... Уууу...

Что значит «уууу», я выяснять не стал.

– Однажды оперсосы лагерные удумали средство против побегов, – продолжил Юша. – В те времена побегушников развелось тьма. Видать, нашего «кума» за то и отдраили по самое не могу. Короче, заминировали «кумовья» запретку всю как есть... Полоса такая между главной стеной и колонией, от зоны отгорожена стальной сеткой, поверх – колючка. Каждый день землю в запретке взрывают, чтобы следы оставались, ежели кто пробежит на волю. Хотя я в мозгу не представляю, как через стальную сетку перелететь... Короче, поставили опера сигнальные мины. А нам втирали, что боевые. Так вот, для проверки Шифер отловил по зоне кошек – и давай их швырять через сетку! Кошаки по запретке носятся, как в дырку йодом мазанные, грохот – что твой Сталинград! Многие загнули – не от мин, так от инфаркта. А Потапыч выжил, только ссать чаще стал. Хорошо, что не в бараке. Меня тогда смотрящим на отряд люди поставили, пришлось бы разобраться со зверьком.

Однажды ночью (а настоящая жизнь на зоне начинается по ночам) Шифер нажравшись где-то самогона, завалился в отряд, как выразился Юша, «бухой, обдолбанный и дикий». А в бараке, как в казарме: ряды железных коек по обе стороны и проход между ними. Держась за спинки коек, амбал с гулким матом стал добираться до своего места. Потапыч хотел было проскочить мимо своего мучителя к выходу, да не тут-то было.

– Ему бы под койками шмыгнуть, – сокрушенно заметил скипер. – Нет же, попер по бульвару между шконками! Но Шифер, хоть и пьяный в сисю, однако на кошачье племя натасканный, как Тузик на грелку! Цап котяру за шкуру – и об спинку! Раз, другой... А на шконке дремал Валера Паровоз. Они с Шифером давно друг на дружку ядом полыха-

ли. Валера до котов был ласковый, хоть чалился по «мокрому». И с виду не катил под душегуба: душевный, но мрачный, как удав. Короче, Паровоз подлетел метра на три...

– Дядь Толя, ну какие три метра?

– Глохни, короед ботанический! Поговорку слышал? «Зэк, упившийся чифира, прыгает вверх на пять метров». Вот и Валера... Обрушился на Шифера, как коршун на суслика. А суслик под сто кило потянет. Хвать эту огудину за грызло – и коленом по яйцам. Тот кота выпустил, хрипит. Паровоз ему довеском такого леща отпустил – Шифер спланировал метра на... – Юша покосился на меня. – Как фанера над Парижопском. Я кричу: «А ну рассыпались горохом!» Толстолобый чуток оклемался – и как протрезвел: бегом с барака! Дошла эта замуть до «блаткомитета»: ну, «черные», какие за зоной смотрят. Положенец кинул Паровозу предьяву: ты чего творишь, бес? На правильного пацана руку поднял. Ты хотя из хороших парней, но закосорезил конкретно. Кулак по хате не гуляет, и хата отвечает за кровь. Спрос будет суровый. И со смотрящего тоже.

Тут я вклинился. Спору нет, господа босяки, факт имеется. Но, во-первых, кулак по хате не гулял, Валера оплеуху влепил – чисто побратски. Во-вторых, крови тоже не было, что подтвердит толпа очевидцев. А на третье: братва, Шифер берегов уже совсем не видит. Вперся вмазанный середь ночи в хату, гай-гуй поднял, говнодавы не скинул, все вокруг засрал, кота опять же о спинку... Это че, достойный арестант или заслуженный фашист? Дальше пошли базары, кто кого перерамсит. Чья возьмет, значит. Хотя в пятерке почти все – кошатники и Шифера не одобряли, но и замять дело нельзя. Решили так: раз Паровоз отпустил оплеуху побратски, то и сам должен «почувствовать братскую руку». А за одним – отстегнуть куш на «людское». И куш, я тебе скажу, немалый. Насчет братской руки значит – Валера от Шифера пощечину примет. А нет – перо под ребра и душа с него вон. Но я-то понимал, Паровоз на это никогда не подпишется, ему проще самому Шифера завалить, а там хоть трава не расти. Я и рубанул: иду по кушу, долю на общак подымаю вчетверо. Только чтобы без братской руки. Шифер вопит: не согласен, не по понятиям! Но, братец Шурик, в нашем мире понятия не шифером писаны, при случае можно повернуть по-свойски. Да и лавэ на кону серьезное. Я тогда срок добивал, сумму подгрёб немалую. А вот что-то дернуло...

– Хорошо у вас там, – заметил я. – Водка, деньги... И женщины тоже?

– Бабы только на свиданках, – вздохнул Юша. – А так – все было. И наркота, и жрочка любя. Если ты с баблом, можно и колбаской приправиться, сметанкой подавиться. А бабла на зоне – что мусора. Откуда? Из воздуха. По-нашему «воздух» и значит – деньги.

– А енот тут к чему? – спросил я. – Вы же обещали про енота...

– К тому, что после этого случая Шифер выломился в другой отряд и мы с Валерой скентовались. А кенты промеж собой секретов не имеют.

Как-то за вечерним чифирком (после которого зэки на пять метров подлетают) Валера рассказал Мельнику, что по воле он работал на одну крупную группировку в бригаде Арика Кемеля. То есть не в токарном цехе вкалывал по-стахановски, а занималась бригада именно «охотой на енотов», как выразился Юша, где-то в стране Кацапии – в Центральной России (наш-то край казачий, а казаки себя считают отдельным народом). У Валеры роль была небольшая, но кровавая. Он с напарниками «сдирал шкурки», то есть с этого света направлял несчастных на тот. Все обставляли как несчастный случай – и вот именно бросали своих жертв под поезд. Таким путем Валера «слил под паровоз» нескольких человек. Но то ли стахановцы увлеклись, то ли им фантазии не хватило: нельзя все время «косить» под Анну Каренину. Менты тоже не пальцем деланные. Попался Валера с поличным (поличное лежало на рельсах в неприглядном виде). «Прессовали» бандита долго. Но он не раскололся и взял всю вину на себя. Так что его погоняло Паровоз приобрело второй смысл: пошел Валера по этапу «за паровоза», потянул за собой свои и чужие грехи.

– А месяца три назад встретил я этого Паровоза у нас в зоопарке, – завершил рассказ Юша. – Ну, как встретил – издали засек. И что характерно, братец Шурик, – у клетки с енотом!

– У нас не енот, а енотовидная собака, – поправил я.

– Поумничай! Я сам Гликману сколько раз втирал: пора бы парочку нормальных енотов прикупить. А то уссурийские собачки в Японии за оборотней канают, а я до нечисти дюже брезглив. Но базар не за то. Прикинь: Валера – и около енота! Разве не знамение? Одно к одному...

– И как прошла встреча?

– Да не было встречи. Глянул я на него из прекрасного далека и свалил без горя. На что он мне сдался? Хоть мы по зоне и корешевали, но мокрушники... Мертвячиной от них за версту тянет. А сейчас мыслю: надо было подойти. Узнать, как он: отошедший чи снова на Кемеля пашет? Если да, стало быть, Арик теперь у нас в Паханске осел.

– Думаете, это ваш дружок Симоновича... того? – догадался я.

– Фули думать, прыгать надо⁴... – философски изрек Юша.

На том мы и разошлись: он остался прыгать в кабинете, а я занялся суетным киперским трудом.

Сестра немилосердная, или Юша в шоке

К концу дня возбужденный шкипер застал меня в обезьяньей клетке.

– Я бы тебя, бабуина, оттуда не выпускал, – мечтательно вздохнул Юша.

– Это клетка гамадрилов, – недовольно поправил я, заметая огрызки.

– Так шо ж ты вперся в чужую обитель? Вылазь, черный бабуинский риелтор.

– Полчаса до конца смены, – намекнул я, постучав по часам.

– Раньше выйдем, раньше... – Юша осекся. – Короче, собирайся до Амалии в гости. Дома она уже. Весь зоопарк знает. Но мы будем первыми.

– Что, преступников нашли?

– Наверно. Определили нас с тобой мусора. Может, оно и к лучшему.

Сердце мое радостно загудело и спугнуло с ближайшей липы стаю воробьев. К Амалии так к Амалии. Может, она уже миллионерша, если ее дядя следом за приятелем отправился. Тут я перекрестился, хотя не уверен, что правильно. И мы с Юшей отправились в гости, как Винни с Пятачком. По дороге Винни купил букет и тортик наполеон. Это что, подготовка к Бородинскому сражению?

– А вы уже были у Амалии Аскольдовны? – спросил я шкипера.

– Не был, не состоял, не участвовал.

– Откуда же адрес знаете?

– Фули ты опер?! – огрызнулся Юша. – Защелкни клюв и следуй мелкой рысью.

Адрес ему в ветотделе могли дать, подумал я. Но чего он так психанул? И тут до меня дошло: наверняка Юша в свое время отследил путь Амалии, даже, возможно, иногда торчал под ее окнами. Хотя это лишь версия...

---

⁴ Фраза из анекдота о прапорщике, который, пытаясь дотянуться до висящего банана, прыгал вместо того, чтобы стать на табурет. Юша повторил ответ прапора на реплику врачей: «Думай, думайте!»

– Всё, пришли, – прервал мои размышления Юша.

Оказалось, Амалия живет в четверти часа ходьбы от зоопарка. Удобно. Дом пятиэтажный, типичная «хрущоба». Профессор мог бы для племянницы и расщедриться. Продал бы набросок какого-нибудь Шишкина или Пушкина. Зря я насчет него крестился.

– Вон ее окна, – ткнул пальцем шкипер в направлении третьего этажа. – Видишь? Свет горит. Пошли, что ли?

Впервые я заметил, что Юша слегка замялся. Понятно, чего он меня за компанию потащил. Стесняется один к Амалии ввалиться. А так – вроде коллективом. Мы проскользнули в подъезд вслед за мальчиком с футбольным мячом. На третьем этаже Юша придавил звонок. Сперва по ту сторону было тихо, потом дверь открылась – и пред нами предстала девица в белом халате медсестры.

– Вам кого? – спросила девица и скользнула взором по наклейке «УХТА» на кисти шкиперской руки.

– Амалию Аскольдовну, – вежливо пояснил Юша.

– К ней нельзя пока, – сказала медсестра. – Вы кто?

– Служивец, фамилия моя Мельников, звать Анатолий Ефимович. – И тут шкипер состроил улыбку (лучше бы он этого не делал).

Для верности дядя Толя показал коричневый пропуск с гербом России и огромной надписью золотыми буквами – ЗООПАРК. Я как-то заметил Юше, что надпись рядом с российским гербом смотрится сомнительно.

– Нормально смотрится, – успокоил меня Юша.

А вот медсестра, судя по округлившимся очам, не прочь была поспорить. Но не стала, а отрубила:

– Не положено. Постельный режим, никаких посетителей.

Однако Юша успел просунуть в дверной проем свою до блеска начищенную туфлю:

– Да я на пару минут...

Он толкнул дверь, сестрица отлетела к стене, а мы прошли в коридор.

Здесь наш скорбный путь прервался. Девица в халате выбросила правую руку к Юшиной шее, послышалось легкое жужжание вроде зуммера – и шкипер медленно сполз по стенке на оброненный им наполеоновский торт.

– Не двигайся, – обратилась медичка уже ко мне и для верности навела пистолет.

Я замер, как бандерлог перед удавом.

– Константин Константинович! – тихо позвала девица кого-то из глубин квартиры. – Первую партию я приняла.

В коридоре возник худощавый темноволосый мужчина лет сорока в светлой рубашке, следом – два мордovorота в темных костюмах (это в жару плюс тридцать с хвостиком). Мужчина пригласил меня жестом: заходи. Юшу подхватили здоровяки и потащили вслед за мной в кухню.

Окна здесь были зашторены, свет шел только из коридора. Несмотря на полутьму, медсестра быстро привела Юшу в чувство, а заодно обыскала, пока Константин Константинович изучал удостоверение.

– Мельников, значит, – весело произнес он, когда дядя Толя очнулся. – И как нынче с намолотом, дорогой товарищ Юша?

– Ты откуда меня знаешь? – хмуро спросил шипер. – Мне твоя вывеска вроде незнакомая.

– Будем знакомиться, – предложил веселый гражданин. – Костанов Константин Константинович, следственный отдел по Советскому району.

– Костанов, Костанов... Шо-то знакомое. А! – Юша хлопнул себя по лбу. – За тебя вчера Левашов говорил. Накаркал, гаденыш...

– Видали? – довольно обратился следак к своему окружению. – Слух обо мне прошел по всей Руси великой.

– За меня – тоже, я гляжу, – заметил шкипер.

– Ну, по тебе давно Кресты плачут. В обнимку с Матросской. По-ведай нам, человече, чего тебя сюда принесло.

– Амалию Аскольдовну пришел проведать! А эта вот... – он кивнул в сторону медсестры. – Гляди, шо от торта осталось.

– Вы сами на него сели, – уточнила медсестра.

– Хотя не без помощи электрошокера, – поправил ее Костанов. – Немилосердно вы, Леночка.

– Он тоже, знаете ли... – стала оправдываться сестрица.

И тут на кухне возник новый персонаж. Мы со шкипером ахнули: ну вылитая Амалия! То есть почти.

– Товарищ подполковник, уже взяли? – спросила вылитая Амалия у Костанова.

– Лебедева, лебедь ты белая, чего ты выплыла?! – вскинулся следак. – Иди у окна торчи!

– Вот оно как, – снова подал суровый голос Юша. – На живца ловите. Продуманные вы, легаши. Хорошо хоть, настоящую Амалию не притащили. А эту куклу если и грохнут, невелика печаль.

– Душевный ты человек, Мельников, – отметил Костанов. – Ее-то не грохнут. А вот как с тобой быть – вопрос.

– В каком смысле? – не понял Юша. – Я не при делах.

– Ну да. Обгадил нам всю малину, засаду засветил...

– Может, оставить его вместе с нами, товарищ подполковник? – предложил один из шкафов в темно-сером костюме. – Типа, они тут с Крупининой любовь крутят и все такое...

– Ты чего гонишь, бесорогий?! – Юша подскочил со стула.

Следак постучал ложкой по столу, как председатель суда молоточком:

– Успокойся, Мельников, никто тебя не оставит. Смысла нет. Зная о постороннем, они сунуться не рискнут.

– А если отпустить и использовать как дезинформатора? – вклинилась сестричка с шокером. – Если они действительно на него выйдут.

– Огурец не того полета, – грустно молвил Костанов. – Левашов об него уже обломался, так что не будем тратить времени зря. К тому же нельзя исключить, что наш гость с ними в связке. Вложит, и сиди здесь до морковкина заговенья.

– Да вы что, оборзели?! – громынул Юша. – Ни с кем я не в связке! Нужны вы мне...

– Есть предложение закрыть этих типов до конца операции, – высказался второй темный шкаф. – В камере они никому не помешают.

– Это вариант, – кивнул Костанов. Но не успел Юша снова возмутиться, как следак сам себе возразил: – Хотя – никакой не вариант. Если Мельникова хватятся, это не беда, утрясем. А вот с Шуриком – дело другое. У него родители, гвалт поднимется такой... Слушай, – снова обратился следователь к Юше, – а может, вас двоих под паровоз – и концы в воду?

Я похолодел, как несвежий труп. Но понял, что это Костанов так шутит.

Наконец, следователь принял решение:

– Валите отсюда, пока я добрый. И запомни, Мельников: ты и твой Шурик ничего здесь не видели и не слышали. Во избежание. Хотя, думаю, вся эта засада – пустой номер. Так, дурью маемся...

На улице уже стемнело. Мы побрели по-над домами, мимо заброшенного детского сада, и Юша задумчиво произнес:

– Что-то тут не так. Слишком легко они нас выпустили. Что-то не то...

Внезапно он нырнул в воротца, которые вели к развалинам детсада, успев тихо бросить мне:

– Амором, не отставай!

И мы понеслись, запетляли, перескакивая через какие-то шлакоблоки, взбираясь на мусорники и перелетая через ограды. Юша ока-

зался притким, и вскоре я стал задыхаться. Тогда он толкнул меня в щель между гаражами и сам втерся туда же:

– Замри...

У меня что-то гулко билось внутри головы. Мы молча стояли минут пять, пытаюсь отдышаться. Затем вблизи послышались негромкие голоса:

– Где они?

– Как сквозь землю...

– Не мог этот бегемот так шустро ноги сделать. Пацан еще туда-сюда...

– Докладывай Косте и готовься к втыку.

– Всегда готов...

Голоса затихли. Мы вылезли из щели.

– Оторвались, – резюмировал скипер. – Вот штемпы колхозные, чему их там, в ментовке, учат...

– Так они что, за нами следили? – догадался я.

– А ты думал? Только вести должны были не нас, а тех, кто за нами увяжется. Это ежели лихие пацанчики, какие двух яйцеголовых умыкнули, за домом Амалии наблюдают. Но, видать, никто нас не пас. Вот опера и держались на расстоянии. А то бы мы их с хвоста не скинули.

Мы еще поблуждали и вышли на темное шоссе. Скипер стал ловить тачку, а я позвонил маме и сообщил, что задерживаюсь. Она обещала пожаловаться на Гликмана. Этого еще не хватало.

Вскоре рядом с нами тормознул подержанный «форд», открылась передняя дверь, и голос из глубин произнес:

– Час в радость, Мельник...

– Чифир в сладость, – ответил мрачно дядя Толя. – Шурик, лезь назад. Прокатимся маленько.

Не на свадьбе у Маланы, или Юша рвется в санаторий

– Стало быть, это ты за домиком приглядываешь, – раздумчиво протянул скипер, обращаясь к водиле, когда «форд» катил по сумеречной трассе.

– Арик послал пробить ситуацию. Секу, тут ты зарисовался...

– Я вольный человек, гуляю, где душа просит.

– И она тебя попросила нырнуть именно в этот подъезд?

– С какой целью интересуешься, Валера? – спросил Юша. – Я у тебя под надзором?

– Чего ты так реагируешь? Мне твои дела по барабану. Зашел, вышел. Но наши ведь знают, где ты работаешь. А таких совпадений не бывает...

– И на «е» бывает, и на «ё» бывает. Как ты вычислил, что мы на эту трассу выскочим?

– На прежнюю вам возвращаться смысла нет, а эта – ближайшая. Мотнулся, подождал...

– Значит, Арик уже в Паханске промышленяет...

– А то, – подтвердил водила. – Такой расклад.

– Нехороший расклад, Валера. И что теперь?

– Не знаю. Боюсь и спрашивать, что ты на хате у Крупининой видал.

– Тебе другого бояться надо.

– Чего?

– Вали, по ходу, от Кемеля. В великий блуд ты попал. Опять все паровозом потянешь?

– А подробнее? – поинтересовался Паровоз.

– Правилку в блаткомитете помнишь? Вот и скажи мне: кто из нас кому за подробности должен тереть?

– Напрасно ты, Мельник... – Видно, замечание шкипера Паровоза зацепило. – Я по долгам плачу сполна. Не держи меня за фуфлыжника. А насчет валить я и сам понял. Еще раньше, чем конторские мальчуганы вас повели. Ты только растолкуй: у тебя-то в этом деле что за пиковый интерес?

– Амалия, – коротко отрезал Юша.

– Понятно. Не зря, стало быть, нас судьба свела. Ну, пусть Арик не обессудит. Не его день. Есть у меня заимочка неподалеку. Погнали.

И мы погнали. Мне снова стало страшно. Страшнее, чем когда мы с Юшей охотились на гиену и нас чуть не кончили в покоях светлейшего князя Гусева-Святомирского. Кто знает, что на уме у мокрушника? В наше смутное время рассчитывать на благодарность – дело рискованное...

Однако волновался я зря. Как и моя мама, от звонков которой я еле смог отмазаться, сочинив что-то несуразное. Паровоз привез нас на глухую улочку в темном «частном секторе». Загнал машину во дворик, и мы зашли в маленький, крепенький одноэтажный домик. Валера заварил крепкого чаю с конфетами и солеными крекерами.

– Извиняйте, что так скупю, – развел руками хозяин.

– Не на свадьбе у Маланы, – отмахнулся шкипер. – Лучше расскажи за двух несчастных буржуинов, каких вы с Кемелем на днях приговорили. Или у нас другая культурная программа?

– Мельник, я тебе жизнь должен, хоть и цена ей – медный грош в базарный день. – Валера тяжело вздохнул. – Я помню твою присказку: «Башляю как граф, получаю как разбойник». Вот и пришла пора полочки. Ты в своем праве.

Юша сделал несколько глотков из алюминиевой кружки, покрытой черной накипью. Затем передал ее Паровозу. Тот тоже отхлебнул пару-тройку раз, и рассказ потек сам собой.

Оказывается, Арик Кемель уже года три как откололся от кацапской группировки и переехал в Паханск поближе к армянским родственникам.

– А Кемель – разве армянская фамилия? – робко поинтересовался я. Бывшие зэки поглядели на меня как на тихого придурка.

– Кемель – не фамилия, а погремуха, – пояснил Юша. – Попростому значит – фурапет.

– Фуражка, – уточнил Паровоз, заметив, что я по-прежнему не в теме.

В Паханске Кемель продолжил свой черный промысел, но уже сам, а не под крылом группировки. Помог и Паровозу: «зарядил» нужных людей, вытащил подельника на волю «за примерное поведение». На юге дела у Арика пошли в гору. Здесь он действовал аккуратнее. Сколоченные нелегким бандитским промыслом деньги стал вкладывать в предметы старины, крутился среди собирателей антиквариата, а заодно легально занялся зерновым бизнесом.

Но с недавних пор у него, как выразился Валера, «башню влево повело». И виной – эта самая страсть к искусству.

– Профессор погибший на Арика работал, – сообщил Валера. – Не в смысле криминала, а помогал ему коллекцию собирать: где ценная вещь, где бутор⁵ голимый. Тут у них с Кемелем и вышла непонятка...

По словам Валеры, Симонович «сплавил» Арику несколько фальшивок. Тот ничего не заподозрил: репутация профессора была выше подозрений. Но вскоре обман всплыл наружу.

– Как же это лохматое чудище так башку себе обморозило, что «кинуло» заслуженного бандита? – вклинился Юша. – Че-то не сходятся концы с концами у кочерги.

– Да и мы охерели от его наглости, – согласился Паровоз. – А когда уже крепко этого сазана за жабры взяли, он раскололся до самой сраки. Расклад такой: его дочка с мужем открыла свое дело – несколько магазинов дорогой забугорной косметики и побрякушек. Набрали кучу кредитов, а партнеры натянули их, как гондон на батон. Они – к папашке. Тогда он и провернул делу, чтобы дочка с долгами расплатилась. Лимонов на восемь потянуло... Прикинь, что было с Кемелем, когда он узнал, как его обули в лапти плетеные! И кто!

– Он что, совсем больной, этот профессор? – не понял шкипер. – У него же своего мадепалама⁶ не меряно...

– Так они же все больные, эти ботаники! За брошку удавятся. Были случаи, даже убивали за старинную монетку, на которую ты бы и плюнуть побрезговал. Короче, конченные мандельштамы.

– Это как? – не понял Юша.

– Вот то, что ты подумал, но только на культурном языке...

«Конченный мандельштам» отгреб за свою выходку по полной программе. «Братки» тихой сапой вывезли из его квартиры всю коллекцию (а стоила она раз в десять-пятнадцать больше сбытых Симоновичем фальшивок), а затем решили отобрать бизнес дочери, который тем временем пошел в гору. Профессор взмолился: только не это! Тогда-то он от безысходности и предложил Арику «откуп» за дочкин бизнес.

– Обещал вызвать своего друга, у которого сокровищ в сто раз больше, чем у него, – пояснил Валера. – И квартира ничего так: четыре комнаты в центре Москвы. Мол, я его выманю, а вы делайте с ним что хотите.

Так и случилось. Но ребята злопамятного Арика все равно убрали профессора – за ненадобностью. Привычно «отправили по железке».

– И ты руку приложил? – уточнил шкипер.

– Нет, без меня обошлось. Я уже этим не мараюсь.

Вдовина Арик хотел заставить переписать квартиру на доверенного человечка. А там и с коллекцией можно разобраться. Да и человечка заодно похоронить, когда он хату продаст. Заодно с Вдовиным. Но профессор оказался крепким орешком. Хотя ему уже под восемьдесят, однако уперся – ни в какую. Пытать мальчишки Кемеля умеют, да перестарались: инфаркт хватил старика. А умирать ему было никак нельзя.

---

⁶ Мадепалам – 1) барахло, то же, что и бутор; 2) как раз напротив, ценные вещи; красота. От названия индийского местечка Мадаполам, где производится дешевая, но качественная тонкая хлопчатая ткань.

– Ну, у Арика есть лепилы прикормленные, вовремя подоспели, – поведал Паровоз. – Не то чтобы старичок совсем оклемался, но дышит жабрами.

– Где? – спросил Юша.

– Есть один санаторий в Краснодарском крае, сейчас его туда перевезли. В особой палате под охраной лежит. Человечка три наших приглядывают.

– Как называется?

– «Дубовая роща».

– Дубовая? – Шкипер хмыкнул. – Да вы, гляжу, ребята шутейные. А он там дуба не врежет?

– Я не фельдшер, – пожал плечами Паровоз. – Одно скажу: пацаны его охраняют серьезные.

– Горю желанием проверить. А что с дочкой Симоновича?

– Арик ее тоже убрать решил, вместе с семейством. Когда у Кемеля с профессором все еще было на мази, дочка могла их вместе видеть. Или, того хуже, фамилию от папашки слыхала. Вломит Кемеля по полной программе. К тому же и с дочки есть чем поживиться: две хаты, бизнес не хилый. Да только дочурка с семьей на отдых в Италию свалила. Хотели мы сперва, чтобы профессор ее оттуда вызвал, но он бы сразу поганку заподозрил. А если нажать на него, тогда дочка по голосу могла почуять неладное, вообще крах. Поэтому сначала Симоновича кончили, а потом наши с ней созвонились с профессорской мобилы. Под видом мусоров срочно вызвали: мол, папа ласты склеил. Она повелась, сказала, что вылетит первым же рейсом. А потом пропала, не отзывается. Тут я неладное и почуял...

– Амалию вы тоже хотели порешить? – глухо спросил Юша.

– Зачем? Вдруг ее дядюшка кони шаркнет до срока? Она – наследница. Я так думаю, Кемель ее держит про запас, как страховку. Не из дяди выбьет сокровища Али-Бабы, так из племянницы. Но слишком широко замахнулся. Видать, серьезно контору взбаламутил. А остановиться уже не может.

– Рви когти, Валера, – повторил свой наказ шкипер. – Не жди на дырку приключений.

– Это понятно. Ну так что, погасил я должок?

– Нема базара. Как говорится, кругом-бегом, в расчете. Как от тебя до трассы добраться?

– Подвезу...

Как Шурик на лету переобулся, или Таежные охотники на тропе войны

Утро, как известно, начинается с рассвета. А мое началось с полного мрака. По пути на остановку откуда ни возьмись, как черт из табакерки, выскочил Юша!

– В командировку едем, – весело потирая руки, сообщил он. – Такси ждет, залезай.

– В какую командировку? – удивился я.

– Лезь, говорю, по дороге узнаешь.

То, что я узнал по дороге, меня не вдохновило. Выяснилось, что командировка служебная, в санаторий «Дубовая роща». Ага, служебная. Чего я там забыл? Трех «бульдогов» у палаты профессора Вдовина? И как Юша с ними будет в одиночку разбираться? Я не в счет, я не Бэтмен, я ботаник. В смысле – зоолог. Но не по бульдогам.

Из такси мы вылезли почему-то на выезде из города, у мегамаркета.

– Это не «Дубовая роща», – заметил я.

– Ты прав, о великий вождь Зоркий Глаз, – усмехнулся скипер. – Не мандражируй, тут мы на ходу переобуемся. И переоденемся.

Под «мы», однако, подразумевался только я. Сам Ефимыч выглядел, как король на именинах: в сером костюме, темной сорочке, начищенных до блеска туфлях (одну из которых совал намедни в дверной проем, пытаясь проникнуть в квартиру Амалии).

В магазине Colins я, по выражению Юши, «перековался» в светлые синие джинсы и фирменную клетчатую рубашку с короткими рукавами. На моих ногах вместо прежних потоптанных мокасин появились белые кроссовки Nike с носками цвета беж. Потом в салоне красоты меня коротко постригли, чему я сопротивлялся вплоть до Юшиного подзатыльника.

– За чей счет банкет? – подозрительно спросил я после всех процедур.

– Рабочая амуниция. Не могу же я тебя людям показать в замусоленном виде, как ты обычно шлындаешь. Главное, держи фасон, хлебальник поменьше разревай, слушай побольше.

Я хотел было возмутиться и спросить, что это за люди такие и зачем мне перед ними фасонить. Но затылок еще помнил Юшину «братскую руку», и я решил последовать наказу скипера насчет хлебальника.

Впрочем, скоро все само прояснилось. Люди подкатили к мегамаркету на черном «гелендвагене». Их было трое: осетин Алихан по прозвищу Князь, русский здоровяк Вася Битюг и водила Алымбек не-

известной породы. В этой компании мы с Юшей и покатали в Краснодырский край.

До «Дубовой рощи» шесть часов езды. Алихан втерся на заднее сиденье между мной и шкипером, оба принялись обсуждать детали «командировки». Я узнал, что наши попутчики – люди «смотрящего» за Паханском Коли Тайги. Насчет Тайги шкипер мне как-то упоминал: смотрящий – главный человек в местном криминальном мире, разруливает проблемы и отвечает за порядок перед воровским миром. Как он это делает, я без понятия, да оно мне и не нужно.

Оказывается, Ефимыч ночью побывал у Тайги с дружеским визитом и поставил смотрящего в известность насчет Кемеля и его проделок. Николай Палыч был уже в курсе «великого кипиша» вокруг «енотов»-искусствоведов. Но вот чего он не знал, так это то, что Кемель «сработал» коллекцию профессора Симоновича. А когда Юша его просветил – воспылал праведным гневом. Судьба яйцеголовых его не сильно тревожила. Возмутило Тайгу другое: как же так можно – сорвать куш на вверенной ему территории и не отстегнуть на «людское»?! Не кинуть на воровской общак положняковую долю! Смотрящий поклялся спросить с Кемеля и его людей как с «негодяев» и восстановить справедливость (возвращение коллекции Симоновича наследникам в понятие справедливости не входило).

Я догадался, что «спросить как с негодяев» – совсем не то, что «дать почувствовать братскую руку». И мысленно порадовался за Паровоза, который наверняка уже «свалил» от Арика. Хотя Валера сам – тот еще фрукт. Одно слово – «мокрушник».

За свою информацию Юша попросил у смотрящего помощи в освобождении профессора Вдовина – дяди Амалии Аскольдовны.

– Это можно, – кивнул Тайга. – Тебе пацанов семь хватит?

– Вполне, – сказал Юша.

Теперь трое из этой великолепной семерки спешили на санаторное лечение. А еще четверо местных краснодырских, судя по разговору Юши и Князя, ждали уже в санатории. Но во все детали их никто пока не посвящал.

– План простой, – обрисовал ситуацию Алихан. – Юша семь раз больной, мы его привезли подлечиться. Местные ребята уже договорились, с этим проблем нет. Затем главному лепиле, с которым у Арика вась-вась, – ствол в спину. Халаты накинули, умяк на рожу – и вперед на Берлин под видом лаборантов. Идем мы с Битюгом и еще один местный. Экс-чемпион по рукопашке. Остальные – на подхвате.

– А вы три на три сдюжите? – засомневался Юша.

– Почему три на три? Ты тоже с нами, тебе как пациенту палата в том же корпусе отведена. Чисто по легенде. На самом деле палаты там всего четыре. И замок кодовый.

– «Хитрый домик», – хмыкнул Юша.

– Он самый. Свободных мест, конечно, нет, но для Ариковых бугаев за отмаз сканает. Типа – кто-то из соседней камеры на волю вылетает. Пока мы этим попкам будем мозги скипидарить, вторая четверка подтянется. Племяша твоего в эту замуть не берем? – уточнил осетин, кивнув в мою сторону.

– Не, он чисто для обкатки, – пояснил Юша.

Хороша обкатка... Этот каток так расплющит – под дверь меня можно будет просунуть.

Так в своей беседе под туповатые анекдоты Битюга мы прика-тили к «Дубовой роще».

Однако здесь нас ждала неприятная неожиданность. (Хотя кому как.) Местные «братки» тормознули наш джип еще у поворота к санаторию, чтобы предупредить, что в «Роще» творится неладное.

– Ментов там – полна хата огурцов, – тревожно разъяснил ситуацию жилистый верзила с погонялом Геша Пика. – «Хлопушку» устроили в элитном корпусе. Каких-то хлопчиков повязали. У меня в санатории тетка родная работает, краем уха слышала за какого-то профессора и его вдову. Но шо то за профессор и почему вдова – полные непонятки.

Алихан вопросительно глянул на Юшу.

– Ну чего ты мне глазки строишь, Княже? – развел шкипер лохматыми лапами. – Я сам в расстройстве. Опередили нас мусорилы. Звони Коле, доложись. Теперь-то в эту рощу не сунешься...

Осетин отошел в сторону от компании и несколько минут провел в беседе со смотрящим. Затем вернулся с мрачным видом.

– У Палыча тоже голый Вася, – сообщил он скупко. – И там Арика с его тимуровской командой менты приняли раньше наших. Даже не менты, а следственный комитет. Шустро следаки работают... Ну что, поехали в обратку?

Дядя Толя повернулся к Геше:

– Путьеочка моя в силе?

– Да хоть сейчас, – подтвердил Пика.

– Вот и ладушки. С профессором вдовым я все ж таки должен поручкаться. Даже ежели он в коме.

– Ефимыч, ты что, Матроскин, чтобы на амбразуры кидаться? – удивленно спросил Алихан. – Тебя же повяжут, как младенца в люльке. И пойдешь подельником Кемеля. Кто там будет разбираться...

– Отбредемся. Амалии хочу первым за дядю доложиться.

– Первыми менты доложат, будь спокоен.

– Какое тут спокоен, когда эти уроды мне всю малину перехезали... Менты мне не кенты. Даром я, что ли, сюда летел, как бешеная муха? Да еще и вас сполошил.

– Как знаешь, – пожал плечами Князь. – А насчет всполошил – все путем. Арику одна дорога – на зону. А там с него хорошие люди по полной спросят. И за беспредел, и за Али-Бабу тоже. Он армянин продуманный, даже если загремит котелками, все равно на воле притырит капиталец. Вот мы с него все и вывернем вместе с нутром... – Он повернулся к Битюгу: – Чего ждем, Вася? Падай в тачку! Поворачиваем кеды...

По дороге к санаторию Юша обсудил план с «дубовыми» пацанчиками, которых он упорно именовал «хлопчиками». Как позже мне объяснил Юша, в Краснодарье слово «пацан» не признают. В этот край когда-то императрица Катерина переселила запорожцев, а у них в крови лютая неприязнь к еврейскому народу. «Пацан» же якобы происходит от еврейского «поц», что обозначает маленький половой член.

– С идиша или с иврита? – уточнил я.

– С херита! – коротко пояснил Юша. – Сказано тебе – с еврейского...

Короче, хлопчики доставили нас на территорию «Дубовой рощи» и передали семь раз больному Юше путевку-курсовку. Даже в номер провели.

– Усе, шо трэба, – отрапортовал экс-чемпион по рукопашке Юра Пэрэць. – Дале, я зрозумив, вы сами... Колы шо, звоните, мобыла вам вже знаемая.

– Благодарствую, хлопцы, – попрощался Юша.

– Та нема за що.

Как только хлопчики исчезли, Юша надел фирменный санаторский халат, запер дверь номера и отправился со мной на променад (любит он это словечко). Дорога наша сама собой повернула к элитному корпусу. Но тут нас остановили два «формовых» (со скиперского – полицаи в форме).

– Прошу прощения, но сюда нельзя, – сказал один из них.

– Этим – можно, – раздался знакомый голос за нашими спинами.

Мы обернулись. Конечно – майор Левашов собственной персоной.

– Какая встреча, – произнес Евгений Петрович без особого удивления. – Знаешь, Ефимыч, как-то по молодости (я еще лейтенант был) паковали мы одного пьяненького поэта. Ничего существенного, так, домашний бузотер, кухонный боксер. Ох, он нас материл – да все в рифму! Но у меня только приличное в память запало. – И следак торжественно продекламировал:

*– Над Россией солнце встало
Ядерным пожарищем...
Мы к вам в гости прилетели,
Здравствуйте, товарищи!*

Вот с тобою, Ефимыч, то же самое чувство. Ты страшнее ядерной войны. Ну, пошли, что ли... – И майор, подхватив нас со шкипером под локотки, повлек к «хитрому домику».

– Вдовин-то как? – спросил по пути Юша. – Пришел в себя? Глянуть можно?

– Это не зоопарк, – наставительно заметил Левашов. – Билет имеется?

– Имеется, – ответил Юша и показал путевку в санаторий.

– Надо же, и число сегодняшнее... Я почему-то так и думал, что ты здесь чисто случайно. А про Вдовина тебе зорянка начирикала?

– Лазоревка, – поправил шкипер.

Ну всё, сошлись два знатных орнитолога...

– И все-таки откуда ты узнал, что профессора содержат в этой тихой обители? – поинтересовался Левашов.

– Ты же сам просил пробить информацию. Сообщаю: дядя Амалии Аскольдовны находится в палате, куда мы прямиком и топаем.

В элитный корпус мы не вошли, а присели за стол в уютной беседке.

– А как звать твою лазоревку? – полюбопытствовал Левашов.

– Лазоревкой и звать.

– Это ее вы с Николаем Палычем слушали? Ну чего уставился? Вашу машину костановские ребята еще от Паханска пасут. А тебя – от особнячка Тайги.

– Чего же тогда вы меня не схомутали? – спросил Юша.

– А на кой ты нам сдался? Нет, хирург ты, конечно, от Бога...

– В каком смысле? – не понял шкипер.

– В смысле – из тех, кто гланды через анус вырезает. Пинкертон!

Задачку в два действия на всю доску расписал.

– Значит, ребята Кемеля все ж таки на засаду в квартире Амалии напоролись? – догадался Юша.

– Да эта засада – курам на смех. – Левашов поморщился. – Я Косте говорил: что ты дурью маешься... Дело-то плевое оказалось. Не дело, а так, булка с маслом. А булка – с маслом.

– Да не томи ты, ирод. Интересно же...

– А бобиком будешь обзыватьсь?

– Ну че ты, Петрович, я ведь без злобы... Ты меня тоже не за Алена Делона держишь.

– Ну, тогда лечись и учись. Алэн Делон...

И Левашов поведал повесть, простую, как две копейки (хотя я такой монеты в глаза не видел).

И полицейские сыскари, и следаки из следственного управления (которые «мокрыми делами» занимаются) первым делом бросились допрашивать близких Вдовина и Симоновича. Амалия ровным счетом ничего не знала, кроме как о поездке яйцеголовых к неведомому клиенту. С дочкой Симоновича, Раисой Михайловной Великовой – другой коленкор. Ее-то первую и опросили, хотя она с семейством отдыхала в Италии. Утренний звонок Костанова застал дочку на самом голенище сапожка – во Флоренции. И тут неожиданно выяснилось, что Великой из Паханска уже звонили – просили срочно вылететь на опознание тела! Она как раз ищет ближайший рейс, потому что следователь обещал перезвонить позже, чтобы узнать, когда она прилетает.

Следак оторопел: это кто же его опередил?! Может, пряткий Левашов? На всякий случай пробил – нет, Левашов не звонил. У Костанова и без того была версия, что паровозная трагедия – замаскированное убийство, учитывая пропажу Вдовина и род занятий обоих профессоров. Следак предупредил Великову, чтобы та никуда пока не вылетала. Но Раиса была не в пример папе женщина продуманная и заявила, что у нее такой же резон верить Костанову, как и предыдущему персонажу. Пришлось связываться с Интерполом, брать Раису под защиту... Телефон пробили по билингу, но без пользы дела: судя по всему, он был одноразовый, повторно связываться с дочкой собирались с другого номера. Зато Великова сообщила имена нескольких папиных клиентов, среди которых всплыл некий Арам Гургенович Гаспарян, который числился в клиентах уже у следственных органов, однако несколько раз соскакивал с крючка.

– Дальше – дело техники, – завершил рассказ майор Левашов. – Взяли Арика со товарищи... А ты в курсе, что они квартиру Симоновича «ковырнули» и все оттуда вытащили?

Юша состроил на лице «недоумение природы». Я вовремя не сориентировался и чуть было не ляпнул, что профессор сам отдал бандитам свою коллекцию, но шкипер вовремя пнул меня ногой так, что в глазах моих поплыли радужные шары.

– И чего потом было? – подстегнул Левашова Ефимыч.

– Ну, раскололи Кемеля, затем самолетом – сюда, здесь троих клоунов приняли... И вот вам здрасте, вижу хворого геноссе Мельникова! А эскорт твой где же?

– Ну, подвезли добрые люди до санатория, потом уехали, – пояснил Юша.

– Сейчас зарыдаю. Как у Маяковского: «Я знаю, роще цвеств, когда такие люди в стране Советской есть».

– У Маяковского – «саду цвеств», – уточнил я. – «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка».

– Вот именно: и рассказ хренов, и люди хреновые, – подвел итог Левашов. И отметил для Юши: – Адъютант у тебя, Петрович, паренек подкованный.

– Других не держим, – гордо откликнулся шкипер. – Не ложкой скребанные.

– Тогда следуйте за мной, на Вдовина своего полюбуетесь.

– Петрович, не в огорчение, – в голосе Юши вдруг пробились елейные просительные нотки. – Можно, я Амалии за ее дядю первым сообщу?

– Ну, это за очень большие деньги. Вот как мне помочь, так «легалый», а как засвербело...

А я затосковал о родимом зоопарке. И понял наконец суть наших с Юшей отношений. Я для него – как тот Тарзан, которого с младенческих лет воспитывала обезьянья стая. Ну, чтобы он стал достойной гориллой. Он и стал. А если я не хочу быть Тарзаном?! Кто бы меня спрашивал... Юша, конечно, меня любит как собственное дитя. Но, человек «без родины и флага», упорно воспитывает меня по законам своих джунглей. Просто по-другому не умеет. И тащит он меня все глубже в щазу... Одна надежда: Тарзан все же вернул себе человеческий облик.

Может, и я смогу?

Татьяна Вязникова

Свобода в неволе

Музей тюремного искусства: творчество и быт заключенных

Маленький городок на Волге с уютным названием Углич привык к наплыву туристов. С причала люди спешат увидеть Кремль, посетить Воскресенский монастырь и Музей городского быта, а на обратном пути надо успеть купить сувениры, изготовленные золотыми руками здешних ремесленников. И только маленький частный музей, уникальный в своем роде, не включен в туристический пакет. А жаль. Здесь есть на что посмотреть. Это Музей тюремного искусства, основанный в 2004-м году адвокатом Михаилом Витальевичем Лотковым.

Экспозиция включает в себя два зала: основной – где представлены работы, изготовленные заключенными в местах лишения свободы, и малый – макет тюремной камеры, воссозданный в мельчайших деталях. Также в музее продается сувенирная продукция и тематические брошюры, из которых можно узнать много интересного. Например, научиться понимать блатной жаргон и распознавать значения наколок. Музейные экспонаты продаже не подлежат.

Удивительно, как на такой маленькой площади может уместиться вся тюремная жизнь. Здесь и картины, написанные на простынях тушью и шариковой ручкой, где лица как живые, а природа, которую те люди не видят годами, поражает натуралистичностью даже в своих черно-белых красках. Здесь фальшивые советские купюры, изъятые в ходе следствия, и игральные карты, сделанные из газет и других подручных материалов. Здесь личные карточки заключенных и справки об освобождении. Здесь заточки, найденные в тайниках под нарами, и вырезанные из дерева нарды и шахматы, мастерство выполнения которых оценил бы любой краснодеревщик. Здесь сделанные из шариковых ручек с пружинами станки для нанесения наколок, и чифирбаки. И, конечно, классика жанра – фигурки из хлеба. «Отрывает от пайки вся хата, а лепит тот, у кого руки на месте», – рассказывает экс-

курсовод, попутно раскрывая секреты и тонкости этого узкопрофильного ремесла.

«А сейчас я на несколько минут лишаю вас свободы», – говорит экскурсовод и приглашает в настоящую тюремную камеру. Она сразу поясняет, что это хрестоматийная камера, в жизни все гораздо страшнее, да и запах совсем другой. «Знаю, гауптвахту охранял», – подтверждает один из туристов. Для наглядности на нарах, которые, кстати, привезены из местной зоны, сидят две восковые фигуры – заключенные в полосатой робе. Их изготовила мастер Дарья Чужая, у этих фигур есть прообразы, реально существующие люди, арестанты. Выходишь из этой «камеры» совсем другим человеком – помудревшим на несколько лет.

После экскурсии я попросила об интервью основателя музея Михаила Витальевича Лоткова.

– Михаил Витальевич, расскажите, пожалуйста, как и когда возникла идея создания такого необычного в своем роде музея? Что послужило отправной точкой?

– Отправной точкой послужил музей «Галерея кукол», который находится рядом. На его фоне захотелось продолжить направление, и встал вопрос, какого рода музей можно организовать в тех помещениях, которые стали принадлежать мне на праве собственности. Ну а поскольку я являюсь адвокатом, эта идея была мне ближе, чем все остальные. И в 2004-м году открылся наш музей.

– Сразу нашлись люди, которые поддержали ваше начинание?

– Из Управления исполнения наказаний по Ярославской области откликнулись сразу. Благодаря этим людям мы и начали работать. Они не просто одобрили начинание и предоставили первые экспонаты, но и оказали помощь в поисках предметов интерьера для камеры. Дали все старое, мы подремонтировали и воссоздали реалистичную картину. А вот местные власти, напротив, были не в восторге от идеи открытия такого рода музея в старинном граде Угличе. Думали, что мы тут будем рекламировать тюрьмы, пропагандировать уголовщину. Но, к счастью, наш музей сыграл совершенно другую роль – именно ту, которую мы планировали, а не ту, что, как в кривом зеркале, пытались изобразить власти города, изо всех сил препятствуя нам. Слава Богу, получилось то, что получилось.

– И что это была за идея?

– Наш музей был задуман именно как музей тюремного искусства. И все срослось, слава Богу, музей работает, пользуется большой популярностью. В прошлом году на одном из интернет-сайтов проводили

опрос на предмет самых интересных музеев в России за 2014 год. Наш музей попал в десятку лучших по Российской Федерации и в четверку по Ярославской области. А их же тысячи. Сотни тысяч музеев по России. Поэтому мы гордимся местом в этой десятке.

– Я правильно понимаю, что основная цель вашей экспозиции – это донести до обывателя, что люди, попавшие в заключение, не перестают быть людьми и не должны лишаться человеческого отношения?

– Не совсем так. Изначально была цель проводить экскурсии с социальным наклоном. В том числе для несовершеннолетних. Уже через короткое время стало ясно, что эта задача выполняется. Приходили с детьми, подростками, бабушки приводили внуков, случалось, и не по одному разу, мол, вот, Витенька, посмотри, к чему приводит непослушание в школе, непослушание родителям, потом другие проблемы появляются, и человек оказывается в таких вот местах. Они старались предостеречь ребенка от каких-то необдуманных действий. И благодарили нас, что есть такой наглядный пример, потому что по-другому бывает сложно повлиять на детскую психику. А примеры дети впитывают как губка. И только примерами бывает возможно что-то доказать.

Что же касается взрослого населения, то к нам часто приходят те, кто сидел. Были случаи, взрослые мужики заходили в камеру и плакали. Видимо, накатывали тяжкие воспоминания – а какими они еще могут быть? Но посещали всегда с удовольствием. Кто-то просил не рассказывать им экскурсию на блатном жаргоне, потому что они сами все знают и понимают. Некоторые даже сами рассказывали что-то экскурсоводам, чего те не знали, и я не знал. Поэтому экскурсия, которую вы сегодня слышали, основана на рассказах из реальной жизни, ничего не придумано.

– Каким был самый первый экспонат? И как он сюда попал? И как вообще ваши экспонаты попадают в музей?

– А первые экспонаты были как раз от Управления по исполнению наказаний по Ярославской области. Тогда начальником управления был Игорь Мудров. Именно он откликнулся на нашу просьбу оказать помощь, посодействовать. И из внутреннего музея (при управлении там был музей, сейчас его уже нет) нам некоторые работы передали в дар. Это были и заточки, и художественные работы – картины, написанные тушью и шариковой ручкой на простыне, некоторые работы по дереву. Эти экспонаты и были выставлены первыми. Не один, не два, а пара десятков небольших поделок. Ну а дальше, когда открылись, собирали, что называется, с миру по нитке.

– Какой, на ваш взгляд, самый интересный экспонат, который заслуживает особого внимания и, может быть, особого рассказа?

– Этот экспонат – гитара из папье-маше, вы ее видели. Ее смастерил бывший осужденный. Живет, кстати, в Ярославской области, в деревне Миглино, я к нему как-то заезжал. Ни имени, ни фамилии его я уже не вспомню, общался с ним лет семь назад. Работа действительно интересная, уникальная – гитара из бумаги, на которой играли, она видела тюремную жизнь. Вторая работа – это картина тушью на простыне «Дорогой доченьке Наташе». Эти две работы – визитная карточка музея.

– Как часто удается обновлять и пополнять коллекцию?

– Не так часто, как хотелось бы. Да и музей не резиновый, забит он уже достаточно хорошо. Но люди приносят работы, бывает, раз в месяц, два раза в месяц. В основном это небольшие поделки из хлеба. Бывает, дарят, бывает, меняют на сувениры – магниты, бывает, даже присылают почтой.

– Михаил Витальевич, как известно, Углич – город туристов, в том числе зарубежных. Никогда не возникало мысли выйти за рамки традиционного музея? Например, оборудовать мини-гостиницу, стилизованную под камеру в СИЗО, или открыть кафе, где можно отведать настоящей баланды и чифирнуть?

– Была такая идея, еще лет десять тому назад. Как раз во время открытия музея. Вообще, идея была очень интересная, и, я думаю, именно в этом месте она работала бы на десять с плюсом. Воображение, слава богу, работает, я бы обыграл так, что от клиентов не было бы отбоя. Но для этого необходима дополнительная площадь. Здание старое, расположить в нем кафе довольно проблематично. Элементарно, нужна кухня.

– Но в будущем такое возможно, как вы считаете?

– Не исключаю. Идея очень хорошая.

– Надеюсь, у вас все получится. Тогда следующий вопрос. Ваш музей существует 11 лет – с 2004 года. Именно в этот период произошел очень большой скачок в развитии информационных технологий – смартфоны, гаджеты, планшеты, социальные сети. Ни для кого не секрет, что сегодняшние заключенные не полностью изолированы от этой стороны жизни. Это как-то сказалось на их творчестве? Может быть, характер поделок изменился? Или, может быть, рукодельное творчество стало в тюрьмах менее актуально?

– Вы знаете, нет. То есть не изменилось с учетом развития мобильных систем и разных там гаджетов. Оно заметно изменилось после

развала Советского Союза. Ведь в то время сидели диссиденты, интеллигенция. Для примера, в нашем музее представлены два чифирбака. Один из них с советских времен. Второй был изготовлен уже после развала Советского Союза. Они отличаются. Более творчески была выполнена работа тех людей, которые сидели при советской власти. Сегодня в тюрьмах сидит больше наркоманов, больше хулиганов. Воображения у них, естественно, меньше. Может быть, просто ленятся. Хотя в любые времена рукодельных людей было много. Но в общей массе работы стали более примитивными, чем раньше.

– Все когда-нибудь, хоть раз в жизни, слышали о таком музыкальном жанре, как русский шансон, одно из направлений которого – это песни о тюрьме. И относятся к нему люди очень по-разному. Кто-то уважает блатную лирику, кто-то слушает, но стесняется в этом признаться, а кто-то откровенно презирает и говорит, что это песни для уголовников. Знаете, лично я в это не верю. Во-первых, потому что жизнью, о которой там поется, сидящая аудитория и так сыта по горло, во-вторых, они, как никто, знают и понимают разницу между вот этой романтикой, созданной авторами песен, и реалиями жизни в неволе. Вот я бы хотела развеять этот миф. Все-таки какую музыку слушают в российских тюрьмах?

– А это не миф, и развеивать тут нечего. Так было всегда. Кто сидел, кто выходил, те почему-то предпочитали именно шансон. Хотя не почему-то, вполне понятно почему. Я и сам с удовольствием слушаю шансон. Хотя никогда не сидел, но мне нравится. Просто нравится. Его можно любить, можно не любить, но тем, кто выходит оттуда, ближе эта музыка, нежели какая-нибудь попса.

– И в завершение нашей беседы я бы хотела попросить вас сказать несколько слов тем, кто сейчас находится в местах лишения свободы, и тем, кто ждет их по эту сторону забора.

– Мне даже сказать нечего. Это детей можно воспитать, сказать, что так делать не надо, показать пример. А человек после тридцати не меняется, его не переделаешь. Взрослый человек только сам может работать над собой. Многие оказываются за решеткой по глупости, их искренне жалко. Попадают в плохую компанию, под дурное влияние. А есть те, кто умышленно совершает преступления, желая смерти человека, либо тяжкого вреда его здоровью – убивают, калечат. Таких людей, конечно, не жалко. Совершенно не жалко. Тем, кто попал в тюрьму по глупости, скажу одно: учитесь. Хоть и говорят, что дураки учатся на своих ошибках, а умные – на чужих, но свои-то лучше запоминаются. Учитесь, не повторяйте ошибок, живите честно.

Жили-были...

Зимой дышится хорошо, особенно в тайге. Вместе со свежим воздухом вдыхаешь и аромат смешанного леса, который не сравнить ни с чем. Но, к сожалению, этот аромат портит горький привкус неволи, осознание того, что ты не свободен, тяготит душу, и этот запах леса и свободы лишь только усиливает надежду на то, что скоро стена неволи обрушится прямо у моих ног, словно ее никогда и не было.

Ну а так все ничего, все отлично, мы, зека России, трудимся на лесной делянке, каждый тянет свой срок, как лямку, с грузом своих прошлых прегрешений и ошибок. Зона строгого режима, где я мотаю свой срок, находится в Красноярском крае, далеко в тайге, где, казалось бы, вообще отсутствует цивилизация, даже малейшие ее признаки. Сама зона небольшая, построена по старинке, из дерева, благо этого добра здесь навалом. Когда я впервые ступил на ее территорию, мне представилось, что я в большой деревне. Бараки все сложены из бруса – одноэтажные, заваленные серебристым снегом по самые окна. На улице развешано эсковское белье, и только лишь вышки и маячащие на них фигуры, укутанные в полушубки, напоминают о том, что это зона.

Жизнь здесь однообразна, хотя и в этой застывшей унылости бывают вспышки радости и даже счастья, но у каждого они свои. Кто-то радуется простому письму с воли, перечитывает его по несколько раз, особенно если оно от очень близкого человека, например от девушки, от жены. Тогда арестант вдумывается в каждое слово, ища в нем или потаенный смысл, или намек на разлуку. Кто-то радуется просто тому, что светит солнце, а дома ждут близкие, кому-то радость приносит подаренная пачка сигарет или щепотка чая. На радость и счастье у каждого своя мера, свой термометр. То же и с горем и бедой.

В конечном счете все потом затихает, подзабывается, и лагерная

жизнь течет дальше, как пароход тянет за собой своих непростых пассажиров к конечному причалу – к свободе.

Зона наша лесная, и работа наша связана с лесом. Часть людей работает в самой зоне на производстве, его тут называют биржей, изготавливают пиломатериалы, а часть – непосредственно в лесу, где занимаются заготовкой древесины для биржи, то есть валят лес. Мои истории – про тех людей, с которыми я повстречался там. Истории разные, в чем-то грустные, в чем-то поучительные.

«Человек, который жил»

1.

Я работал в тайге на делянке в бригаде из трех человек. Самым старшим из нас был Иваныч, работал он вальщиком, то есть пилил дерево, а я был «толкачом», то есть страховал его, фиксируя дерево большой палкой – рогатиной и подталкивая его в нужном направлении, на место предполагаемого падения. Ну и третий был с нами мужичок, Серега, по прозвищу Репей, он был сучкорубом – отрубал или отпиливал ветки и сучки после того, как мы с Иванычем отправляли очередной ствол в нокаут.

Вот такая была у нас работенка. Работали в любое время года, но мне больше нравилась зима, потому что на зимнике платили больше, дни были короче, а как только темнело, работа прекращалась. Мы уже между собой достаточно сработались, дело у нас шло хорошо, и начальство было довольно. Нас приводили на делянку прямо с утра, а забирали, когда темнело. У нас там был свой оборудованный зимник, подобие бдиндажа, где мы грелись, переодевались и просто отдыхали. Там было все необходимое: печка-буржуйка, стол, обтесанные лавки, два топчана и керосинка.

Однако мы в перерывах чаще сидели у костра. Зимой у костра отдыхать одно удовольствие. На костре мы варили чифир и пили его маленькими глотками, передавая кружку по кругу. После работы на морозе, да когда еще светит солнце, от тела человека вверх поднимается пар, словно от самовара, и мороз совсем не ощущается.

Мы смаковали каждый глоток чифира, урча от удовольствия, как угревшиеся коты, а над нами разворачивалось синее небо с бесформенными белыми облаками, похожими на пароходы, которые идут каждый по своему курсу. После чаепития следовала еще одна обязательная церемония. Мы закуривали по сигарете, а Иваныч – свою обязательную цигарку-самокрутку. Делал он это тоже по-особенному, очень трогательно, я бы сказал. Он аккуратненько скручивал кусочек

газеты и бережливо насыпал из своего кисета табачок, при этом его лицо выражало такую гамму чувств, что не оставалось никаких сомнений – он безмерно счастлив в этой жизни.

О каждом из моих товарищей по несчастью стоит рассказать отдельно. Серега Репей был родом из Иванова, ему уже исполнилось тридцать пять. Погоняло он получил за свою натуру, за колючий характер. Немногословный и чрезмерно упрямый, он был надежен как монолит и по сути очень добр. Как говорится, меньше слов, больше дела. Коренастый, крепкого телосложения, высокий, гладкое, без морщин, лицо, под вздернутыми косою бровями – серо-зеленые глаза с искоркой, заостренный нос, как у мальчишки-озорника, но щетина на щеках выдавала вполне взрослого мужчину. Отбывал он свой срок по «мокрой» статье (за убийство) какого-то своего родственника, но говорить об этом не любил, только подчеркивал, что если бы отмотать пленку жизни назад, то сделал бы то же самое, а что там было и почему, я не знаю.

А вот Иваныч – главный персонаж этого рассказа. Иванычем называли его не только мы, арестанты, но и некоторые сотрудники лагеря, а по паспорту был он Куприянов Леонид Иванович, 1938 г.р., было ему тогда пятьдесят девять лет, из которых сорок он точно провел в лагерях и тюрьмах. Он побывал и в Тобольской крытой и во всесоюзном буре «Белый лебедь», застал пролетные дни – это когда в ШИЗО день кормили, а день нет. В общем, повидал он разного, причем это был человек-праздник, его морщинистое лицо сияло каким-то непонятым светом, который сам по себе вселял в тебя уверенность, что все будет хорошо. Глаза его излучали доброжелательность, а все действия и слова убеждали в том, что этот человек действительно знает, что делает. А еще Иваныч был хорошим рассказчиком, отлично рассказывал анекдоты и истории, а разного рода информации в его голове было столько, что Вассерману и не снилось. Он тоже был коренаст, невысокого роста, но обладал недюжинной физической силой, мог дать фору молодежи, и это сразу же чувствовалось по его рукопожатию. Как я упоминал, сидел он часто, можно сказать – всегда, выходил на свободу ненадолго, он сам говорил: «покадрить девчат или нафуфыриться», а потом снова возвращался в тюрьму, по его словам – «домой». Он был уверен, что на свободе его никто не ждет и никому он там не нужен, ни кола, ни двора, ни родины, ни флага, а в тюрьме ему всегда рады и все ему родное и понятное. Этот свой срок он сидел за взлом магазина. Иваныч говорил, что сделал это специально, чтобы его поймали и вернули обратно в тюрьму. Он с охотой рассказывал, как поужинал прямо

на прилавке взятыми тут же в магазине продуктами, запивая водкой, как дожидался утра, когда придет продавщица и вызовет милицию. Так он последний раз попал в тюрьму. Оставалось ему до освобождения чуть больше месяца...

В тот день мы, сидя у костра после чифира, закурили. Иваныч палкой ворошил горящие угли.

– Иваныч, а что ты будешь делать, как откинешься? На этот раз уже универмаг штурмовать будешь? – спросил я и подмигнул Репею.

– Да не боись, Андрюха, что-нибудь придумаю, только сначала на море съезжу, а тогда уж и обратно можно, в тюрьму.

– А зачем тебе море-то, Иваныч? Русалок, что ли, кадрить собрался? – поинтересовался Репей.

– Да не без того, – ответил Иваныч и добавил: – Вот сколько живу, а моря еще не видел, жуть, как охота посмотреть. Говорят, там мощная энергетика, – мечтательно сказал он.

– Иваныч, а ты ведь раньше по «мокрой» статье сидел? – спросил я.

Иваныч вдруг сделался серьезным и, взглянув на меня, ответил:

– С этого дела вся моя жизнь-то и перевернулась, мне тогда тринадцать лет дали, – ответил он.

– Иваныч, а что случилось-то? – любопытно спросил я и попросил: – Расскажи, Иваныч, нам ведь интересно.

Иваныч молча достал свой кисет, скрутил свою цыгарку, закурил и начал рассказывать.

2.

– Мне тогда было чуть больше двадцати лет, я уже отсидел на малолетке и побывал на усиленном режиме. Освободившись, я устроился в Воронежской области в колхозе водителем, возил рабочих на фермы, поля и сады, тогда хозяйство было большое и работы для людей было много. Председатель колхоза, бывший фронтовик, пожалел меня и, зная мое веселое прошлое, взял-таки меня. Мне выделили небольшой нежилой домик с банькой, я его немного привел в порядок. Работал я исправно, время тогда тоже было непростое, но молодежи на селе было много. Днем все работали кто где, а вечерами собирались на танцы в местном клубе, ну и конечно, без спиртного не обходилось, всякие там телячьи нежности тоже присутствовали. Но надо сказать вам, мужики, что тогда такого беспредела не было, как сейчас. Конечно, случались драки, не без того, и морды друг другу били, но цену человеческой жизни знали, а уважение к старшим вовсе было неписаным за-

коном. Тогда я и познакомился со своей первой, и последней, женой. Произошло это, как водится, на танцах. Звали ее Светлана. Царство ей небесное!

– А что, она померла, что ли, Иваныч? – спросил репей.

Иваныч посмотрел на него с укором:

– Да не перебивай ты, слушай дальше. – И продолжил: – Ну, началась у нас, значит, любовь, дело-то молодое, свидания там, обнимания, то да сё, полный амур, в общем. Девка она была видная, фигуристая, все при ней. В общем, не обидел ее Бог красотой, и характер мне по душе пришелся. Понял я, что люблю ее по-настоящему, потому что при всей своей бравате при виде ее я сразу терял дар речи, тушевался, а в груди жгло, как будто у меня там костер горит.

Через некоторое время сделал я ей предложение, и она согласилась, тем более, была она от меня беременна. Мы по-тихому сыграли свадьбу, отпраздновали совсем не пышно, не шибко богаты мы были. И стали жить вместе, а вскоре родился и сын, которого назвали Иваном. Сам-то я, мужики, детдомовский и, конечно, души в сыне не чаял. Радость эта была, ребятки, неписаная и чувства непередаваемые. Это было самое счастливое время в моей жизни. Если бы меня спросили, что такое рай, я бы ответил, что я там уже был, именно тогда и был. Надо сказать, что за Светланой в то время, когда я с ней познакомился, ухаживал один хмырь, звали его Степаном, но Светлана выбрала меня. Он ее тоже, видимо, любил, заметно было, что он ее ревнует. Еще до свадьбы я пытался с ним поговорить, вразумить, что ли, чтобы отстал, даже пригрозил как-то, и он избегал меня и от разговора уходил. Человек он был такой, хитренький, с гнильцой, да и духом его Господь обидел. – Иваныч сделал паузу, посмотрел на Серегу и сказал: – Давай, Репей, еще чифира подварим, да потом надо поработать еще чуток.

Репей засуетился у костра, стал химичить с чаем.

3.

После церемонии чаепития Иваныч продолжил свой рассказ.

– Где-то через год после свадьбы как-то днем я по просьбе председателя поехал в город, повез агронома по каким-то колхозным делам. Перед отъездом я затопил баньку и думал, что в аккурат к вечеру я поспею и попарюсь, но в тот день я задержался в городе. Видимо, дьявол уже тогда запустил колесо ужаса и спустил с ошейника смерть.

Светлана, не дождавшись меня, пошла в баньку, воспользовалась тем, что Ванька спит, и оставила его одного. А Степан проспиртовал свои мозги и решил сотворить страшное. Зачем он это сделал и что

им тогда двигало, я не знаю. Может, ревность. Это он рассказывал, наверное, только чертям в аду. Запасшись бензином, он подкрался к нашему дому. Увидел, что в доме горит свет, решил, что Света там и поджег дом, предварительно преперев дверь снаружи. Светлана вскоре почувствовал неладное, выскочила из бани, увидела пожар, выбила жердь, но было уже поздно.

Она в отчаянии металась по двору, кричала, звала на помощь и тут увидела его, Степана. Тот испугался, схватил полено, бросился к ней и стал бить ее поленом по голове. Она потеряла сознание, а он решил, наверное, что убил ее, скрылся.

Когда я вернулся из города, там уже толпились зеваки, приехала милиция, «скорая помощь». О смерти Ивана мне сообщил участковый, а также сказал, что Света жива, но ее надо срочно госпитализировать. Еще он сказал, что она ненадолго приходила в сознание и теперь они знают, что это сделал Степан и его уже ищут.

У меня земля ушла из-под ног, и моя душа утонула в горе, это был настоящий ад. Вот так я, мужики, из рая попал в ад.

Долгое время я был в шоке, Степана нигде не могли найти. Я жил как во сне – похороны сына, походы к Свете в больницу, она уже пришла в себя, но была теперь другой. Врачи говорили, что ее психика серьезно нарушена и она уже вряд ли станет полноценным человеком.

А потом я запил, причем запил горько, стал сомневаться, что вообще живу.

Как-то раз один из местных пропойц, с которыми я глушил очередную бутылку самогона, сказал мне, что, дескать, со слов мужиков знает, где прячется Степан. Выходило, что он живет на Дону в рыбацком колхозе с какой-то вдовушкой. Там жили в основном одни браконьеры. Я тогда был уже неплохо знаком с местными достопримечательностями, в том числе и с этим лихим местом.

Я уже четко знал, что буду делать. У меня была хорошая лагерная финка, которую мне смастерили перед освобождением лагерные умельцы. Моментально протрезвев, я прыгнул в машину и помчался в браконьерский поселок. Прибыв туда и пообщавшись с местными, я быстро узнал, где шхерится этот ублюдок. Найдя нужный дом, я простучал условную дробь, дверь открылась, и я увидел его рожу. В его глазах сразу поселился животный страх, и он словно пролаял: «Ты тут как? Тебе чего?»

В этот момент лезвие моей финки вошло ему прямо в сердце, я это лезвие еще и провернул. Глядя в его уже остывавшие глаза, я сказал: «Это тебе привет от моего Ваньки, мразь. Сдохни, сука!»

Он захрипел, я его отпустил, и он рухнул к моим ногам и затих. Мне вдруг стало так легко, будто сбросил я огромный груз. Я зашел в дом. За столом сидела какая-то пьяная девка, очумело хлопая своими глазами. Она так и не поняла, что произошло и кто я такой. Я сел напротив, налил себе стакан водки из початой бутылки и сказал ей: «Беги, вызывай ментов, твой хахаль там мертвый в сених лежит».

Ну а потом все как обычно: допросы, очная ставка и прочие следственные действия. Меня признали вменяемым, а потом суд. Я ничего не отрицал, да и что отрицать, менты все понимали, даже сочувствовали – да что толку.

Светланы на суде не было, она лежала в психиатрической больнице. Дали мне тринадцать лет строгача и отправили в лагерь в Казахстане. Только спустя три года я узнал, что Светлана умерла в той же больнице, еще совсем молодая, вроде от горя.

С того момента, мужики, время для меня остановилось. Вот так я и жил.

Иваныч замолчал и стал подкидывать дрова в костер, давая понять, что разговор закончен.

Мы с Репеем сидели молча под впечатлением от рассказанного. Наконец Репей сказал:

– Да, Иваныч, эк тебя жизнь ошпарила!

– Ничего, Иваныч! Сейчас выйдешь на свободу, и все будет тип-топ, – шуточно сказал я, стараясь его подбодрить, хотя у самого на душе было погано.

– Ладно, пошли, мужики, чуток еще пошумим, – сказал Иваныч и, подхватив пилу, словно пушинку, вразвалочку двинулся к месту нашей работы.

В тот вечер мы вернулись обратно в зону, и было все, как обычно, не считая нашего удрученного настроения.

4.

Утром я проснулся от какого-то непонятного шума и галдежа, протерев глаза, я позвал шныря по бараку и спросил:

– Филя, а что за кипиш в бараке?

Тот опустил голову и проговорил:

– Иваныч ночью помер. Сердце, говорят...

Я поначалу растерялся, ведь не каждый день поутру приходят такие вести. Мне сразу вспомнился вчерашний рассказ Иваныча. Он, видимо, что-то предчувствовал, раз рассказал нам все. Я быстро натянул нехитрую арестантскую одежку и, накинув, фуфайку, метнулся на

улицу. На улице гулял ветер, закручивая снег в маленькие воронки, а кругом стояли менты – хозяин, его замы и врач. Все они о чем-то переговаривались, а Иваныч лежал здесь же, завернутый в одеяло. Мне от этой картины стало мрачно и противно. Еще вчера ведь Иваныч жил, а теперь лежал, завернутый в одеяло, словно кутенок.

Хозяин, словно испытывая те же чувства, что и я, отдал распоряжение санитарам, и они подхватили тело Иваныча и понесли его на КПП. Уже позже стало известно, что Иваныч действительно умер во сне от внезапной остановки сердца. Также мы узнали, что решается вопрос о захоронении Иваныча. Мы с Репьем посоветовались и на следующий же день пошли на прием к Хозяину.

Следует сказать, что Хозяин лагеря был неплохим человеком довольно преклонного возраста. Повидал он за годы своей службы тоже немало. Среди эков он пользовался уважением, прежде всего за справедливость. Он никогда попусту не махал шашкой, тщательно разбирался в ситуации. Чутко реагировал на просьбы мужиков и обоснованные сетования на жизненные условия, но и был строгим, если действительно провинившийся того заслуживал, и в таком случае ШИЗО было не избежать. Звали его Сергей Петрович. Мы с Репьем направились в его кабинет. После официального приветствия мы сразу перешли к делу, и я спросил:

– Сергей Петрович, мы к вам по поводу Иваныча. Скажите, его здесь похоронят?

Хозяин посмотрел на нас.

– Да, я знаю, вы работали вместе с Куприяновым. Его похоронят здесь, ведь родственников у него вообще нет и забрать тело некому. А вам что до этого? – вдруг поинтересовался он.

– Понимаете, Сергей Петрович, у нас есть к вам просьба человеческая, – сказал Репей. – Нельзя ли на могилке у Ивановича установить вот эту табличку?

Он достал ее из-за пазухи и протянул Хозяину. Тот привстал из-за стола, взял ее в руки, посмотрел, а потом сказал:

– Хорошо, мужики, установим, я обещаю.

А на деревянной табличке было написано: «Куприянов Леонид Иванович. Человек, который жил».

Родственные души

1.

Весна – это особенная пора, а в лагере тем более. Солнце светит ярко, обогривая все вокруг, в том числе и наши замерзшие арестант-

ские души. Ветер приносит в лагерь свежий ароматный запах тайги, а по земле, как капилляры, текут в разные стороны ручейки. Птицы щебечут и резвятся, словно играют в какие-то свои игры. Именно в такую прекрасную пору у нас в бараке произошла эта история – печальная, но и поучительная.

Наш барак был небольшой, жило нас там человек пятьдесят. Жили мы по десять человек в кубрике. Кубрик – это небольшое помещение, где размещалось пять двухъярусных кроватей и вставленные между ними тумбочки. Дополнением к этому нехитрому интерьеру служила вешалка и подставка для обуви. Кровати по бокам завешивались простынями, в основном узорчатыми, тем самым арестанты создавали себе подобие уюта и отгораживались от посторонних глаз. Создавалась иллюзия маленькой комнатки, своей территории, по-лагерному это называлось «проходняк». Там арестанты чифирили, ели, играли в карты или нарды, в общем, жили и делали свои арестантские дела.

Со мной в проходняке жил Серега Репей и Слава Фунтик. Фунтиком его прозвали за удивительно малый рост и писклявый голосок. Он действительно напоминал героя мультфильма.

Как-то раз в конце апреля Фунтик получил посылку с воли, а в лесной командировке это знаменательное событие. По обыкновению, ему прислали курево, чай и всякие сладости, деликатесы и, конечно, сгущенку. Ее Фунтик любил больше всего – да и кто в зоне ее не жалуется? Он притащил посылку в проходняк и стал важно раскладывать свое богатство, а Репей уже заваривал чифир.

– Ну что, мужики, давайте чифирнем да с шоколадом, – сказал Фунтик и по-барски выложил на стол большую стограммовую плитку шоколада. На лице у него была улыбка, как говорят, «шире Хабаровского края». Он также положил на стол по две пачки дорогих американских сигарет и чая, пояснив: – Вот, мужики это вам, угощайтесь, грев мне братишка прислал!

Мы, по обычаю, стали гонять кружку с чифиром по кругу, делая глотки ароматного крепкого чая и закусывая его шоколадом.

Фунтик стал сетовать на то, что ему не прислали душистого мыла и еще чего-то, ворчал, как варварски обыскивали его передачу на КПП. Мы с Репеем особо не обращали внимания на его лепет, да и было ясно, что бурчит он больше для понта, а на самом деле очень доволен.

– Слушай, Фунтик, ты получше затарь свои припасы, а то говорят, «крыса» в бараке появилась, – сказал я ему.

– Да навряд ли кто-то посмеет сюда залезть, все будет тип-топ, – с ухмылкой заявил он.

У нас в бараке и правда объявилась «крыса». «Крыса» – это человек из эзков, который крадет втихую у эзков вещи, продукты, курево – вообще все, что дорого арестантам для жизни в лагере.

Вот уже почти два месяца у мужиков стали понемногу пропадать припасы прямо из тумбочек, и поймать этого подлеца никак не удавалось. Потому я и предупредил Фунтика, чтобы он был настороже. К слову сказать, в бараке и простых, натуральных крыс хватало, они, особенно в морозы, разгуливали по бараку, как по Бродвею, ничего не боясь, а тут еще напасть – среди арестантов «крыса» объявилась.

Посидели мы еще чуток, побалакали о том о сем, да и разошлись по своим лагерным делам. Лично я пошел на улицу погреться на солнышке и помечтать о свободе.

2.

Примерно через неделю поле того, как Фунтик получил передачу, я, придя вечером с работы, застал в проходняке поминки. В проходняке были Фунтик, Репей и еще пара мужиков из соседнего кубрика. У всех у них были угрюмые морды, они мрачно гоняли по кругу кружку чифира.

– Что такие кислые, бедолаги? – спросил я.

Как выяснилось, поминали они запасы Фунтика, так как у него пропала часть продуктов, чай и сигареты. Я присел рядышком и присоединился к панихиде. Пытаясь подбодрить Фунтика, я сказал:

– Да ладно, Фунтик, не парься, все это приходящее и уходящее, а крыса – она рано или поздно проявится.

Фунтик посмотрел на меня злобным взглядом и сквозь зубы процедил:

– Я его все равно поймаю. Это принципиальный вопрос, он ведь у своих тащит, сука!

Речь его была воинственной, но произнесенная его писклявым голоском казалась смешноватой.

– Ладно, Фунтик, разберемся и, конечно, накажем, – сказал я и, взяв сигарету, пошел на улицу покурить и подумать о происшедшем.

На улице был спокойный вечер, и я, присев на лавку, закурил. Вокруг суетились эзки, хлопали двери, так как народ шатался туда-сюда. Кто-то занимался на спортплощадке, кто-то слонялся вдоль барака, по одному или парами, гоняя свои мысли о прошлом и будущем, а кто-то покуривал сигарки, ведя беседы или споря о чем-то обыденном. Наблюдая за этой суетой, я сидел и думал о том, как выловить «крысу». Этот человек явно поверил в свою безнаказанность и вошел во вкус,

случай-то был далеко не первый. Было понятно, что его надо поймать на месте, а это сделать не так-то легко. На зоне не станешь просто так шарить по тумбочкам в поисках похищенного. Здесь с этим жестко, нельзя безосновательно ставить под сомнение чью-то порядочность, придется самому держать ответ. Одно было ясно: «крыса» где-то все это прячет, складировает в ожидании подходящего момента, когда будет можно воспользоваться своей крысиной добычей. «Где же все это хранится?» – вот главный вопрос. Мои умозаключения прервал Репей, он плюхнулся рядом со мной на лавку, закурил сигарету и спросил:

– О чем кубаторишь, братуха?

– Да вот прикидываю, как нам изловить этого крысеныша.

Репей затаился сигаретой и констатировал:

– Рано или поздно проявится, как пить дать! Сам знаешь, сколько веревочке не виться...

– Ну да, ну да, – согласился я.

3.

Прошло буквально несколько дней, и все потихоньку стало забываться. Просто лагерная рутина и течение арестантской жизни уносит все прошедшее, потому что новый день приносит новые события, разные по значению, но все так или иначе нас касающиеся.

Я уже упоминал, что в бараке водились и настоящие крысы, барак был старый, и они вполне успешно поселялись рядом с нами в своих потаенных квартирках под полами и в стенах. Нельзя сказать, что они особо докучали нам, зэкам, и потому мы на них особого внимания не обращали. Лишь изредка устраивали зэки на них настоящую охоту, придумывая всякие ловушки. Делалось это скорее ради развлечения, а не пользы ради. Бывало, поймают зэки какого-нибудь мышонка или крысенка, помурajat его да и отпустят.

Бывал и такое, что прикормят грызуна, он переставал бояться, приходил за пропитанием, а уголовники радовались как дети. Арестантская душа потемки. Одно можно точно сказать, что эти люди, по-своему несчастные, радовались возможности проявить о ком-то заботу, жалость, а значит, жило в их душе и сознании понятие о милосердии, заложенное, наверное, Богом при рождении и не до конца притупившееся с течением их безалаберной жизни.

Однако иногда какой-нибудь очумелый зэк, до безумия боявшийся крыс, обнаружив таковую, начинает гоняться за ней с палкой, пока не убьет ее или она не сбежит от него.

Одним из таких охотников был мужичок Коля Бульба. Ему было лет сорок, он был невысокого росточка, слегка рыжеватый, с большими торчащими усами, за которые его прозвали Бульбой. Мужичок был шустрый, про таких говорят «егоза» или «шельмец».

Валялся я однажды на шконке, читал интересную книгу и ничего не замечал вокруг. Но внезапно со стороны коридора я услышал голос Бульбы и грохот от палки, которой он шуровал по полу. Бульба смачно матерился и явно был в полном азарте от охоты.

– А, попалась! – донесся радостный вопль лагерного мышелова.

Я встал со шконки и пошел на шум в соседний кубрик. Там Бульба шуровал шваброй под тумбочкой, а рядом толпились мужики, в том числе и Фунтик.

– Что случилось, Бульба? Достал уже своим грохотом. Опять мышей гоняешь?

– Я ее под тумбу загнал, сейчас я ее оттуда вытащу!

Он энергично шуровал шваброй, но вдруг сильно поддел ее снизу, и она опрокинулась, распахув дверцу. Нутро ее вывалилось на пол. Там оказались консервы, сигареты, чай. Мы все обомлели. Так-то никто бы внимания не обратил, но Фунтик сразу узнал свои сигареты и деликатесы и воскликнул:

– Вот это камасутра!

А потом прошептал:

– Вот сука!

И стал крутить головой – искал хозяина тумбочки, Сашу Глазырина по прозвищу Глаз. Безусловно, ему стоило задать ряд неприятных вопросов, хотя и так все было ясно – свои похищенные вещи узнали еще несколько человек.

Для меня это было очень неожиданно, я знал Глаза лично, не то чтобы мы дружили, но по работе общались. Я знал, что отсидел он три года, оставалось ему совсем немного. Я не мог понять, зачем он это делал. Я знал, что он не бедствовал, регулярно получал грев с воли, да и на бирже зарабатывал неплохо. В общем, очень странно, надо было бы разобраться в ситуации.

Итак, после вечернего съема с работы мы все собрались в проходняке у Глаза. Все, что раньше валялось на полу, аккуратно сложили на тумбочку сверху и стали ждать. Глаз возвращался с работы в хорошем расположении духа и не обратил внимания на то, что возле барака на улице против обыкновения никого нет. Он вошел в барак и остановился в недоумении. Несколько десятков глаз впилось в него словно буравчики, сверлящие душу. Он бросил взгляд на тумбочку, увидел, что

на ней лежит, и все понял. Он стал отступать назад, к выходу, лопоча что-то невнятное.

– Мужики, вы чего? Я хотел...

И тут он резко ломанулся к дверям, но его уже предусмотрительно отрезали от выхода. Его тут же схватили за шиворот и бросили обратно к проходняку, где его уже ждало арестантское наказание, суровое, но справедливое, подробности которого описывать нет смысла.

На следующий день мы гоняли чифир в проходняке и вспоминали вчерашнее событие. Мы уже знали, что Глаз лежит в санчасти с переломом правой руки (он правша) и ждет этапа на тюремную больницу, откуда он уже сюда вряд ли вернется – таких проблемных людей администрация предпочитала не возвращать на прежнее место. Меня вдруг поразила одна мысль, которой я тут же поделился с мужиками:

– Мужики, а прикиньте, что получается: если бы не залезла крыса к Глазу под тумбочку, мы бы долго еще его искали!

А Репей добавил:

– Да, получается, крыса крысу нашла! Действительно, родственные души.

«Отверженный»

1.

История эта мне запомнилась очень хорошо, особенно ее, так сказать, главный герой. Вспоминается она мне часто, так как заставляет задуматься, какие сюрпризы преподносит нам иногда жизнь.

Однажды промозглым осенним днем к нам в лагерь приехал очередной этап. Я тогда уже не работал, до освобождения оставалось недолго, и я все время проводил в жилой зоне. Среди этапников был человек по имени Алексей родом из Тюмени. Отбывал он срок за убийство и разбой и сроку имел немерено – шутка ли, восемнадцать лет строгача. Он был невысокого роста, жилистый и с каким-то суровым лицом. Алексея с карантина как раз к нам на барак и подняли. На первый взгляд он производил хорошее впечатление, но была в нем одна заковырка – он был «отверженный». На арестантском языке – «обиженный». Мужики, кто прибыл с ним вместе, говорили про него, что он сам добровольно занял это место в арестантском мире, а на вопросы «зачем?» и «почему?» отвечал, что сам знает свой путь... Некоторые считали, что он больной на голову, а некоторые решили, что есть за ним какой-то косяк, раз он сам так определился в арестантской колоде.

Стоит сказать, что в арестантской жизни ниша «обиженных» самая низшая. Как правило, в ней перво-наперво находились гомосексуа-

листы, педофилы и прочие развратники на сексуальной почве, и не только. Мог в «обиженные» попасть и человек, которого определили туда по беспределу, против их воли, и к таким, конечно, было другое отношение. Но, так или иначе, с ними нельзя было курить одну сигарету на двоих, есть за одним столом, здороваться за руку и так далее. Даже если кто-то попадал туда незаслуженно, все равно дороги назад нет, но жить-то надо, вот они и живут, но только обособленно. Работа им достается тоже не ахти какая, самая грязная.

Алексей, хоть и был у нас в бараке «в углу» (так называется место для «обиженных»), но все равно как-то отличался от них. Он чаще был один, чем с ними, в свободное время он читал или гулял в одиночестве, о чем-то думая. Если его звали в барак для какой-то работы, он спокойно шел и безропотно все выполнял. При этом он всегда выглядел опрятно, «ухажено», что также отличало его от «обиженных», так как основная их масса относилась к своему внешнему виду безразлично.

Как-то раз я позвал их старшего (у них тоже существовал старший) и спросил у него:

– Послушай, Чирик, а что этот Леша Тюменский тебе про себя говорил, как он в угол попал?

Чирик улыбнулся своим беззубым ртом и ответил:

– Сказал, что не важно это. И вообще он мутный какой-то, ни с кем не общается.

– Понятно, Чирик. На вот, покури.

И я дал ему сигарету.

2.

Был у нас в бараке скороспелок, молодой пацан Чира Тамбовский, он относил себя к блатным, хотя по сути являлся фраером. Не стану развяснять все тонкости арестантской жизни, старые сидельцы поймут, которые знают, что такое чай и холод кичи с нарисованной на стене батареей. Парень был немного дерзок и нагл.

Как-то Чира решил простирать свои вещички и направился в угол, чтобы поручить это дело кому-нибудь из обиженных. Так поступали многие в бараке, кто имел чай и курево – за стирку надо платить. В углу, кроме Алексея, никого не было. Чира его не знал и спросил:

– А где все?

Алексей оторвал глаза от книги и ответил:

– Не знаю, все куда-то по делам разбежались.

И снова принялся за чтение.

– Дела у прокурора, чушка, – сказал Чира и заржал.

Чире явно не понравилось такое пренебрежительное отношение со стороны Алексея, и он разозлился.

– Слушай сюда, чушка, вот тебе шмотки, пачка сигарет и чтобы к утру вещи были чистые и сухие, – в приказном тоне сказал он и швырнул свои лохмотья на шконку.

Он уже хотел уйти, но тут услышал твердый голос Алексея:

– Спасибо, я не курю и стирать тебе ничего не буду, я тебе ничего не должен, а руки у тебя самого есть, не инвалид.

Чиря задохнулся от гнева, опешив от такой, как он думал, наглости.

– Ты что, непуть, совсем, что ли, страх потерял? Ты че, место свое потерял? Да я тебе сейчас хребет сломаю!

И выскочил из угла, видимо, за подмогой.

Скорее всего, Чиря на самом деле перетрухал и не стал бы без поддержки лезть в бутылку сразу. Уже потом многие так подумали. Чиря же преподнес своим друзьям собственную версию случившегося, и они решили проучить строптивного. Ворвавшись гурьбой в угол, они испинали его ногами, избили палками, а он не оказывал никакого сопротивления и не звал никого на помощь. Избили его так жестоко, что он попал в санчасть.

Вечером про случившееся знала вся зона, и, естественно, дело дошло до смотрящего и до администрации лагеря. Надо отметить, что Чирю за это по голове не погладили, ему недвусмысленно было сказано, что такое поведение не красит арестанта и что это беспредел. На этом бы все и закончилось, но масса арестантов уже знала все подробности, и уважение к Чире иссякло, хотя никто ему ничего не говорил.

Из санчасти Алексей вернулся в барак все такой же спокойный и невозмутимый.

3.

Однажды вечером мы сидели возле барака в кругу и пили чай, болтали на разные темы. И вечер был тихий, и на душе стоял штиль. Я заметил Алексея – он ходил вдоль барака и о чем-то думал. Я решил поговорить с ним откровенно.

– Привет, Леха, – сказал я и стал ходить рядом ним, подстраиваясь под его темп. – Как здоровье? Как дела?

– Спасибо, ничего, все хорошо, – ответил он.

– Слушай, Леха, я все хотел тебя спросить... Я от мужиков слышал, что ты сам в обиженку ушел. Это правда? Я знаю, ты не первый раз сидишь, и раньше ты там не был. Ты, конечно, можешь ничего мне не

говорить, я в душу не лезу. Но, если можешь, расскажи, зачем и почему. Обещаю, трепаться не буду.

Алексей слушал меня внимательно, продолжая ходить, он лишь искоса взглянул на меня, как будто оценивая, а потом спросил:

– А зачем тебе вообще это надо знать?

– Не люблю я всякие непонятности, да и интересно, – искренне ответил я.

Он чуть улыбнулся и спросил:

– Скажи, если можно, а ты веришь, что есть Бог?

Я растерялся, но ответил:

– Не могу сказать, что я глубоко верующий, но точно знаю, что Бог есть.

– Значит, понимаешь, что есть грех и душа, – как бы подвел он итог. – Расскажу тебе вкратце, а поймешь ли, не знаю. – Он продолжил: – Дело в том, что я очень грешный человек и сделал немерено зла, иногда мне кажется, что хуже человека и нет. На воле я вообще Бога не знал и дружил с дьяволом, а в церковь-то и вовсе ходу не знал. Тех, кто туда ходил, я высмеивал и считал лицемерами. Как-то сидя в СИЗО, я взял в руки Библию и стал читать, сначала от скуки, а потом осознанно. Через некоторое время я как будто прозрел, увидел всю грязь и пошлость своих прошлых дел. Я почувствовал, что мне стало страшно за себя! Я вдруг словно почувствовал всю боль тех людей, относительно которых творил я свои бесчинства. Я искренне сожалел и каялся, чувствуя, что душе требуется очищение, которое возможно только через страдание и испытание. В тюрьме ведь и так нелегко, но потом, когда меня перевели из одиночки в общую хату, я понял, что самым тяжелым испытанием в тюрьме будет, если я уйду к «обиженным» – добровольно, осознавая последствия.

Ты же знаешь, их еще называли отверженными. Им в тюрьме, наверное, тяжелей всех было. Мне надо было подавить в себе гордыню, пройти через унижения, причем безропотно, и это, наверное, главное, ключевой момент в очищении. По сути, они такие же люди, с руками, ногами и душой. Я добровольно шагнул туда, и теперь знаю, что я на верном пути, и мне стало легче. Когда человек ради благой цели идет на самопожертвование, а точнее, на трудный путь, то это и есть, на мой взгляд, проявление сущности человека.

Разве не так поступали все раскаивающиеся грешники, когда шли на невозможные, казалось бы, лишения и испытания? – как бы спросил он и закончил свой монолог одной фразой: – Поэтому я и стал

отверженным, выбрав для себя самое худшее, что есть для арестанта в тюрьме.

Я находился под впечатлением от услышанного, мой рассудок отказывался воспринимать эту информацию. Я был ошеломлен. Его поступок и его мотивы вызвали у меня бурю ощущений – негодование, восхищение и жалость одновременно.

Я вдруг понял, что это человек очень сильный по духу. Но моя арестантская душа, пропитанная тюремным духом, осуждала его, не соглашалась с ним.

– Да, Алексей, тяжкий ты себе выбрал путь, – только и сказал я.

– Осуждаешь меня, дурачком считаешь?

– Конечно нет, это твой свободный выбор, – сказал я и добавил: – Ладно, Алексей, желаю всех благ. Если что, обращайся.

Я направился к мужикам, которые наблюдали за нами.

– И о чем ты, Андрюха, перетирал с этим типом? – спросил Репей.

– Да так, пообщались о жизни... Вы, мужики, попусту не донимайте его, он этого, в натуре, не заслужил, поверьте мне.

Я посмотрел туда, где мы только что говорили с Алексеем. Тот стоял к нам спиной и смотрел куда-то вдаль, все по-прежнему один, ведь он отверженный...

Александр Сухаренко

Тюремные новости

Насилие и принудительные работы

В конце прошлого года Президент РФ подписал закон от 28.12.2016 № 503-ФЗ, регламентирующий применение физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия сотрудниками ФСИН к заключенным. Согласно документу, все вышеописанное они будут применять для пресечения преступления или неповиновения, а также для задержания. «При наличии возможности» сотрудники ФСИН должны фиксировать применение насилия к заключенным видеорегистратором или другими штатными аудиовизуальными средствами фиксации, и сообщать об этом своему начальнику в течение суток¹. По данным Минюста РФ, во всех учреждениях системы ФСИН установлено 56 тыс. видеокамер. Между тем замминистра юстиции РФ Максим Травников в своем докладе о выполнении Россией Конвенции ООН против пыток утверждает, что специальные меры к заключенным применяются в основном законно, когда других возможностей их утихомирить не остается. По его словам, если в 2014 году случаев применения силы в отношении заключенных было 3087, то в 2015-м – уже 3882².

Новый вид уголовного наказания – принудительные работы – начнут применять в России с 1 января 2017 года. Он стал еще одной альтернативой лишению свободы. В этой связи ФСИН открывает первые четыре исправительных центра на базе реформируемых колоний в Тюменской области (Ишим), Ставропольском крае (Георгиевск), Тамбовской области (поселок Зеленый) и Приморском крае (Уссурийск).

Сухаренко А. Н. – директор АНО «Центр изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ».

¹ <https://rg.ru/2016/12/30/fz503-site-dok.html>

² <https://rg.ru/2016/12/30/fz503-site-dok.html>

Наряду с этим откроются участки для осужденных к принудительным работам в Башкирии (Уфа), Забайкальском крае (Краснокаменск), Самарской области (Волжский), Смоленской области (Анохово), Архангельской области (Североонежск), Новосибирской области (Новосибирск) и в Карелии (Сегежа). Кроме того, будут функционировать как исправительные центры 7 участков при исправительных учреждениях в различных регионах. Общий лимит составит 896 мест. Но это номинальный лимит, поскольку по истечении первых шести месяцев эта категория осужденных может проживать и за пределами исправительного центра с семьей – или в собственном жилье, или в арендуемом. В идеале такой центр должен появиться в каждом федеральном округе³.

Справка

Принудительные работы были включены в Уголовный кодекс РФ в качестве одного из видов наказания еще в декабре 2011 года. Они могут быть назначены за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, либо за тяжкие преступления, совершенные впервые, но ограниченные сроком наказания до 5 лет. Принудительные работы не могут быть назначены несовершеннолетним осужденным или лицам, признанным инвалидами I или II группы, беременным женщинам или женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, а также пенсионерам и военнослужащим. Их должны были начать применять в 2013 году, однако из-за неготовности исправительных центров вступление решения в силу было отложено сначала до 2014-го, а позднее – до 2017 года.

После приговора суда осужденный самостоятельно едет в исправительный центр, где работает по трудовому договору. Осужденным, направленным на принудительные работы, запретят употребление алкоголя, игральные карты и нанесение татуировок. В исправительных центрах не будет такой охраны, как в колонии, но покидать территорию центра ночью или в нерабочее время осужденный может лишь с разрешения администрации, а если он получил право проживать вне пределов центра, то должен будет отмечаться 4 раза в месяц. Употребление спиртных напитков и наркотиков будет считаться злостным нарушением, после которого сотрудники ФСИН должны подавать документы в суд о замене наказания лишением свободы. К числу злост-

³ <http://izvestia.ru/news/649516>

ных нарушений относятся также мелкое хулиганство, неповиновение администрации или оскорбление сотрудников, опоздание с возвращением в центр более чем на 24 часа или самовольный уход, а также организация забастовки. За нарушение порядка трудовой дисциплины, правил проживания, неявку на регистрацию, нарушение общественного порядка, подпадающего под административное наказание, объявят выговор или отправят в помещение для нарушителей. Замена наказания лишением свободы может ждать и тех, кто уклоняется от получения предписания о направлении в исправительный центр, кто не прибыл в установленный срок или не вернулся по истечении разрешенного срока выезда.

В исправительном центре осужденный может пользоваться мобильным телефоном и интернетом, обращаться при необходимости к врачам по медицинскому полису, предусмотрено и право на отпуск в размере 18 дней после первых шести месяцев работы. По решению суда из его зарплаты в доход государства будет удерживаться от 5 до 20%. Кроме того, он будет возмещать расходы по проживанию в общежитии и оплату по искам о возмещении ущерба. При трудоустройстве планируют учитывать квалификацию осужденного, но это будет зависеть от вакансий на рынке труда и от работодателей. В большинстве случаев таких осужденных может ожидать неквалифицированный труд⁴.

Болезни, теснота и работа

ФСИН России увеличит охват лечения ВИЧ-инфицированных осужденных, а также лиц страдающих ВИЧ-ассоциированными заболеваниями. Сейчас в учреждениях уголовно-исполнительной системы насчитывается 63 тыс. таких лиц и еще 6 тыс. инфицированы в сочетании с туберкулезом. Об этом говорится в утвержденной премьер-министром РФ Концепции федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)», на финансирование которой будет выделено 96,5 млрд руб. Из поступающих в СИЗО подсудимых от 3 до 9% являются ВИЧ-инфицированными, 4% страдают психическими заболеваниями, а 75% заражены туберкулезом. Им всем обязаны оказать гарантированную медпомощь. Однако мест для всех таких осужденных не хватает. Поэтому в концепции указана возможность увеличения количества медпомещений. «Для лечения и реабилитации больных подозреваемых, обвиняемых и осужденных

необходимо ввести в эксплуатацию 2,2 тыс. новых койкомест. Это как минимум 20 лечебных корпусов и больниц».

Справка

565,5 тыс. евро компенсаций морального вреда выплатила Россия за последние пять лет по решениям Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), рассматривавшего жалобы заключенных и их родственников на ненадлежащее оказание медпомощи в пенитенциарных учреждениях. В этих делах ЕСПЧ признал нарушения права на жизнь (ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод) и нарушение запрета на бесчеловечное обращение (ст. 3 Конвенции). Такие данные приводятся в докладе «Тюремная медицина в России», составленном правозащитной организацией «Зона права». Среди типичных проблем с медицинским обслуживанием в системе ФСИН называются: 1) отсутствие узких специалистов; 2) отсутствие госконтрактов с профильными гражданскими медцентрами, способными оказывать специализированную медпомощь; 3) неспособность администрации ФСИН этапировать заключенного в подобный центр даже при наличии госконтракта; 4) связанную с этим несвоевременную диагностику заболеваний, которая приводит к переходу заболевания в крайнюю клиническую стадию; 5) при этом в медчастях исправительных учреждений нет необходимых для обезболивающей терапии препаратов⁵.

Согласно Концепции, по состоянию на 1 января 2016 года в СИЗО содержалось 123,2 тыс. человек. При этом в 2015–2016 годах «максимальная численность подозреваемых и обвиняемых в отдельные периоды превышала лимит наполнения следственных изоляторов и это превышение составляло от 600 до 2 тыс. человек, или от 23 до 56%. На начало 2017 года дефицит мест в СИЗО составит более 13,5 тыс. мест с учетом режимных корпусов, находящихся в аварийном состоянии». При этом условия содержания под стражей в 22 субъектах (Республика Карелия, Крым, Татарстан, Приморье и другие) с начала 2017 года не будут соответствовать законодательным нормам, в том числе по площади на одного заключенного. Для приведения условий содержания к стандартам требуется строительство 10 новых СИЗО на 9850 мест, 14 режимных корпусов на 3237 мест и реконструкция четырех корпу-

⁵ <https://zona.media/number/2016/16/11/medicine>

сов на 425 мест⁶. По плану на 2017 год ожидается возведение 9 новых СИЗО (на 8 тыс. мест) и 15 режимных корпусов для уже существующих тюрем.

«В уголовно-исполнительной системе имеется всего 146 тыс. рабочих мест, на которых трудятся 200 тыс. осужденных. В настоящее время содержатся 290 тыс. осужденных, не обеспеченных работой. Это не позволяет им в должной степени возмещать ущерб, причиненный гражданам и государству», – говорится в Концепции. Для решения этого вопроса планируется приобрести 35 тыс. единиц техники и оборудования, создать еще 50 тыс. рабочих мест. В их числе рабочие места по таким перспективным с точки зрения будущего трудоустройства осужденных отраслям, как металлообработка, деревообработка и швейная промышленность. При организации работы в две смены такая мера позволит трудоустроить 100 тыс. осужденных⁷.

⁶ <https://ria.ru/society/20161229/1484941321.html>; <https://lenta.ru/news/2016/12/29/sizo/>

⁷ <https://ria.ru/society/20161229/1484942039.html>

К слову, за неполный 2016 год в учреждениях ФСИН было произведено всевозможных товаров на 50 млрд руб. Это притом что производственные мощности колоний загружены лишь на 50% (см. рис.). В исправительных учреждениях насчитывается свыше 800 производств. Их ассортимент превышает 100 тыс. позиций. Годовой объем производства – 32 млрд руб., а по сельхозпродукции еще 18 млрд. Только швейной продукции и обуви производится примерно на 6–7 млрд руб. в год, на этом производстве работает 45 тыс. швейных машин⁸.

Новый распорядок

В середине декабря Минюст России издал приказ № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений», направленный на улучшение условий содержания осужденных. В целях реализации права на свободу вероисповедания им разрешили совершать религиозные обряды в местах, определенных администрацией ИУ, в определенное расписанием дня время; использовать предметы культа и религиозную литературу. Для совершения религиозных обрядов священнослужителям можно проносить на территорию ИУ необходимые им предметы культа, перечень которых будут утверждать территориальный орган УИС с зарегистрированными централизованными религиозными организациями, при этом хранить евхаристические хлеб и вино на территории ИУ после проведения обряда строго запрещено.

Расширена глава, касающаяся порядка предоставления осужденным телефонных разговоров. При подаче заявления на телефонный разговор теперь будет необходимо указывать язык, на котором он будет проходить. Перечислены основания для досрочного прекращения телефонного разговора, среди которых: попытка передачи сведений о готовящемся к совершению преступлении или ином правонарушении, об охране ИУ, его работниках, способах передачи запрещенных предметов; ведение телефонного разговора на ином языке, чем был указан в заявлении осужденного, по настоянию одного из лиц, участвующих в телефонном разговоре. При этом в случае досрочного прекращения телефонного разговора работник ИУ, ответственный за его проведение, письменно докладывает об этом начальнику ИУ либо лицу, его замещающему, с указанием причины прекращения телефонного разговора.

⁸ <http://izvestia.ru/news/653503>

Регламентировано количество вещей повседневного пользования, которые можно хранить в личной тумбочке. По Правилам там должны лежать умывальные и письменные принадлежности, литература в количестве пяти книг, журналов и газет, табачные изделия не более двух пачек сигарет, одна коробка спичек, средства гигиены. Осужденные, а также помещения, в которых они проживают, могут подвергаться обыску, а вещи осужденных – досмотру. При этом обыск жилых помещений при наличии в них осужденных допускается в случаях, не терпящих отлагательств.

Для продажи осужденным продуктов питания, вещей и предметов в ИУ функционируют магазины (теперь указаны и интернет-магазины), работающие по «безналу» (для тех, кто отбывает наказание в колониях-поселениях, допускается покупка товаров за наличные средства). Ассортимент, как и раньше, формирует ФСИН России. Вес одной передачи не должен превышать установленный вес одной посылки. Максимальный вес одной посылки составляет 20 кг, одной бандероли с малоценными печатными изданиями, рукописями, фотографиями – не более 5 кг. Осужденным запрещаются получение, приобретение, хранение и распространение изданий, пропагандирующих войну, разжигание национальной и религиозной вражды, культ насилия или жестокости, порнография, а также подписка на них. Им запрещено самолично устанавливать индивидуальные и самодельные телевизионные антенны.

Существенно расширен список дополнительных услуг, оказываемых по инициативе осужденных и оплачиваемых за счет их собственных средств. Теперь можно будет проконсультироваться у специалиста медицинских организаций государственной и муниципальной систем здравоохранения; поставить зубные протезы; изготовить очки, ортопедическую обувь; купить спортивный костюм. Также можно оплатить парикмахерские услуги и заочное обучение, в том числе обучение с применением дистанционных образовательных технологий (при наличии договора образовательной организации с УИС).

Более детально расписана глава по привлечению осужденных к труду: если раньше в ней было всего два пункта, то в новых Правилах их четыре. Согласно приказу, осужденные могут привлекаться без оплаты труда только к выполнению работ по благоустройству ИУ и прилегающих к ним территорий. При этом инвалиды I или II группы, осужденные мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, беременные женщины привлекаются к работам без оплаты труда по их желанию. К указанным работам осужденные привлекаются в порядке

очередности в свободное от работы время, их продолжительность не должна превышать 2-х часов в неделю. Подкорректировали и главу о взаимоотношениях осужденных с администрацией. Из нее был убран пункт о том, что сотрудникам УИС запрещается вступать с осужденными и их родственниками в отношения, не регламентированные уголовно-исполнительным законодательством.

Важные изменения коснулись и внешнего вида осужденных: мужчины обязаны иметь короткую стрижку – до 20 мм, длина волос на бороде – до 9 мм. Женщинам, имеющим детей в домах ребенка ИУ, разрешили носить гражданскую одежду⁹.

Несопоставимые затраты

«Почти 70% бюджета Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) в 2015 году было потрачено на содержание персонала исправительных учреждений», – говорится в докладе Института проблем современного общества (ИПСО). Авторы исследования отмечают, что расходы на сотрудников ФСИН «растут опережающими темпами» по отношению к затратам на заключенных. За 2012–2015 годы суммарные выплаты персоналу ФСИН увеличились более чем на 30%, расходы на социальное обеспечение персонала выросли почти в 1,5 раза, в то время как объем госзакупок, обеспечивающих содержание заключенных, увеличился всего на 7% (рис. 1–2/2–3?).

Рис. 1

⁹ <https://rg.ru/pril/135/09/18/44930.pdf>

(млрд руб.)

РАЗДЕЛ БЮДЖЕТА	Код	2012	2013	2014	2015
Расходы на выплаты персоналу в целях обеспечения выполнения функций государственными (муниципальными) органами, казенными учреждениями, органами управления, государственными внебюджетными фондами	100	126,5	187,6	181,6	166,0
Социальное обеспечение и иные выплаты населению	300	78,7	79,6	83,9	84,6
Закупка товаров, работ и услуг для обеспечения государственных (муниципальных) нужд	200	25,5	27,3	34,2	37,4
Капитальные вложения в объекты государственной (муниципальной) собственности	400	7,4	6,4	8,0	13,8
Субсидии государственным корпорациям (компаниям)	800	1,8	1,6	1,3	1,2
Всего бюджет ФСИН		239,8	302,6	308,9	302,9

По данным Федерального казначейства

ИПСО, i-pso.ru

Рис. 2

В 2015 году бюджет ФСИН превысил 300 млрд руб., но лишь ничтожная часть этих средств была потрачена непосредственно на заключенных. «Это означает, что при общей численности «тюремного населения» 650 тыс. человек бюджетные траты в расчете на 1 заключенного составляют почти 500 тыс. руб. в год. Рост по сравнению с 2003 годом просто фантастический – почти в 10 раз». Несмотря на то, что ФСИН не отчитывается о своем кадровом составе, ведомство все же обязано предоставлять информацию о состоянии национальной пенитенциарной системы в Совет Европы. Согласно представленным ведомством данным, 22% сотрудников ФСИН (более 65 тыс. человек) работают за пределами исправительных учреждений, 11,1% – занимаются образовательной деятельностью и профессиональным обучением, 12,5% – медработники. Почти 50% сотрудников, работающих внутри пенитенциарных учреждений (112 тыс. человек), ФСИН в своем отчете указывает как «прочий» персонал. Между тем количество со-

трудников, которые отвечают за режим и надзор, у нас почти втрое меньше, чем в среднем по Европе – соответственно 26% и 66% от общего числа работающих внутри учреждений сотрудников. Среди европейских стран с числом заключенных более 10 тыс. человек Россия занимает второе место по уровню нагрузки на сотрудников режима и надзора: в среднем по Европе на одного пенитенциарного сотрудника приходится 3,6 заключенных, в России – 11,1».

По состоянию на 1 ноября 2016 г. в уголовно-исполнительной системе работало почти 296 тыс. человек, в том числе 225,2 тыс. аттестованных сотрудников, при численности заключенных 638 тыс. человек. То есть в расчете на каждого двух заключенных в среднем приходится один сотрудник ФСИН. Это соответствует средневропейскому уровню и ниже, чем в Турции, которая занимает 2-е место после России по числу заключенных (там 1 сотрудник приходится на трех заключенных). При этом на всех уровнях ФСИН звучат жалобы на перегруженность и нехватку персонала, хотя в России тюремный персонал справляется со своими обязанностями по исправлению преступников несравнимо хуже, чем в Европе. ФСИН крайне болезненно реагирует на заявления о необходимости сокращения штата. Хотя очевидно, что в условиях ожидаемого уменьшения численности заключенных из-за снижения уровня преступности и декриминализации отдельных уголовных статей, сокращение штата тюремного ведомства неизбежно¹⁰.

Урезанная пайка

Бюджет на питание осужденных в ближайшие годы урежут. По данным ФСИН, если в 2015 году на питание заключенных выделялось 20,5 млрд руб., то к 2019 году эта цифра сократится до 15,2 млрд. Получается, что в прошлом году на питание одного заключенного в день приходилось 86 рублей, в этом году – 77 рублей, а в 2019 году будет уже 64 рубля. С учетом постоянного роста цен на продовольствие такое урезание может обернуться настоящей катастрофой. В этой связи ФСИН задумалась о создании собственных агрохолдингов для обеспечения заключенных продуктами.

В соответствии с рекомендациями НИИ питания Российской академии медицинских наук нормы питания должны обеспечивать для мужчин 2900–3000 килокалорий в сутки, а для женщин – 2600–2700 килокалорий. Как оказалось, сегодня тюремная пайка несколько

¹⁰ <http://i-pso.ru/2016/12/06/01-8/>

превышает эту норму: в сутки мужчины получали в столовых казенных домов 3146 килокалорий, а женщины – 2910 килокалорий¹¹.

Сколько съедают российские заключенные в год (в тоннах): хлеб – 130 490; крупа – 23 720; макароны – 7120; мясо – 21 350; рыба – 23 720; маргарин – 8300; масло растительное – 4700; молоко (миллилитров) – 35 500; сахар – 7100; соль – 4700; чай – 237; картофель – 118 000; лавровый лист – 24; овощи – 59 000; кисели сухие витаминизированные – 5300; фрукты сушеные – 2300¹².

А судьи кто?

По данным Высшей квалификационной коллегии судей (ВККС) РФ, за последние 4 года к дисциплинарной ответственности было привлечено 749 судей, а 53 – к уголовной. В основном против них возбуждались дела за нарушения Правил дорожного движения, вынесение заведомо неправосудных решений и коррупционные преступления. Еще 88 судей были досрочно лишены полномочий за дисциплинарные проступки¹³.

«Судьям стали чаще угрожать, в том числе в Интернете. В основном угрозам подвергаются судьи, рассматривающие уголовные дела, особенно в регионах со “сложной” обстановкой. Угрожают физической расправой и уничтожением имущества. Так, в 2013 году была 21 угроза, в 2014-м – 18, в 2015-м – 15, а за 11 месяцев 2016 года – уже 35. В 2016-м произошло уже 6 покушений на жизнь судей, в то время как в 2015-м их было всего два. Убийств судей в 2016 году было два», – заявил гендиректор Судебного департамента при Верховном суде Александр Гусев на IX Всероссийском съезде судей¹⁴.

Охота на коррупционеров

За последние 6 лет следователи Следственного комитета (СК) РФ направили в суд более 50 тыс. уголовных дел о коррупции. Среди них преобладают дела о даче и получении взятки, мошенничестве, присвоении, растрате и злоупотреблении должностными полномочиями. Их фигурантами стали не только должностные лица различного уровня, но и более 3,6 тыс. лиц, обладающих особым правовым статусом, а это депутаты, судьи, адвокаты и другие категории.

¹¹ <https://rg.ru/2016/11/30/tiurmy-nachnut-proizvodstvo-produktov.html>

¹² <http://www.mk.ru/print/article/1559622/>

¹³ <http://kommersant.ru/doc/3163364>

«За девять месяцев 2016 года к ответственности привлечены 1114 лиц с особым правовым статусом, из них 565 – за коррупционные преступления», – сообщил и. о. руководителя управления процессуального контроля в сфере противодействия коррупции СК России Владимир Макаров. Наиболее сложной является процедура снятия иммунитета с судей, депутатов Госдумы и членов Совета Федерации – на практике она может занимать до года. Тем не менее в прошлом году было возбуждено 14 уголовных дел в отношении судей, половина из них – коррупционной направленности¹⁵.

В суд направлены уголовные дела в отношении 427 лиц, обладающих особым правовым статусом, в том числе 27 следователей полиции и 21 следователя СК, четырех сотрудников наркоконтроля, 11 прокуроров, 42 адвокатов, 56 членов избирательных комиссий, 130 депутатов органов местного самоуправления, 116 глав муниципальных образований, 13 региональных депутатов и трое судей. Помимо этого было арестовано имущество обвиняемых на общую сумму 7 млрд руб., а еще около 3 млрд были возмещены в ходе расследования¹⁶.

В последние годы наблюдается увеличение числа осужденных по коррупционным делам. Так, если в 2012 году их было 6014 человек, то к 2015 году – уже 11499. Такие данные приводит Судебный департамент при Верховном суде России. При этом значительная часть приговоров выносится за дачу взятки. В 2012 году по этой статье были осуждены около 2 тыс. человек, а в 2015 году – уже более 5 тыс. Число осужденных взяточников также постепенно растет: с 1435 – в 2012 году до 1702 – в 2015 году.

Основным наказанием за коррупцию, согласно данным судебной статистики, являются штрафы. К такой мере пресечения были приговорены более половины осужденных коррупционеров (в 2015 году – 6,2 тыс. человек). Вторым «по популярности» приговором является условное лишение свободы (в 2015 году – 2,7 тыс. человек). В то же время к реальному лишению свободы приговаривается лишь каждый восьмой коррупционер, хотя число таких осужденных утроилось за 2012–2015 годы – с 506 до 1564.

¹⁴ <https://legal.report/article/07122016/pokushenij-na-sudej-stalo-v-tri-raza-bolshe>

¹⁵ <https://russian.rt.com/russia/article/340324-rossiya-korruptsiya-rassledovanie-statistika>

¹⁶ <http://www.interfax.ru/russia/540612>

За наезды ответят

В конце декабря Президент РФ подписал федеральный закон № 436, усиливающий ответственность сотрудников правоохранительных органов за необоснованное преследование бизнеса. По данным Верховного суда России, количество осужденных за экономические преступления сократилось в 4 раза (с 8 тыс. – в 2010 году до 2 тыс. – в 2015 году). Из них более 60% осуждаются по этой категории за мошенничество. Реальный срок получил каждый четвертый предприниматель. При этом еще каждого четвертого суды освободили от уголовной ответственности или наказания¹⁷.

В соответствии с обновленной ч. 1 ст. 229 УК РФ за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности теперь устанавливается максимальное наказание в виде 7 лет лишения свободы. Часть 2 этой статьи предусматривается от 5 до 10 лет за указанное деяние как в случае, если оно соединено с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, так и в случае, если оно повлекло причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия. Аналогичный срок грозит в случае незаконного возбуждения уголовного дела, совершенного в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности, если указанное деяние повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба (более 1,5 млн руб.) – ч. 3 ст. 299 УК РФ¹⁸.

Впрочем, с появлением нового состава преступления порочная практика возбуждения заказных уголовных дел, если все ограничится лишь принятием этих поправок, не прекратится. Дело в том, что конструкция объективной стороны предлагаемого состава преступления, требующая обязательного установления цели воспрепятствования предпринимательской деятельности либо наличия корыстной или иной личной заинтересованности, превращает данный состав в так называемую «мертвую» норму. Доказать подобную цель практически невозможно.

Косвенным подтверждением тому является статистика осуждения следователей и дознавателей за привлечение заведомо невиновных к уголовной ответственности (ч. 1 и ч. 2 ст. 299 УК РФ), где основная проблема также заключается в трудностях доказывания факта осознания следователем (дознавателем) незаконности своих действий.

¹⁷ http://www.aif.ru/politics/russia/biznesmenov_stali_sazhat_v_4_raza_rezhe

¹⁸ http://rapsinews.ru/legislation_news/20161220/277402468.html

По данным Судебного департамента при Верховном суде России, за 2010-й и 6 месяцев 2016-го по данной статье было осуждено в общей сложности 15 человек.

Действующий УК РФ и так позволяет привлечь следователей (дознавателей) за незаконное возбуждение уголовного дела по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Практика Верховного суда РФ подтверждает, что незаконное привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности относится к разновидности превышения, а не злоупотребления должностными полномочиями (см. кассационное определение Верховного суда РФ от 18.09.2008 № 5-о08-167)¹⁹.

Остается добавить, что в ноябре Пленум Верховного суда РФ принял постановление № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности». Согласно ему, дела о мошенничестве, присвоении или растрате, причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием возбуждаются только по заявлению потерпевшего. Речь идет о случаях, когда эти преступления совершены в связи с предпринимательской или иной экономической деятельностью (за некоторыми исключениями). При отсутствии обстоятельств, перечисленных в УПК РФ, заключать под стражу подозреваемых и обвиняемых по экономическим преступлениям запрещено. Но и при наличии данных обстоятельств суд обязан в каждом случае обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения. Само содержание осужденного под стражей до постановления приговора не может предопределять назначение ему реального лишения свободы. В целях освобождения от уголовной ответственности ущерб может быть возмещен не только самим преступником, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами, а в определенных случаях – организацией²⁰.

Отсрочка для беременных и новые запреты

В конце прошлого года Госдума приняла в первом чтении законопроект о праве суда принимать решение об отсрочке отбывания наказания для беременных женщин, женщин с детьми, не достигшими

¹⁹ <https://legal.report/author-16/koshmarit-biznes-razreshat-bescelno-i-beskorystno>

²⁰ <http://www.konkurent.ru/index.php?cont=article&id=3&ida=14361>

14 лет, а также для мужчин, самостоятельно воспитывающих ребенка. Сейчас УК РФ разрешает отсрочить реальное отбывание наказания до исполнения ребенку 14 лет беременным осужденным, женщинам с ребенком младше 14 лет и мужчинам, воспитывающим ребенка самостоятельно²¹.

Тогда же в первом чтении был принят законопроект, вводящий новую меру пресечения – «запрет определенных действий». Согласно ст. 106.1 УПК РФ, обвиняемому (подозреваемому) могут запретить в определенное время покидать жилое помещение, в котором он живет, находиться в определенных местах, общаться с определенными людьми, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, пользоваться средствами связи и Интернетом и «совершать иные действия, не связанные с изоляцией в жилище». Судья может установить как все указанные запреты, так и некоторые из них. День в СИЗО будет приравниваться к трем дням запрета определенных действий. Если суд установит в этой мере и запрет на выход из жилого помещения в определенное время – к двум дням. Такую меру пресечения подследственному могут назначить на весь срок предварительного расследования или судебного разбирательства, однако он не должен превышать период, кратный допустимому сроку содержания в СИЗО по данному уголовному делу. Депутаты также предлагают поправки в ст. 107 УПК (домашний арест) об исключении возможности частичной изоляции подследственного. Домашний арест без запрета на выход из жилища нельзя будет приравнивать к заключению под стражу. Помимо этого, ст. 106 УПК (залог) хотят дополнить ч. 3.1, которая позволит судьям устанавливать обязательства подозреваемого (обвиняемого) по соблюдению определенных запретов. В случае их нарушения залог будет изъят в пользу государства²².

Беспристрастность

Как заявил председатель Верховного суда России Вячеслав Лебедев на IX Всероссийском съезде судей, за последние пять лет ежегодно примерно четверть подсудимых освобождается судом от уголовной ответственности. На 42% сократилось количество осужденных на реальный срок – с 312 тыс. человек в 2006 году до 219 тыс. На 80% снизилось и количество обвиняемых, которых во время следствия брали

²¹ https://zona.media/news/2016/21/12/late_date

²² <https://zona.media/news/2016/02/12/zapret-deystviy>

под стражу. В результате было ликвидировано 36 исправительных колоний, 35 воспитательных колоний и 8 СИЗО. За прошедшее время было почти 200 поправок в УК РФ. Однако сохраняются достаточные правовые условия для дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Речь идет о введении уголовного проступка, который позволит исключить некоторые составы из числа уголовно наказуемых деяний, сохранив за их совершение такие эффективные меры ответственности, как исправительные и принудительные работы, нехарактерные для Кодекса РФ об административных правонарушениях. За такой проступок не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, он не образует судимости, которая влечет существенные социальные ограничения. Необходимость этого шага продиктована тем, что за преступления небольшой степени тяжести перед судом впервые предстают 72% обвиняемых, а за преступления средней тяжести – более 71%²³.

---

²³ <http://kommersant.ru/doc/3163364>

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (ноябрь 2016 – январь 2017 года)

Костромская область

16 ноября 2016 года

Следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Костромской области **возбуждено уголовное дело в отношении начальника федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 44 ФСИН России»**, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями).

По версии следствия, в период с июня 2014 года по январь 2016 года подозреваемый, достоверно зная о том, что врач-терапевт работал в учреждении по совместительству на 0,5 ставки и не выработывал установленную норму часов, подписывал платежные документы и реестр на выплату заработной платы, на основании которых врач получал оплату за полный рабочий день.

В результате действий подозреваемого казенному учреждению здравоохранения причинен материальный ущерб в размере около 250 тысяч рублей. Уголовное дело возбуждено на основании материалов, представленных региональным управлением ФСБ России. В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего, устанавливаются

другие эпизоды незаконных выплат денежных средств.

Расследование уголовного дела продолжается.

Саратовская область

18 ноября 2016 года

Сотрудники ФСИН, избившие заключенного, получили по 4 года колонии. Суд Саратовской области вынес приговор трем уже бывшим надзирателям – 41-летнему Вадиму Долгову, 31-летнему Александру Бережнову и 35-летнему Виталию Волдыреву, которых признали виновными в избиении осужденного.

По решению суда Долгов и Бережнов проведут за решеткой по четыре года, а Волдырев – 3,5 года. Отбывать сроки наказания они будут в исправительной колонии общего режима, сообщает официальный сайт областного управления СК РФ.

Также суд лишил бывших сотрудников ФСИН права занимать должности, связанные с исполнением функций представителя власти, сроком на три года.

Как следует из материалов уголовного дела, 21 ноября 2009 года Долгов, являясь на тот момент заместителем начальника одного из исправительных учреждений Саратова, находился в помещении колонии. Там он «дал указание подчиненным сотрудникам Бережнову, Волдыреву и еще одному неустановленному работнику о незаконном применении насилия к 32-летнему осужденному, прибывшему в колонию для отбывания наказания». Перечисленные надзиратели избили заключенного руками и ногами, нанеся ему удары по различным частям тела.

«В рамках расследования уголовного дела следователями внесено представление на имя начальника УФСИН России по Саратовской области с указанием на необходимость усиления контроля со стороны соответствующих подразделений управления за соблюдением прав и гарантий осужденных», – говорится в пресс-релизе СК РФ.

Уголовное дело «по факту совершения противоправных деяний третьим неустановленным сотрудником исправительного учреждения выделено в отдельное производство».

А Долгову, Бережнову и Волдыреву инкриминировали п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий, повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан, совершенное с применением насилия»).

Фигуранты уголовного дела о преступлении семилетней давности активно противодействовали следствию, не признали вины и скры-

вали следы преступления. Однако их все равно удалось изобличить в избиении человека.

Добавим, что осужденные надзиратели работали в ИК-10 на Сокурском тракте. А избиения заключенных в этой колонии уже становились предметом судебного разбирательства, причем с участием международных инстанций.<...>

Карелия

10 ноября 2016 года

Во время визита членов Совета по правам человека в колонии № 7 в Сегеже заключенные провели акцию протеста, сообщил «Медиазоне» член комиссии Павел Чиков.

По словам Чикова, об акции ему сообщил заключенный, отбывающий наказание на участке строгого режима в ИК-7. Он рассказал, что 7 ноября восемь осужденных из третьего отряда участка строгого режима влезли на крышу барака с плакатом «Люди, помогите». Одного из осужденных зовут Антон Индейкин. Юрист отметил, что они пытались привлечь внимание членов СПЧ, приехавших в колонию.

«Мы узнали об этом на следующий день. Осужденный сказал, что сотрудники колонии сняли их с крыши и куда-то вывезли», – сказал Чиков.

После этого члены СПЧ попросили сотрудников ИК-7 вызвать Индейкина, однако им ответили, что «такого нет» в колонии. Заместитель начальника карельского управления ФСИН Алексей Федотов подтвердил комиссии, что акция протеста была. По его словам, протестовавших осужденных вывезли в ИК-1, которая находится в 30 км от Сегежи. «Нет никаких сомнений, что их вывезли, чтобы исключить возможность встречи [с членами СПЧ]», – отметил Чиков.

Члены СПЧ обратились к председателю совета Михаилу Федотову и попросили согласовать со ФСИН посещение ИК-1, чтобы пообщаться с этими осужденными, однако в этом было отказано. «Есть основания полагать, что за протестную акцию их могут наказать», – подчеркнул Чиков.

Ранее, 8 ноября, члены СПЧ встретились с заключенными ИК-7, которые жаловались на содержание в колонии. Некоторые осужденные рассказали правозащитникам о применении силы и подтвердили обвинения в адрес администрации колонии, которые выдвинул Ильдар Дадин.

«Медиазона» поговорила с родственниками заключенных и бывших осужденных, которые отбывали наказание в ИК-7: все они рассказывают о невыносимых условиях содержания и пытках.

Волгоградская область

22 ноября 2016 года

Заключенные в Волгоградской области взбунтовались против жестокого обращения. Группа заключенных забаррикадировалась 21 ноября на территории колонии строгого режима в волгоградском городе Фролово в знак протеста против издевательского обращения сотрудников учреждения. К приезду руководства регионального УФСИН конфликт был решен, по официальной версии конфликт возник из-за отказа одного из заключенных выполнять требования надзирателей.

О конфликте и попытке бунта на территории колонии № 25 сначала сообщили сами заключенные и их родственники.

Согласно одному из таких сообщений, в помещении колонии забаррикадировались порядка 200 человек. Они сделали это в знак протеста против того, что одного из заключенных сотрудники колонии некоторое время продержали на морозе как нарушителя режима. Пользоваться средствами связи в колонии запрещено, и как именно заключенные смогли выйти на связь, неизвестно, пишет получившее сообщение осужденных информагентство «Высота 102.0».

Информация о случившемся также получила распространение в соцсетях, например в группе поддержки семей заключенных «Любовь умеет ждать» в соцсети «ВКонтакте».

«Администрация издевается над осужденными: выводили на улицу (а на улице -12°), заводили в клетку и держали в ней три часа, когда были одеты очень легко. А потом начали избивать. Тем временем другие осужденные выбежали и начали защищать тех, кого избивают, и забрали их, и убежали туда, где они все сидят (в дом, в барак). Закрыли двери, чтобы администрация не зашла к ним. Почему такое отношение к ним? Они же тоже люди, как и работники колонии СР-25 города Фролово», – говорится в сообщении.

К тому моменту, как в колонию № 25 прибыли руководители областного управления Федеральной службы по исполнению наказаний, беспорядки среди осужденных уже были подавлены, утверждает пресс-служба УФСИН. После случившегося представители ведомства и руководство колонии «ответили на вопросы осужденных», сообщает на сайте УФСИН, где представлена официальная версия инцидента.

«Около 17.00 часов, между администрацией исправительного учреждения и осужденными одного из отрядов возникла конфликтная ситуация, связанная с отказом одного из осужденных выполнить законные требования сотрудников колонии. Некоторые осужденные оказали ему поддержку, и стали чинить препятствия сотрудникам учреждения, угрожая организацией массовых беспорядков», – сказано в сообщении.

По итогам разбирательства проверяющие не нашли подтверждения жалобам осужденных на издевательства. Вместе с тем руководство сочло случившееся не попыткой бунта, а лишь неповиновением и недовольством отдельных заключенных, пишет «Блокнот».

Фроловская колония открыта в 1966 году, поначалу она называлась мужской контрагентской исправительно-трудовой колонией усиленного режима. Учреждение рассчитано на 1005 человек. Колония имеет большое значение для экономики города: на ее территории организовано производство швейных и столярных изделий, строительных конструкций и продуктов питания, также здесь действуют сервисы по ремонту мебели и автомобилей. Врио руководителя учреждения является подполковник внутренней службы Эдуард Яркин, сообщается на сайте колонии.

«Кавказский узел» писал, что в июле 2015 года против жестокого обращения протестовали, в том числе устроили голодовку, заключенные исправительной колонии № 19 Волгоградской области. ФСИН назвала действия осужденных провокацией. А в июне 2015 года осужденные, отбывающие наказание в колонии № 9 в Волгограде, выложили в сеть ролики, демонстрирующие плохие условия содержания. Автор ролика сообщил, что после этого ему стали поступать угрозы.

Республика Коми

22 ноября 2016 года

В Коми завершено расследование уголовного дела в отношении бывшего начальника УФСИН России по Республике Коми Александра Протопопова, его бывшего заместителя Валерия Иванова, бывшего начальника колонии-поселения № 34 Романа Коржова и представителя ООО «Эстет» Рамала Джаббарлы.

Как сообщает СУ СКР по Коми, им предъявлено обвинение в растрате, т.е. в хищении чужого имущества, вверенного виновному, совершенной группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения, в особо крупном размере (ч. 4 ст. 160 УК РФ).

Кроме того, Протопопову вменяется получение взятки за совершение незаконных действий в крупном размере (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ).

По данным следствия, с марта 2014 по октябрь 2015 года, Протопопов, будучи руководителем регионального управления ФСИН, действуя группой лиц по предварительному сговору с Ивановым, Коржовым и Джаббарлы, в нарушение закона демонтировали и вывезли более девяти тысяч железобетонных плит, составлявших дорожное полотно автомобильных дорог, ведущих из поселка Вожский Удорского района и поселка Вежайка Усть-Вымского района республики в сторону Архангельской области. Эти объекты недвижимости находились в федеральной собственности и были закреплены на праве хозяйственного ведения за ГУП «Учреждение М-222/6» ГУИН Минюста России и «Учреждение М-222/3» ГУИН Минюста России, а после его ликвидации переданы в оперативное управление ФКУ КП-34 ГУ ФСИН России по Республике Коми и ФКУ КП-32 ГУ ФСИН России по Республике Коми.

В результате реализации похищенного федерального имущества Протопопов, согласно придуманному им порядку распределения средств, получил от Джаббарлы 725 тысяч рублей.

Российской Федерации противоправными действиями причинен ущерб в размере более 14 миллионов рублей.

В период с августа по декабрь 2014 года Протопопов в нарушение требований законодательства о защите конкуренции создал условия для заключения обществом с ограниченной ответственностью «Эстет» с исправительными учреждениями республики договоров поставок овощей, за что получил от представителя ООО Рамала Джаббарлы в качестве взятки денежное вознаграждение в размере 625 тысяч рублей. Общая цена договоров поставок составила не менее 10,5 миллиона рублей, а полученная ООО «Эстет» прибыль – не менее 1,6 миллиона рублей.

В ходе предварительного расследования Протопопов не признал вину по предъявленному обвинению, Иванов и Коржов – признали вину частично, Джаббарлы – признал вину в полном объеме. Следствием собрана достаточная доказательственная база, в связи с чем уголовное дело передано для утверждения обвинительного заключения и последующего направления в суд для рассмотрения по существу.

Челябинская область

23 ноября 2016 года

На Южном Урале **осужден бывший заместитель начальника колонии (ИК-8) майор внутренней службы Юрий Останин**. Калининский

районный суд города Челябинска приговорил экс-сотрудника ФСИН к 3,5 года лишения свободы условно. Об этом сообщает ИА Regnum со ссылкой на Управление Генеральной прокуратуры РФ в Уральском федеральном округе.

Наказание бывший замначальника колонии получил за удары битой заключенного. С обвинением попавший под систему правосудия бывший непосредственный в ней исполнитель, согласился, раскаялся в содеянном и принес извинения потерпевшему.

Суд признал майора Останина виновным по пунктам «а» и «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий). Ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на три года шесть месяцев условно, при этом виновнику назначен испытательный срок 3 года. Также он лишен права занимать должности в государственных и правоохранительных органах РФ, которые связаны с выполнением функций представителя власти, сроком на 3 года.<...>

Забайкалье

28 ноября 2016 года

Сотрудник ФСИН задержан за разбой в магазине. Уголовное наказание грозит младшему инспектору исправительной колонии № 3 управления ФСИН России по Забайкальскому краю, а также двум его сообщникам, сообщает пресс-служба краевого управления СК РФ.

По версии следователей, 27 ноября 2016 года около 18.30 три 20-летних жителя Читы, включая надзирателя, надели маски с прорезями для глаз и напали на продавца продуктового магазина в поселке Новотроицк Читинского района. Угрожая потерпевшему бейсбольной битой и пневматическим пистолетом, грабители похитили из кассового аппарата 23 тысячи рублей и скрылись.

«Злоумышленники были задержаны сотрудниками дорожно-патрульной службы ГИБДД на стационарном посту полиции, – говорится в пресс-релизе. – Все подозреваемые допрошены и полностью признались в совершенном преступлении».

Следователи задержали подозреваемых на 48 часов, готовятся документы для избрания в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу.

Читинским межрайонным следственным отделом СК РФ возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 162 УК РФ («Разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору»). Фигурантам грозит наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

Иркутская область

5 декабря 2016 года

Трое мужчин, содержащихся в СИЗО № 6 города Ангарска, пожаловались уполномоченному по правам человека в Иркутской области Валерию Лукину на избиения со стороны сотрудников учреждения и других заключенных.

«Они сообщили, что 30 ноября 2016 года были избиты сотрудниками указанного следственного изолятора и лицами из числа граждан, содержащихся там под стражей. Их доводы подтверждаются следами причиненных им телесных повреждений», – говорится в сообщении на сайте Лукина.

Омбудсмен сообщил, что отправил материалы дела в следственный комитет. Представитель ГУ ФСИН по Иркутской области пояснил, что по факту заявлений будет проведена доследственная проверка.

Архангельская область

6 декабря 2016 года

Прокуратура обнародовала результаты проверки по покушению на убийство в плесецкой колонии. В ноябре в ИК-29 Плесецкого района **осужденный ударил другого отбывающего наказание острым предметом в область шеи.**

Прокурорская проверка установила, что администрация учреждения не проводит мероприятия по борьбе с преступностью, предусмотренные постановлениями координационного совещания руководителей правоохранительных органов Архангельской области. ЧП с покушением на убийство, по мнению прокурора, связано с тем, что сотрудники колонии не обеспечивают постоянный надзор за осужденными.

Кроме того, большинство отбывающих наказание, в числе которых и имеющие исполнительные документы, не трудоустроены и не возмещают затраты на их содержание в колонии.

По результатам проверки прокуратурой области начальнику Управления ФСИН России по Архангельской области внесено представление об устранении нарушений закона с постановкой вопроса о привлечении к ответственности виновных должностных лиц.

Саратов

7 декабря 2016 года

В октябре прошлого года, будучи подследственным, врач-мануальщик Мадин Гасанов почти лишился зрения в саратовском СИЗО-1: по словам заключенного, **надзиратели при помощи арестантов-«активистов» засыпали подследственному глаза хлоркой**. Гасанов нуждается в операции, но уже год получает только капли и аспирин.

43-летний Мадин Гасанов вел врачебную практику в городе Радужный Ханты-Мансийского автономного округа.

«Он врач-мануальщик. Хороший врач. Он жил в Радужном, никого не трогал, работал. К нему люди издалека ездили. Там есть такой опер Алимханов. Они открыли свой массажный салон и приглашали к себе работать», – рассказывает супруга Гасанова Галина.

Терапевт отказался, после чего полицейский пригрозил ему неприятностями. «Он ему сказал: ну, раз не хочешь сюда идти работать, тогда отдашь мне свою машину – у него была [BMW] X5, не новая, совсем не новая – и каждый месяц плати мне по 50 тысяч рублей. Тот его послал, и вот в этот момент все завертелось», – говорит Галина.

Вскоре Гасанову позвонила его знакомая и попросила забрать наркотики, которые хранились у ее друга – с последним она якобы была в ссоре. Девушка говорила, что, если Гасанов откажется, она может совершить самоубийство. Мануальщик согласился, а когда пришел домой к знакомой, его задержали полицейские.

«Глупость, конечно, несусветная, но он все это сделал – пошел к ее другу, взял и ей отнес. Его там приняли, напихали полные карманы, полную машину. Мадина там били. У него даже фотография есть, где лицо все в синяках», – вспоминает Галина. По ее словам, позже в суде девушка признала, что участвовала в провокации под давлением полицейских.

Оперативник предложил закрыть дело, если Гасанов «надумает платить», а в противном случае пообещал ему «устроить веселую жизнь». В частности, полицейский угрожал подбросить наркотики бывшей жене врача. После этого Гасанова отпустили из отдела полиции, и он уехал из региона, надеясь тем самым обезопасить себя и своих близких. В начале 2014 года он приехал в Краснодар.

Такую версию со слов самого Гасанова излагает его супруга Галина. Они познакомились в Краснодаре уже после описанных выше

событий. За полтора года Гасанов обустроился на новом месте: нашел работу в городской больнице скорой помощи, завязались отношения с Галиной. Муж не знал, что находится в розыске, и выяснилось это случайно, заверяет женщина. Она предлагала вернуться в Радужный, чтобы доказать свою невиновность, но Мадин откладывал эту поездку, вспоминая обстоятельства своего задержания. Позже от жителей Радужного Галина узнала, что похожая история произошла с местной предпринимательницей: полицейские вымогали у нее деньги, но женщина ответила отказом, а вскоре ее муж попал на скамью подсудимых.

В сентябре 2015-го Гасанов был задержан. Через месяц он оказался в СИЗО-1 Саратова.

«Его в Краснодарском крае задержали и везли через Саратов. И он там начал как-то свои права отстаивать, когда его только туда доставили по этапу. Там не совсем корректно с ним обращались», – рассказывает член свердловской ОНК третьего созыва Лариса Захарова. 20 октября она посетила Гасанова в СИЗО Екатеринбурга, где он ожидал очередного этапа.

Мужчину завели в камеру, куда зашли двое сотрудников ФСИН и двое осужденных. По приказу надзирателей заключенные начали избивать Гасанова. Он упал, один из «активистов» схватил его за ноги, а другой – за руки. «А сотрудник стал сыпать в глаза таблетки хлорки, стал их крошить. А другой сотрудник стал поливать водой, при этом сказали: “Мы так воспитываем”. Сотрудники были – один невысокого роста, другой высокий, худощавого телосложения, оба казахи», – записала наблюдатель в акте проверки со слов заключенного.

Гасанов рассказал, что те же сотрудники СИЗО прижгли ему левую ногу выше колена утюгом, а ниже колена – обварили кипятком. «Я попросила его раздеться – действительно, на левой ноге выше колена был след от термического воздействия, он уже белесый; и на левой ноге, где подъем ступни, были следы от термического, скорее всего, воздействия», – вспоминает Захарова.

На следующий день Гасанова перевели в другой корпус саратовского СИЗО. Там к нему снова пришел худощавый сотрудник и предупредил: «Не дай бог, куда-то напишешь».

Галина узнала о пытках, которым подвергается муж, только через два месяца. Гасанов рассказал ей, что в Саратове от него добивались явки с повинной по нераскрытому делу. «Хотели, чтобы я взял на себя какую-то статью», – приводит Галина слова супруга.

«Он говорит: “Меня пытали, а в глаза закладывали хлорные таблетки. Теперь на глазном яблоке наросты пошли, часто нагноение глаз, и я, говорит, ничего не вижу. Мне только в темных очках надо на свет попадать или закрывать глаза. Потому что мгновенно начинает болеть голова”», – рассказывает женщина. Несмотря на это, Гасанова отправили дальше по этапу – в Нижневартовск, где по его делу были назначены судебные слушания.

Страшное место

«Вообще, в саратовских учреждениях [ФСИН] это практикуется – вот такие изощренные методы оказания давления с целью сломить волю и добиться желаемого результата подавления личности», – говорит Захарова, которая оказывает помощь осужденным и арестантам как эксперт фонда «В защиту прав заключенных».

«СИЗО-1 славится как страшное место. Осужденный, с которым у нас заключено соглашение об оказании правовой помощи, попросил помочь ему обратиться с ходатайством в суд. Я ему сказала, что надо обжаловать в Саратовском областном суде. Он, побоявшись, что его увезут в СИЗО-1 для этого, отказался просто подавать ходатайство», – вспоминает Захарова.

По словам правозащитницы, ее клиент рассказывал ей, что пережил, когда его однажды этапировали из колонии в СИЗО-1. «Он просто был избит, валялся под спальным местом, под шконкой, как они говорят, весь побитый, весь перевязанный скотчем и наручниками. Как я поняла, его приковывали, – пересказывает Захарова воспоминания осужденного. – На протяжении нескольких лет СИЗО-1 боятся. Я лично писала обращения, чтобы показать, что они под чьим-то контролем, чтобы они не вздумали что-то сделать, и в какой-то степени это срабатывало».

Правозащитник «Комитета за гражданские права» Борис Ушаков, сам бывший заключенный, с конца прошлого года следит за ситуацией в саратовских колониях и СИЗО. «Как правило, оттуда (из СИЗО-1 – МЗ) жалобы не выходили. Там были ситуации, когда узнавали, что я вмешиваюсь, заключенному давали все блага, и он отказывался жалобы писать», – говорит Ушаков, добавляя, что проблема насилия над другими арестантами оставалась нерешенной.

По словам Ушакова, с того времени как он начал следить за происходящим в СИЗО-1, сотрудники стали действовать осторожнее: «Долгое время там была тишина, потому что я пишу безостановочно. Сейчас там они пытаются опять что-то начать».

До правозащитника доходили сведения, что в СИЗО-1 есть камеры, где из заключенных выбивают явки с повинной. По его информации, арестантов там связывают, избивают не оставляющими синяков предметами (например, бутылками с водой) и обливают кипятком.

По мнению Захаровой и Ушакова, местная общественная наблюдательная комиссия работает неэффективно, поскольку связана с силовыми структурами. «Это люди, которые заняли места общественных наблюдателей, там все силовики, все – бывшие из МВД, ФСБ, ГИБДД. Соответственно, что ждать от них?» – задается Ушаков риторическим вопросом.

Председатель местной ОНК Владимир Незнамов – полковник запаса ФСБ. Первый зампред ОНК Леонид Шостак – бывший начальник управления ФСИН по Саратовской области, а еще один зампред Василий Лебедев – в прошлом высокопоставленный сотрудник областного ГУВД. Кроме того, среди членов ОНК есть бывшая сотрудница аппарата УФСИН Светлана Фимушкина.

После случившегося с Гасановым в Саратове его этап в Нижневартовск продолжился. По пути арестант побывал еще в девяти следственных изоляторах и в каждом обращался за медицинской помощью. «Только когда у него уже кровь из глаз пошла, какую-то первичную оказали помощь – капли, что ли, дали. Его сразу же увезли после этого, – рассказывает правозащитница Лариса Захарова. – Как он утверждает, в какие бы учреждения он ни прибывал, когда он начинал требовать, чтобы ему оказали медицинскую помощь, потому что он терял зрение, у него болели глаза, его всегда отправляли дальше».

Заключенного вывезли из СИЗО в гражданскую больницу только в Нижневартовске, где он провел почти полгода во время следствия и судебного процесса. Врач-окулист сообщил Гасанову, что ему нужна операция на глазах, чтобы не потерять зрение полностью. Но операцию до сих пор не сделали.

В марте его осудили на восемь лет колонии строгого режима, признав виновным в покушении на сбыт наркотиков в крупном размере (часть 3 статьи 30, пункт «г» части 4 статьи 228.1 УК). В апелляции приговор Гасанову устоял, теперь он ожидает кассации.

Захарова собирается и впредь оказывать осужденному юридическую помощь. Пока неясно, будет ли он добиваться привлечения к ответственности сотрудников СИЗО-1. Из разговора с Гасановым правозащитница сделала вывод, что пока он об этом не думает – сейчас его беспокоит лишь перспектива потери зрения.

«Там сейчас уже только операция. Потому что эти места, где таблетки поели ткани... Ну, вы представляете, что такое хлорная таблетка в глазах? В нижнее веко закладывали, там начинает нарастать, – описывает супруга Гасанова его состояние. – Месяца полтора назад он говорил, что наросты эти как рисовое зерно, они упираются в нижнее веко и мешают смотреть, моргать, раздражает, болит. Только на свет он вышел – у него начинаются гнойные выделения из глаз. Иногда гной, иногда что-то типа крови». В таком состоянии муж, говорит Галина, находится уже год. Все это время не получает медицинской помощи – кроме обезболивающих, аспирина и глазных капель.

Недавно Гасанова этапировали в ИК-10 в Екатеринбурге. «Мне удалось встретиться [еще в екатеринбургском СИЗО-1]. Он вышел в черных очках. Дневного света он боится, поэтому не стал даже снимать очки – я хотела посмотреть его глаза. Он в очках, видимо, хоть немножко привыкает и хотя бы силуэты как-то видит, как я поняла. Он пользуется помощью других лиц, – рассказывает Захарова. – Он говорит: «Мне главное зрение не потерять». Он же имеет право на то, чтобы ему оказали помощь. Не упустить бы время, вот в чем дело».

Саратов

7 декабря 2016 года

В Саратове несколько дней назад **умер заключенный СИЗО-1 Константин Фомин**, арестованный за нелегальный оборот наркотиков. Официальная версия – он скончался в больнице от сердечного приступа. Следственный комитет проводит проверку, пишет «Общественное мнение».

Адвокат Маргарита Ростошинская сомневается в официальной версии. В соцсетях она рассказывает: «Есть все основания полагать, что исследование трупа Фомина, на основании которого будет составлено заключение, было не полное. Имеются фотографии, на которых явно видны повреждения на голове, руках и ногах. При этом на тех же фотоснимках отчетливо видно, что с мест повреждений забор тканей для проведения гистологического исследования с целью установления давности повреждений не проводился... Не могу утверждать, но предполагаю, что повреждение получено от воздействия ПР-73 (палка резиновая), так как диаметр резиновой палки и повреждения очевидно совпадают». Адвокат будет добиваться, чтобы погибшего эксгумировали и провели новое исследование.

Напоминаем, ранее скончался Николай Леонтьев, другой заключенный СИЗО-1. Официальная версия – коронарная недостаточность, между тем родственники говорили о многочисленных травмах на теле погибшего. А еще одному осужденному Мадину Гасанову, по его словам, в этом изоляторе сотрудники выжигали глаза хлоркой.

Чувашия

12 декабря 2016 года

На главбуха Алатырского образовательного учреждения ФСИН заведено 3 уголовных дела. Шумерлинским межрайонным следственным отделом СУ СКР по Чувашии возбуждено новое уголовное дело в отношении главного бухгалтера Алатырского ФК ПОУ № 115 ФСИН России. Уд заведено по тем же признакам преступления, что и предыдущие два – присвоение, совершенное с использованием служебного положения.

Как сообщает СУ СКР по Чувашии, в 2014 году подозреваемая, используя свои полномочия, ежемесячно совершала хищение вверенных ей денежных средств, а именно искусственно завышала свою установленную зарплату на общую сумму свыше 787 тысяч рублей.

Ранее в отношении подозреваемой было возбуждено два уголовных дела по тем же статьям Уголовного кодекса РФ по фактам хищения ею аналогичным способом свыше 670 тысяч рублей в 2015/16 году, о чем также писала «Правда ПФО».

В настоящее время уголовные дела соединены в одно производство, проводятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего. Расследование уголовного дела продолжается.

Ямал

12 декабря 2016 года

Подполковник ФСИН пытался накормить заключенных консервами, которые нельзя есть. Прокуратура Ямала на прошлой неделе озвучила итоги работы по борьбе с коррупцией. В перечне уголовных дел прозвучало и то, о котором ранее не сообщалось. Речь идет о деле подполковника ямальского управления ФСИН. «URA.Ru» удалось выяснить его подробности, в распоряжении агентства есть приговор суда.

Замначальника управления ФСИН Ямала подполковник Сергей Бычков занимался в управлении снабжением и закупками. В 2012 году

он купил у своего друга некачественную тушенку и рыбные консервы для питания заключенных. Во время проверки московского начальства выяснилось, что продукцией спецконтингент кормить нельзя. Банки нужно было вернуть поставщику.

Бычков тушенку вывез, но через два года снова купил. Его осудили по статье «злоупотребление должностными полномочиями».

Поставщиком некачественных консервов в 2012 году выступала компания ООО «Рай Из», учредителем и директором которой является Юрий Кордонский. Зарегистрирована фирма в Москве. Ее основные партнеры – ямальские колонии и управление службы исполнения наказаний на Ямале.

Для ФСИН контора поставила около семи тонн консервов говядины и свинины. Когда выяснилось, что есть их нельзя, Бычкову поручили вернуть деньги за продукцию. Он это сделал, а сами консервы распорядился отвезти в один из частных домов в Лабитнанги к знакомому. Там они два года ждали новой продажи.

В 2014 году консервы Бычков решил снова продать ФСИН. Для этого он привлек знакомого предпринимателя и подделал закупочную документацию.

При этом, по некоторым данным, Бычков был заинтересован в продаже тушенки и свинины потому, что мог получить выгоду от контракта. Более того, тушенка после обнаружения брака оказалась в его распоряжении и у него была потребность от нее избавиться.

Смягчающим обстоятельством в уголовном деле признали тот факт, что Бычков возместил ущерб.

Любопытно, что бывший куратор ямальских колоний сам не будет отправлен за решетку. Его даже освободили от уплаты штрафа. Это связано с тем, что на него было распространено действие амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне. Приговор был озвучен еще в начале 2016 года.

Напомним, на Ямале в ноябре 2016 года сменился начальник управления ФСИН. Этот пост занял Александр Новиков, который ранее служил в Коми.

Кировская область

16 декабря 2016 года

Шесть осужденных не дожили до вступления в силу решений суда об их освобождении из кировских колоний в связи с болезнью.

Вопросы своевременности и доступности условно-досрочного освобождения и освобождения от отбывания наказания в связи с болезнью стали темой рабочего совещания, которое прошло на базе Института повышения квалификации работников ФСИН под председательством уполномоченного по правам человека в Кировской области Александра Панова, сообщает пресс-служба регионального управления ФСИН.

Как было отмечено в ходе совещания, осужденный – в связи с длительным рассмотрением в суде материалов об освобождении в связи с болезнью – не всегда может дожидаться своего освобождения. С момента направления соответствующих документов в суд до освобождения может пройти более месяца. За 11 месяцев 2016 года в суд направлено 34 ходатайства, из которых 21 было удовлетворено. Однако 6 заключенных не дожили до вступления приговора суда в законную силу, а еще шестерых родные и близкие отказались забрать по месту жительства, поэтому направлением данных граждан в муниципальные и областные учреждения здравоохранения занимались сотрудники МСЧ-43.

Для разрешения данной проблемы, по мнению участников совещания, в действующее законодательство необходимо внести изменения: решения судов по освобождению в связи с болезнью должны вступать в силу немедленно. Кроме того, заместитель председателя Кировского областного суда Эдуард Лукьянов высказал предложение о сокращении срока рассмотрения в суде материалов об освобождении с четырнадцати до трех-пяти дней.

Прикамье

23 декабря 2016 года

Начальника колонии, который наступил на лицо заключенному, осудили условно. Оглашен приговор за превышение полномочий экс-начальнику 19-й исправительной колонии Пермского края.

Во время обыска тюремщик ударил заключенного ногой в спину, а потом наступил ему на лицо.

Бывший сотрудник ФСИН получил три года неволи условно и на два года лишен права занимать посты, связанные с выполнением организационно-распорядительных и властных функций. Жертве он должен заплатить 20 тысяч рублей за моральный вред, сообщает краевая прокуратура.

Александр Сухаренко

Прокурорский оброк

Широкие властные полномочия подстегивают прокуроров к коррупции

В ноябре прошлого года взяли в оборот экс-прокурора Ленинградской области Станислава Иванова, которого обвинили в получении взяток на общую сумму порядка 20 млн рублей. По версии следствия, в 2014–2016 годах один из предпринимателей ежемесячно отстегивал ему от 500 тыс. до 1 млн рублей за общее покровительство при проведении проверок. Но это еще полбеды. По требованию прокурора бизнесмен приобрел автомобиль «Тойота Камри», два года оплачивал его парковочное место, а также дважды оплатил его семейные турпоездки на сумму более 2 млн рублей. Дождаться суда он будет под подпиской о невыезде по причине онкозаболевания.

А в конце октября Нижегородский райсуд Саратова продлил до января 2017 года срок ареста начальнику отдела гособвинителей прокуратуры Саратовской области Владимиру Чечину, обвиненному во взяточничестве и мошенничестве. В июле он потребовал от местного бизнесмена 10 тыс. долларов за помощь в прекращении уголовного дела, возбужденного полицией против его сына. Вторым эпизодом стало получение им 750 тыс. рублей «за содействие в отмене определения арбитражного суда».

В той же Саратовской области продолжается суд над экс-прокурором Энгельса Владимиром Зубакиным, которому вменяется 4 эпизода мошенничества, 4 факта взяточничества и злоупотребление должностными полномочиями.

Перечисленные случаи отнюдь не единственные. По данным Следственного комитета РФ, за последние 5 лет к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений привлекли 82 прокурорских работника. В основном это были районные или городские прокуроры, а также их замы. Правда, далеко не все из них получили реальные сроки за свои проделки. Так, в июне Советский райсуд Тулы

вынес приговор бывшему зампрокурору Советского района Григорию Морскому, признав его виновным в превышении должностных полномочий. Согласно материалам дела, с мая 2013 года по июнь 2014 года он «крышевал» преступную группу, занимавшуюся незаконным игорным бизнесом (ее общий оборот за указанный период превысил 50 млн рублей). Несмотря на это, суд отмерил ему всего 1,5 года лишения свободы условно, а на основании постановления Госдумы от 24.04.2015 «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и вовсе освободил от наказания.

Кстати, из-за противостояния Следственного комитета и Генпрокуратуры фактически развалилось знаменитое «игорное дело», возбужденное в 2011 году в отношении ряда подмосковных прокуроров, включая бывшего первого зампрокурора Московской области Александра Игнатенко. По версии следствия, от организатора сети подпольных казино он получил в виде взяток более 48 млн рублей.

Другие приговоры в отношении прокуроров явно несоразмерны тяжести ими содеянного. Так, в феврале Дзержинский райсуд Санкт-Петербурга огласил приговор бывшему прокурору по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях Тольятти Игорю Суркову и экс-прокурору по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Ленинградской области Анатолию Козлову, обвинявшимся в крупном мошенничестве. По данным следствия, они ввели в заблуждение руководство ЗАО «Невский технологический завод», обещая общее покровительство, и похитили у предприятия более 20 млн рублей, 30% акций почти на 1 млн рублей, а также жилой дом в Выборгском районе Ленобласти стоимостью порядка 20 млн рублей. Несмотря на размер ущерба, обоих приговорили к 4 годам колонии общего режима со штрафами в 200 и 300 тыс. рублей соответственно.

Как показывает практика, коррупционный сор из прокурорской избы выносятся не часто. Очевидно, из-за корпоративной этики и круговой поруки. По данным Генпрокуратуры России, в 2015 году к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения привлекли 64 прокурорских работника, а уволили за это всего 10. Между тем от чистоты прокурорских кадров во многом зависит степень доверия им со стороны населения. А здесь есть над чем призадуматься: согласно сентябрьскому опросу «Левада-Центра», лишь 24% россиян доверяют прокуратуре, хотя еще два года назад таких насчитывалось 32%.

Наличие коррупционной составляющей в деятельности органов прокуратуры, являющейся главным мерилom законности и антикоррупционным барометром, позволяет процветать не только тeneвым дельцам, но и уходить от ответственности вороватым чиновникам. Иначе чем объяснить низкий процент коррупционных правонарушений, ежегодно выявляемых прокуратурой в федеральных и региональных органах исполнительной власти? Почему в условиях непримиримой борьбы с коррупцией омская прокуратура подала апелляцию на приговор бывшему вице-губернатору Юрию Гамбург, попросив о смягчении ему наказания с 5,5 до 4 лет колонии общего режима. В июне Центральный райсуд признал его виновным в махинациях с землей в Чукреевке, ущерб от которых составил 216 млн рублей. Правда, приговор в Омском облсуде все же устоял.

Сегодня уголовное преследование прокуроров, в том числе бывших, осложняется процессуальными препонами, узаконенными в Главе 52 УПК РФ. Желанием привлечь районного или городского прокурора должен загореться руководитель регионального управления Следственного комитета, а прокурора субъекта – сам председатель СК РФ или его зам. Учитывая сложившуюся практику, происходит это в основном с подачи ФСБ. Иначе говоря, при отсутствии служебной необходимости у эфэсбэшного-следственного тандема, ничего даже зарвавшемуся прокурору не грозит. В этом случае пострадавшим от таких лиц остается уповать только на Генпрокурора или Президента, внявших изложенным в их обращениях доводам и уволивших провинившихся за нарушение присяги или по утрате доверия.

Александр Август

Без права на амнистию

Работа у меня закончилась, и последние дней пять делать было абсолютно нечего. Я был рад этой паузе и валялся в бараке на шконаре.

И так там хорошо и тихо было – все на работе, галдежа нет... Включу телевизор и балдею, словно я на самом деле у себя дома.

Потом начали медсестры и санитарки доставать:

– Чего валяешься? Помой полы на коридоре!

– Сходи-ка в главный корпус и старшей это передай!

Вот на хрена попу гармонь? Да набегался я на стройплощадке с бревнами, топором и пилой! Отдохнуть дайте!

В конце концов пришлось мне шконарь покинуть и свалить на территорию – там поболтаться.

Сейчас она мне даже уютной начала казаться – дубы, клены, клумбы для проверяющих и покрашенные скамейки...

Но и тут меня трудинструкторша запеленговала и коситься начала. Потом в лоб спросила, не хочу ли я свою клумбу с цветами организовать? Поливать ее, пропалывать... «Это же так прекрасно – цветы!»

Тут она погнала свои истории о пользе труда... А чего сама-то не трудится, лишь других подгоняет?

И тут я понял – примелькался я... Пора бы мне с территории куда-нибудь сваливать!

Ей сказал, что идея с клумбой хорошая и я над ней обязательно подумаю. А сам к проходной интерната двинул.

И только я оттуда вышел, разрешение еще в карман не успел сунуть, тут он меня и нагнал. Мужик лет пятидесяти, обросший и неопрятный, как все местные. За плечо тронул и на «вы» ко мне, и по имени. Пусть даже без отчества, но меня это сразу насторожило: чтоб абориген холопа на «вы» да по имени...

Правда, меня в поселке и интернате каждая собака знает, но все равно.

– Поговорить можно? – это он мне. Я, помнится, этого дядю то ли в поселковом магазине встречал, то ли еще где – делим же жизненное пространство. Но разговоров с ним не вел и дел никаких не было.

А он меня в сторонку за рукав от интерната тянет. И тут Мамашо со своей наглой рожой нарисовался. И пялится на меня и аборигена, словно мы ему пачку чая должны. А я это насекомое знаю, потому сделал вид, что со знакомым говорю и двинул с аборигеном в сторону. А Мамашо – за нами. Я обернулся и ласково ему, без угрозы:

– Ты или с хвоста слезешь, или я тебе в репу выдам.

Он остановился, словно раздумывая – пойти за нами или нет? А мы времени не теряли – за угол и дальше вдоль забора от этого тихаря.

Кто плотничает, кто полы моет, кто в поле работает, а он Папе докладные на стол кладет. Он, говорят, еще в зоне оперу в уши дул – всё УДО и амнистию в кредит отрабатывал. Пока ему кто-то голову не проломил так, что пластину ставить пришлось. И после освобождения в психинтернат определили.

А тут хоть работай, хоть стучи – все равно без права на амнистию. Но уже не понимает...

Мы оторвались от опасности и встали под деревом. Дядя из кармана пачку дорогих сигарет достал и мне протягивает. Закурили.

– Понимаешь, Владимир, – он так издали, – шабашка у меня для тебя небольшая... Заработать хочешь?

Я, понятно, заволновался. Не из-за шабашки (кто ж заработать не хочет?), а из-за того, как он через голову интерната и Папы подъезжать начал. Ведь если пронюхают... или вон тот же Мамашо цинканет, что чужие люди меня на улице останавливали и со мной о чем-то договаривались...

От таких мыслей мне даже не по себе стало. Сказать бы этому дяде сразу «нет», а я замандражировал: разозлишь аборигенов, так они тебя в поселке, в интернате и даже в карцере достанут. У них у всех жены или еще кто-то из семьи за нами приглядывает.

Конечно, холоп я не простой, меня сам Папа крышует... Но он тут наездами днем бывает, а я живу тут, никуда не выезжая.

– Понимаешь, дочка замуж выходит...

Я смотрю на него – а я-то какое отношение к его дочке имею? А он на меня смотрит.

– Да знаешь ты ее, Лидка, медсестрой у вас работает!

Знаю такую, точно – вечно расфуфыренная и вся под штукатуркой.

– А жить молодым негде, пристройка-то у дома, понимаешь, села. Ее бы подрубить малость да подправить... Ты бы пришел да посмотрел, чего там.

А я даже дымом поперхнулся – в поселке-то все равно пронюхают.

Дядя все сразу просек.

– Да чего ты боишься, там тебе работы-то на пару дней: один венец всего! А я тебя отблагодарю и деньгами (он называет сумму), и вон джинсы дам новые. А то как оборванец ходишь. Сигарет дам... ну и кормить буду не как в интернате!

Вообще-то с таким заказом ему надо не ко мне, а к Папе-директору. Но тогда придется платить по полной программе интернату. Или Папе. Хотя это одно и то же. А уж они-то счет и прейскурант составят! Каждый выбитый гвоздь туда занесут! Ему с дочкой и ее женихом за год не рассчитаться! Мне, получается, заплатит дешевле, потому вот так, через голову.

И лезет мне в душу черт-искуситель – нужны мне позарез деньги! И джинсы бы неплохо – совсем уж я поизносился. Только знаю я, чем левый заказ для меня закончиться может.

– Так инструмента-то все равно у меня на руках нет, – пытаюсь я отъехать технично. – Его ж запирают у завхоза. Его только с разрешения взять можно.

Конечно, инструмент от меня запирают под другим соусом и предложением: «Сумасшедший! Куда ему топоры, пилы да стамески! Убьет кого-нибудь... убьет!»

Хотя все банально и просто: плотник без инструмента налево не сходит. Даже дров наколоть не сможет!

– Да найдем мы тебе инструмент! Скажи только, что тебе нужно.

Я чешу затылок и, махнув рукой, соглашаюсь. Однако моментом пользуюсь и напоминаю, что бревна одному таскать тяжело... Обычно помощника дают.

– Есть там кому бревна катать! Ты там как специалист нужен: в поселке все знают, что лучше тебя никто не рубит!

Ну, это он с фальшивыми комплиментами перебрал: вон дядя Ваня с центральной усадьбы баню одним топором срубил – мха не надо, так плотно. Да и не плотник я вообще, а так, отставной столяр – в детдоме профессии обучили. А потом психинтернат. Пока производство дышало, работал, а потом нужда наступила, и я в Папино распоряжение перешел.

Было такое: меня уже и на корпусе закрыли, безработица началась без заказов: столярка-то накрылась медным тазом! И вдруг директор к себе вызывает и спрашивает:

– Столяр? – и бумаги мои листает.

– Столяр, столяр...

– А баню срубить сможешь?

Бумаги отложил, откинулся в кресле и на меня смотрит. Психолог...

А что ж не смогу... Смогу, конечно. Я дерево с детства люблю, потому и столяром стал! Только все равно ж, говорю, посмотреть бы надо у хорошего плотника, как это делается: там плотницкой науки больше, чем столярной.

– Ну, я тебе это дело организую. Посмотришь на хорошего плотника и его работу.

И к дяде Вани помощником определил. Тот мне сначала даже топора в руки не давал, я лишь бревна катал, а потом проникся... Сезон у него в помощниках отходил, потом Папа забрал.

Теперь он заказы ищет, к заказчику везет, о цене договаривается. Если веду себя хорошо, и мне на сигареты отстегивает. А главное – режимом, как других, не напрягает.

– Ну так как, по рукам? – клиент протягивает мне руку и ставит точку на нашем разговоре. – Приходи завтра, как только выпустят. Посмотришь. За конторой пятистенки вагонкой обшитый, голубого цвета. Знаешь?

Ночью мне снилось, что я со злостью рубил какие-то бани, дома и пристройки, а они стояли ко мне в очереди и упрашивали «делать чашку поаккуратней, как себе!». Я сразу догадался, что это сон, потому что не могут бани говорить человеческим языком и хотел уже проснуться, но в этот момент увидел свой паспорт на столе у старшей медсестры... А она сидела рядом и смотрела куда-то в сторону. И так было удобно его стырить, что я не удержался. Потом бежал куда-то по коридору, счастливый, держа паспорт обеими руками, и просыпаться уже совсем не хотелось. В голове мелькало, что теперь-то, с паспортом, можно смело встать на лыжи и самому найти какую-никакую шабашку – мне денег с любой хватит! И со Светкой законно расписаться. И уже окончательно принял решение сдернуть и искать выход из этого туннеля. Но в этот самый момент я проснулся.

Храпели и пыхтели обкормленные колесами соседи, Мамашо во сне что-то мычал испуганно и прикрывал голову со стороны пластины,

а я млею под старым одеялом и думаю: а вот случись все по-другому, без психинтерната, Папы и медсестер, как бы жизнь у меня сложилась? Да мне бы комнатушку какую-никакую в общаге выделили... Вон хоть старую баню взамен новой отдали! Да я бы им на замену не просто баню, а произведение искусства срубил! И уж наверное, как-то устроился бы и себя кормил, а не Папу и его паразитов... Это мне психиатр, психолог и прочие внушают: не будет интерната и их лично, я совсем осиротею! А я так мыслю: наоборот, им без нас будет туго. Потому как сами они работать не могут.

Но это все мечты мои... а пока нет у меня ничего, кроме койки в комнате на семерых.

«Да, – вздыхаю я и верчусь на кровати, пытаюсь прогнать эти мысли, – в этой конторе все как в мясорубке: если с одной стороны вставили и крутить начали, выскочить сможешь только с другой».

С улицы уже заглядывали утренние сумерки, освещая нашу комнату и жильцов. Мамашо вдруг глубоко вздохнул, бдительно приоткрыл глаза и сел: его к нам и поместили для того, чтоб наблюдал. А попробуй уследи за нами – все в комнате со свободным выходом и при должностях. Кто сапоги шьет в сапожке, кто на кухне... А не уследишь, запрут в карцере либо в «закрытке» замуруют. Я отвернулся к стене, чтоб не видеть его, и снова в сон провалился.

После подъема взял я у медсестры разрешение на выход за территорию и хотел уже в путь тронуться, а она как положено:

– Куда пойдешь?

Они, понимаете, знать должны, где пациент за территорией время проводит.

– К женщине, – говорю. – В поселок.

Поверила или нет, не знаю, но хихикнула и мой ответ в свой «Журнал» занесла. Но, раз хихикнула, стало быть, понимает – кому на фиг крепостной беспаспортный плотник нужен? Которого, того и гляди, еще и дееспособности лишат? Одна обуза. У нас тут у каждого внутри интерната своя любовь – мы лишь по разным баракам раскиданы.

Дверь за спиной хлопнула, и я уже на территории. Меня сразу интернатовские коты и собаки обступили – может, чего брошу. Уселись и ждут. Вот вроде звери, не люди, а понимают, кого бояться надо: ни один кот к охранникам или белохалатнику не подойдет. Даже они прошлые обиды помнят. А мы на это права не имеем: попробуй надуйся и отойди в сторону...

Корпуса и бараки плывут – во лагерь-то расстроили! А началось все, бабки рассказывают, в пятьдесят третьем с одного барака. Безруких-безногих фронтовиков куда-то с глаз спрятать нужно было... Я иду и на ходу размышляю: если они так с защитниками Родины, то нам-то вообще ловить нечего...

Одно остается – рубить бани да пристройки. И молчать. Можно, конечно, и жаловаться – не крепостной же ты, в самом деле. Если ксиву хорошо нарисуешь, то и журналисты приедут. Может, чего и напишут... Ну, про крепостного-то, понятно, вылетит из текста. «А так все у нас хорошо... все прекрасно!» А тебя потом за жабры и в подвал. Так что сто раз подумаешь, прежде чем прокурору или в газету написать.

Тут я с женским баракком поравнялся. А баб уже наружу выгнали, не всех, конечно, а самых шустрых – чтоб «загородку» почистили, в порядок привели, да простыни, что на просушку развешаны, собрали.

Я тормознулся, рот раскрыл, как Мамашо, и Светку мою высматриваю среди них. А по двору какие-то незнакомые бабки ходят... спросить не у кого, а Светки среди них не видно!

– Эй! – одной кричу. – Слышь, как тебя...

– Не узнал, что ли? – и смеется беззубо.

Как же, узнаешь их тут... Бабы – они все как на одно лицо: на вид лет пятьдесят, а спросишь – двадцать шесть.

– А Буланова Светка где?

– Да закрыли твою Светку в подвале!

– А за что?

– Курила в туалете...

Да где курить-то, если не в туалете? Придумают же!

– А ты ей сигареты от меня не передашь?

– Дай закурить, передам!

– И мне дай! – другая.

И третья следом... Вот одна-единственная просьба: «Дай закурить!» Хоть не ходи мимо. И не хотел распечатывать, а придется... Хотя постой – я им из своих выдам! Каждой выделил по сигарете – сразу полпачки улетело! – и оставшиеся три пачки сверху, через рабицу, беззубой кидаю.

– Передашь?

– Передам-передам! – обещает. – Ты от забора отойди, сейчас за нами придут!

Я двигаю дальше, чтоб у забора не засекли – опять скандал получится! И на ходу, как лошадь, в воспоминаниях засыпаю. И сразу все мысли о Светке: у нас с ней любовь еще с детдома, с младшей груп-

пы. Хотя мы это тогда дружбой называли и никто нас за это не преследовал. Потом меня на комнату от государства представили, тут же отодвинули и в дурку отправили. А уже оттуда в ПНИ: понятно, зачем дураку квартира?

Я тут прижился сразу, мы ж живучие, уже и про детдом забывать начал, а тут Светку по той же схеме приволокли... А мы с ней увиделись и вправду как с ума сошли. Ее только с карантина выпустили, сразу договорились: «Где встречаемся?» – «А как все, в лесопосадках!».

А мы что, подростки, что ли, что б в лесопосадках с ней встречаться? Вроде взрослые люди... А тут еще дождь полил как из ведра! Ну, я и полез в женский барак через окно... пока дежурная медсестра и охранники ушами хлопали. И только я на окошко поднялся – сразу весь интернат затих, прям как в кинотеатре: всем ж интересно, что дальше-то будет!

Ну а из комнаты нас сразу ее соседки поперли. Их там человек десять было... да и как я с ней при них разговаривать мог? Мы вышли в коридор, свет погасили и в угол встали. Потом кто-то добрый радио включил, чтоб не слишком тихо было. И сразу Пугачиха про любовь запела! Пугачиха поет, а мы со Светкой стоим обнявшись в темном коридоре, а там ни дверей, ни окон, одни замочные скважины шевелятся и шепот за ними завистливый...

А утром какая-то падла цинканула старшей, что у нас со Светкой любовь закрутилась и я в женский барак хожу... меня и закрыли на корпусе. Хорошо Папа заказ вовремя получил, амнистировали.

Теперь вот развели по лагерям и слежку за нами устроили.

Охранник на проходной попался новенький, видимо, недавно принятый и потому особо въедливый. Каждую букву в «Разрешении» проверял долго, словно ошибки искал. Потом посмотрел на меня, чего-то буркнул себе под нос и спросил:

– Один?

– Один-один, – отвечаю. – Мне охрана не положена. – И улыбаюсь.

Да и где они столько охраны наберутся для рубящих, копающих, и пасущих? Папа даже на жратве пациентов экономит, но таких, как вот этот, из отставных вохров, всегда при интернате с десяток держит: мимо них муха без разрешения не пролетит!

Не найдя к чему придраться, молча выпустил.

Вываливаюсь из проходной на свет божий – и на тебе! Мамашо уже на работу вышел... ну, бляха муха! Как я в комнате-то просмотрел,

что его уже нет? Запеленгует он направление, а где топором стучат, услышит...

Потом за сигаретами полез – все же я могу их пачками зарабатывать, а ему штуками за информацию выдают. Поди, откуплюсь...

– Будешь? – протягиваю ему. У меня такая тактика – по возможности с тихарями не ругаться. Лучше с ними ласково: они тоже люди. Ругаться с ними не надо, себе дороже, но – дезинформировать.

Закурили. А говорить вроде и не о чем. Да ему еще и пластина, что в башке, на мысли давит!

– Ладно, – говорю, – у меня тут знакомая... из поселка. Я к ней... только ты никому! – и оставшиеся в пачке сигареты протягиваю.

Может, за сигареты вообще никому не расскажет. А если и расскажет, то тоже не беда.

Беру нужный курс, иду так себе по поселку и думаю, а чего я курить-то теперь буду, если взятку последними сигаретами дал? Дай, думаю, в сельмаг заскочу, все равно идти мимо.

На крыльцо поднялся, вошел. А как занять очередь не знаю, потому что ее там нет, толпа какая-то галдит и топчется у окна, а продавщица их по имени из толпы выкрикивает:

– Клава, твоя очередь!

А Клава рассчитается, все в сумки забьет и снова в толпу ныряет – разговор же интересный! А продавщица снова:

– Маша, твоя очередь!

Как она их всех упомнит-то и не собьется, кто за кем...

Галдят, кого-то обсуждают, а тут я на пороге. И затихли сразу все. Только одна вдруг:

– А этот-то чего тут делает?

И вся очередь на меня:

– Директору надо пожаловаться!

– Да старшей лучше, старшей! А то психбольные по поселку разгуливают!

А одна еще в пояснения ударилась:

– В магазин им можно только через старшую медсестру! А то они завтра и водкой сами затариваться будут? И вообще, откуда у него на руках деньги?

Я из магазина вылетел, как ошпаренный, и курить расхотелось.

Эти бабушки через одну отставные работники интерната. А я, понятно, их классовый враг: гусь свинье не товарищ.

Выставили меня из магазина на крыльцо, ну а я ждать там не стал: цинканет кто-нибудь по телефону в интернат и посадят под арест... Постоял с минуту, подумал: ну, хоть на остановку иди окурки собирать! Потом успокоился и двинул по указанному адресу.

Сначала петлял как заяц: пошел в одну сторону, потом развернулся и проулками в другую. Смотрю – нет, вроде Мамошо на хвост не сел. Наконец вышел.

Вроде дом по описанию подходит – обшитый и крашенный... Калитку затряс, собака залаяла, и знакомый дядя на крыльцо вышел.

– О! – обрадовался. – Я уже думал, ты не придешь! Подожди-ка, собаку я запрю, – и исчез с ней. Через пару минут появился с пакетом в руках. Калитку мне открыл. Захожу.

– На-ка вот. – Он мне пакет протягивает. – Пойди примерь... За пристройку вон встань: там никто не видит. А это, пока работаешь, на сигареты, – и мелочь протягивает. – А остальное после работы.

Я деньги не считая в карман пихнул. Мне бы их поаккуратней положить – но куда? Мне ж стыдно, бумажника у меня до сих пор нет. Специалист, а деньги положить некуда... Я все, что у меня есть, как бабушка-колхозница – в платочек заворачиваю.

Разворачиваю пакет. Точно, джинсы. Размер мой, это он хорошо уловил, но до меня их кто-то носил... хотя кто это видел-то? А мне и такие сойдут. Примерил и снова в пакет завернул, старое натянул и из-за пристройки вышел.

– Ну, вот смотри, – он сразу к делу и на пристройку показывает. – С этой стороны села и вон сзади... Видишь?

Это он дурака включил. Не городской же, все понимать должен: как увидишь, если сруб вагонкой обшит? Может фундамент просел...

Я топор попросил, обшивку поднял, заглянул – мама моя родная! Да там не один венец подрубать... Сразу и полы перебрать нужно будет и крыльцо... А он уже ухватился, как клещ:

– Да переберешь и полы, и крыльцо – эка невидаль! А если что там не так, я тебе оплату добавлю! Не обижуй!

Тут за забором мотоцикл затрещал, а перед калиткой стих. И сразу собака забила в будке – дядя ее там запер.

– Посиди-ка тут, – это он мне. – Там кто-то приехал. – И убежал.

А я на бревно присел и думаю. В принципе, мне что по его заказу работать, что по Папиному – все одно. Разница – тут больше получишь, но там безопасней... А откажешься – врагов наживешь. Да и у Папы заказов на сегодня нет, все равно по поселку без дела болтаться...

Тут хозяин с приехавшим нарисовались – это жених к тестю в гости пожаловал. Я смотрю и что-то знакомое в госте вижу. И он тоже:

– О-о! Все знакомые лица! – И по плечу меня хлопает.

Потом вспоминаю – он и вправду на лицо мне знакомый: в карантине меня надзирал, когда я в интернат из детдома поступал, к кровати привязывал и «воспитывал салабона»...

Однако он и тут со мной говорит, словно мы из карантина не выходили и я до сих пор привязан... Замкнуло у мужика.

Я молчу, внимания не обращаю и думаю: вот подрублю им пристройку, дети пойдут... Вроде рабочая династия...

Ну, Бог им в помощь... Я ведь тоже за мою Светку в огонь и в воду. Может, и на преступление с левой шабашкой я не пошел бы, но мне ж ей что-то из тряпок купить хочется: ее ж в поле гоняют, а там вообще ничего не платят.

А жених ко мне все равно с пренебрежением – по повадкам они все боярского роду, не то что мы, холопы.

Да не видеть бы его рожу тыщу лет! А чего сделаешь? Молчу.

И началась моя рабочая неделя – пилить-строгать, бревна катать. Хотя обещал, что «есть там кому»...

Сам, правда, с бревнами помогал, а жених хитро свалил почти сразу, вот мне и пришлось самому впрягаться. Ну и намучился я с этой пристройкой! Уж как рад был, когда все закончилось, даже не верилось. Пошел к хозяину получить заработанное. А он:

– Зайдешь через недельку. Сейчас денег нет.

Он знает, что через недельку я не зайду: сразу не отдали, значит, не отдадут – я уже ученый.

Им что не делай – добра не помнят. Уйди завтра в побег – так он со всем поселком на облаву выйдет. Не вспомнит, что Вова из ПНИ ему пристройку на халяву подрубал.

И знает он, что никому я не скажу, потому что воровать деньги у Папы нельзя никому. Даже если тебе нужны сигареты и джинсы.

Только я порог отделения перешагнул, чтоб отметить, что живой и не пьяный, а ко мне сразу дежурная медсестра подскочила:

– Директор тебя к себе вызывал. Срочно!

На ковер, значит... Ну, я и потрусил по коридору.

– Ты все по вдовушкам болтаешься? – Это он мне с порога в лоб и смотрит на мои джинсы подозрительно – доложили уже, значит.

– Приготовься там. Инструмент возьмешь у завхоза. Я тебе помощников двух-трех из пациентов определю, поздоровее. Заказ на той неделе будет – баню нужно срубить и поставить в райцентре.

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы.

Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Александр Сидоров

«А я, как курва с котелком...»

По следам блатной поговорки

«Бериевская амнистия» и куплеты Загари

«Собственно, а почему поговорка с курвой и котелком – блатная?» – может спросить читатель. Присказка эта широко используется в обычном просторечии и имеет много значений. *Греть, как курва котелком* (или *котелками*), – поднимать излишний шум; *носиться, как курва с котелком (с котелкам)*, – поднимать бессмысленную суету, производить бесплодные действия, не знать, куда приткнуться и тому подобное; также – попрошайничать, кланяться; *загреть, как курва котелками (с котелками)*, – попасться, быть разоблаченным с соответствующими последствиями; *бежать, как курва с котелком (с котелками)*, – опаздывать и нестишь куда-то сломя голову... Вообще народ наш любит разнообразные интерпретации, трактуя одни и те же или похожие идиомы всяк на свой лад.

Чтобы прояснить именно уголовную сущность выражения, попробуем определить, когда и где оно появилось и зачем упомянутой курве котелок (тем более – котелки).

Многие арестанты и примкнувшие к ним языковеды высказывают вполне разумную и логичную версию о том, что фраза о бегущей курве – цитата из популярной блатной песни времен «бериевской» (она же «ворошиловская») амнистии. Напомню, что 26 марта 1953 года министр внутренних дел Лаврентий Берия направил докладную записку с проектом указа об амнистии в Президиум ЦК КПСС, и на следующий день президиум такой указ утвердил. Из-за «колючки» должны были выйти на волю 1млн 32 тыс. человек, а следственные дела прекращались в отношении 401 тыс. человек. В основном амнистия распространялась на осужденных со сроком до 5 лет лишения свободы, а также на несовершеннолетних, престарелых, больных, беременных женщин и «мамочек» с малолетними детьми... Освобождению не подлежали

осужденные за бандитизм, умышленное убийство, контрреволюционные преступления и хищения социалистической собственности в особо крупных размерах. Зато вдвое сокращался срок осужденным более чем на 5 лет. Таким образом, грабители, жулики всех мастей, насильники и прочие представители «благородного блатного мира» тоже получили возможность покинуть места наполовину раньше и вскоре после «бериевской» амнистии оказались на свободе, что привело к резкому ухудшению криминогенной обстановки.

Тогда и появилась заливчатая песенка «Дело было в старину под Ростовом-на-Дону» о том, как уголовник освободился по амнистии, а затем снова попал в тюрьму. В одном из куплетов и появляется «курва с котелком»:

*Но вот амнистия пришла
И нам свободу принесла –
Свободу, бля, свободу, бля, свободу!
Один вагон набит битком,
Кто с чемоданом, кто с мешком,
А я, как курва, с котелком, –
По шпалам, бля, по шпалам, бля, по шпалам!*

Казалось бы, вот и весь секрет. На самом деле не совсем так. Куплет не проясняет главного вопроса: а не позаимствовали, случаем, неведомые авторы выражение с «курвой» из блатного фольклора, где оно могло возникнуть значительно ранее?

Некоторые основания для таких подозрений имеются. Во всяком случае, похожая песня точно существовала прежде и еще в 1942 году прозвучала (правда, без «курвы») в фильме «Котовский» (режиссер Александр Файнциммер, автор сценария Алексей Каплер), созданном на Киностудии им. Горького.

В одном из эпизодов фильма Григорий Котовский попадает в камеру Кишиневского тюремного замка, где вступает в стычку с бандитом Загари. Загари, между прочим, реальная личность, и он действительно сильно повздорил в тюрьме с «бессарабским Робин Гудом». В фильме Котовский после суда входит в камеру, где Загари с «кодлой» играет в «двадцать одно» («очко»), обчищая «фраера». По ходу «атаман» исполняет следующие куплеты:

*Сижу на нарах, словно пес, –
Я проиграл в буру и стос,
До нитки, до нитки, до нитки.*

*А как вспомню на Дону,
Где каждый год было вино
И шары, и шары, и шары...*

*А как вспомню старину,
Как первый раз попал в тюрьму –
На нары, на нары, на нары.*

*А теперь сижу в тюрьме,
Не светит больше солнце мне...*

*Эх ты, штимп, да ты чужак,
Купил благованный пиджак
И шкары, и шкары, и шкары...*

Затем уркаганы пристают к лежащему на нарах «политику», чтобы тот отдал им свои «колеса» (обувь). За политика вступается Котовский, и тут встает с места сам Загари:

– Этому молодому человеку просто надоело жить. Ну что ж, мы ему можем помочь.

Загари достает нож (обернув рукоять носовым платком), и в это время Котовский сильным ударом кулака посылает атамана в угол. Один из арестантов узнает новичка и радостно восклицает: «Котовский!» Тогда Загари с испуганной, заискивающей улыбочкой пятится назад и с тихим хрипом выдавливает: «Извиняюсь...» На самом деле все обстояло несколько иначе, но для нас это сейчас не столь важно.

Итак, выходит, что песня об амнистии является переделкой более ранних «куплетов Загари», которые, в свою очередь, Алексей Каплер мог заимствовать из реальной жизни (как произошло с большинством музыкальных номеров, прозвучавших в фильме). Правда, это отменяет версию, согласно которой «курву с котелком» уголовные авторы «досочинили» уже в процессе переделки «киношных» или еще более ранних вариантов песни о Ростове-папе...

«По железной дороге бродят курвы в тревоге»...

Прежде чем разбираться в этом, проясним ситуацию с «курвой» как таковой, без всяких котелков. Тут вроде бы никаких проблем. Согласно этимологическому словарю Макса Фасмера, «курва» – оскорбление, означающее потаскуху, шлюху, проститутку. Происходит оно от слова «курица» (как и во французском *cocotte* «курочка» и «проститутка», *roule* «курица»; «проститутка»). Известно, что ругательство со времен Древней Руси использовалось по отношению к распутным женщинам. Как в былине «Добрыня и Маринка»:

*А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, курву, блядь, безбожницу...*

Позднее слово стали употреблять и в отношении мужчин. Понятно, и на зоне, и за ее пределами «курва» – слово, унижающее человека.

Однако, увы, понятно далеко не всем. Вот какая забавная версия гуляет по просторам Интернета:

«Курва: смазчик колесных подшипников паровозов и состава в дореволюционной России. Смазка производилась маслом из котелка, который курва носил с собой вдоль kolejных пар. Например: А я, как курва с котелком, по шпалам, по шпалам».

Вот видите: даже соответствующая ссылочка имеется! А ну как и впрямь «курвы с котелками» существовали еще в царской России? Спешу разочаровать простодушных лопухов: смазчики ни до революции, ни после никогда не бегали с котелками! У них имелись закрытые масленки, что намного удобнее. Масленка напоминает небольшой барабан (музыкальный инструмент) с ручкой, к которому добавлен «носик», как у чайника.

Вот отрывок из повести Владимира Синенко «Человек с горящим сердцем», события которой относятся к началу прошлого века:

«...Шел смазчик. Он подливал в буксы мазут. Масленка, как и у Федора, большая, неуклюжая».

На иллюстрации изображен этот самый смазчик с масленкой.

Или очерк Евгения Суворова «Сто лет в строю», герой которого, 98-летний Николай Смирнов, вспоминает:

«В 29-м году мы переехали в Шахунью. После окончания школы я устроился работать на железную дорогу, вначале смазчиком – автолом через масленку буксы колесные смазывал...»

Знаменитый клоун Карандаш (Михаил Румянцев), демонстрируя зрителям воочию выражение «смазать пятки», «смазывал пятки на ботинках из большой масленки, какие имелись у паровозных смазчиков».

Итак, смазчики носили с собой масленку, а не котелок. Стало быть, «курва с котелком» не имеет отношения к железнодорожным профессионализмам.

А к арестантскому быту имеет или нет?

Баланда, горькая баланда...

Попробуем разобраться. По правилам распорядка никакой котелок в местах лишения свободы арестанту не полагался – по крайней мере, в советских. В карцерах нередко отсутствовала любая посуда вообще – как на Соловках:

«Утром выгнали на работу, обычно самую грязную. Я попал на разборку дощатого отхожего места... Пищу принимали зловонно пахнущими руками... Через “волчок” в двери карцера Киселев наблюдает **раздачу каши арестантам в подолы рубашек и в пригоршни**» (Розанов М. М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939. США, 1979).

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» пишет:

«Никакой посуды в начале отбытия наказания у многих эзков для получения баланды не было, **в качестве мисок использовали даже шапки**».

Хотя и котелки по лагерю ходили – в том числе и по соловецкому. Тот же Розанов вспоминал:

«Постоянным недоеданием и изматыванием на работе и в лагерном быту можно и таких довести до полушкального состояния: рыть в помойках около кухни, **долизывать чужие котелки**».

В мемуарах Евгении Федоровой «На островах ГУЛАГа» все расписано еще более красочно:

«...Всякая отправка на этап занимает уйму времени. Проверка формуляров, обыск чемоданов и мешков, причем выбрасываются все “личные” алюминиевые миски, ложки, иголки, ножницы – как будто можно в лагере прожить без этого нехитрого имущества! Лагерное на-

чальство же, видно, убеждено, что ложкой можно перепилить проволочное ограждение, а иголкой уложить наповал “попку” на вышке! Должно быть, им виднее – **ложки и миски выбрасывались всегда и везде**, а потом неизменно заводились новые, выменянные на пайку хлеба, зачастую у тех же конвоиров».

Однако эковское племя так или иначе добывало себе котелки. Где-то об этом заботилось расчетливое начальство: на таежном лесоповале из чего еще кормить «мужика»? Нередко заключенные выменивали котелки у солдат-конвоиров. На некоторых зонах в войну было организовано производство солдатских котелков: грех не воспользоваться и «сидельцу»...

То есть раздобыть котелок по прибытии в лагерь возможность была. Тем более если ты пристроился неплохо, как та же Евгения Федорова – на работы в лагерную больницу:

«Мы оставляли себе одну пайку на двоих, а другую выменивали на котелок картошки у кухонных работников. Они тоже не были сыты, но котелок картошки все же был в их возможностях. **Был у меня такой солдатский котелок, в форме боба, с крышкой.** За пайку мы получали полный котелок белой, душистой, горячей, рассыпчатой картошки!»

Эковский котелок здорово помогал выживать. Котелками разживались, отдавая последнее, даже «фитили» и «доходяги», то есть люди, которые едва держались на ногах и ползали по помойкам. Солженицын в «Архипелаге» описывает это так:

«Вот занятие инженера Е. в глуховатом углу зоны в жаркое воскресенье: человекоподобное существо сидит в лощинке над ямой, в которой собралась коричневая торфяная вода. Вокруг ямы разложены селедочные головы, рыбные кости, хрящи, корки хлеба, комочки каши, сырые вымытые картофельные очистки и еще что-то, что трудно даже назвать. На куске жести разложен маленький костер, над ним висит **солдатский дочерна закопченный котелок с варевом**. Кажется, готово! Деревянной ложкой доходяга начинает черпать темную бурду и поочередно заедает ее то картофельным очистком, то хрящем, то селедочной головой».

Но на всех котелков не хватало. Поэтому многие эзки за неимением настоящих котелков пытались найти им замену. Солженицын пишет:

«Миски, котелки, кружки, черпаки для чая приходилось делать из пустых консервных банок, найденных на помойке».

То же можно встретить и у Варлама Шаламова – например, в рассказе «Память тела»:

«...Опытная рука блатаря подхватывает лом, бьет цистерну, и на снег течет масло (подсолнечное. – А.С.), которое мы ловим в снегу, глотая прямо со снегом. Конечно, **главное разбирают блатари в котелки**, в банки...»

Такие самодельные котелки из консервных банок сохранились и до сей поры. Например, один из них найден в 1989 году на территории бывшего лагпункта Имнекан Янстройлага (1949–1955) и представлен в виртуальном музее ГУЛАГа¹.

Правда, не все подобные котелки годились для разогрева пищи. Многие не выдерживали высокой температуры разогрева. Нужны были именно банки из жароустойчивых материалов. Бывшие лагерники вспоминают, что к такому типу относились банки из-под американской тушенки, которую США поставляли в СССР во время Второй мировой войны по ленд-лизу.

Но значит ли это, что выражение «курва с котелком (с котелками)» возникло после начала войны? Не факт. Ведь многие лагерники использовали самодельные котелки не для приготовления пищи. Уже упомянутые доходяги зэки приспособляли «самопальные» котелки для другой цели. В сборнике «Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1940–1991)» Майкл и Лидия Джекобсоны объясняют выражение «курва с котелком» следующим образом:

«Опустившийся заключенный, носящий **банку с водой для прополаскивания находящихся на помойке пищевых отходов**, которые он тут же поедает».

В целом правильно, если добавить к банке эпитет «консервная».

Слова Джекобсонов фактически подтверждает и Варлам Шаламов в рассказе «Инженер Киселев»:

«Моральная граница, рубеж очень важны для заключенного. Это – главный вопрос его жизни. Остался он человеком или нет. Различие

¹ http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=289316&viewMode=D_158886&link=1&page=8&objectTypeName=subjtipology&language=1

очень тонкое, и стыдиться нужно не воспоминаний о том, как был “доходягой”, “фитилем”, бегал как “курва с котелком” и рылся на помойных ямах, а стыдиться усвоенной блатной морали...»

Но в целом лагерный люд от «блатных» до «мужиков» с презрением относился к тем, кто копался на помойках. Стоит согласиться, что именно таких людей подразумевает фразеологизм «курва с котелком». А персонаж песни «По шпалам» саркастически, издевательски сравнивает себя с эзком, который шастает с котелком на помойке.

Но ежели так, то фразеологизм возник раньше, чем вариант песни о «берийёвской» амнистии. Можно ли точно определить, когда именно? С точностью до дня и даже года – вряд ли. Выражение «курва с котелком» упоминается в воспоминаниях гулаговских эзков, которые отбывали сроки с 1937-го по середину 1950-х годов. К таковым можно отнести Шаламова (хотя первые три года он получил еще в 1929-м), Жака Росси (в лагерях с короткими передышками – с 1937-го по 1956-й), Александра Солженицына и многих других. В документах и мемуарах, относящихся к более ранним временам, это словосочетание не встречается. Разумно предположить, что «курва с котелком» появилась в военном или послевоенном ГУЛАГе. Скорее все же в военном: уж очень подходила лендлизовская консервная банка под самодельный котелок...

Языковая находка быстро вошла в лагерное аргю. Росси в словарной статье «загреть» пишет:

«Загреть котелками – оскандалиться: – “Саньку приняли чертежником, но оказалось, что он рейсфедера в глаза не видал. Вот он и загрел котелками”».

Здесь обошлось без «курвы». А вот в статье «котелок» появляется и она:

«Как курва с котелком, в выражениях – шуметь как курва с котелком – делать зря много шума; бегать к. к. с к., попрошайничать, кланчить (у кухонного окошка); суетиться».

У Юза Олешковского, который отбывал наказание в ГУЛАГе с 1950 по 1953 год, в повести «Николай Николаевич» количество котелков уже увеличивается:

«Слава богу, думаю, не на нарах я лежу и не надо, шелюмку похлебавши, пиздячить на вахте, как курва с котелками».

Сегодня, когда выражение давно ушло в речь простого народа, оно приобрело самые разные оттенки. Например, у Василия Шукшина в рассказе «Суд»:

«Шел Ефим на суд, как курва с котелком, – нервничал».

Или в эссе «Кое-что о чертях в людях» Елены Проценко:

«Между Богом и дьяволом есть промежуток – черт, черта... И по этой черте бегают мелкая сущность в душе человеческой, которая мечется, как курва с котелком, которая не знает, кому предложить свои знания (котелок)».

Часто «носиться, как курва с котелком» значит то же, что «бегать, как дурень с писаной торбой».

В общем, популярное выражение.

Но родилось оно не раньше второй половины 1930-х годов. И к диким «железнодорожным» теориям никакого отношения не имеет.

На этом и поставим точку. Не будем дальше носиться, как курва с котелками...

Алексей Мокроусов

Три книги о войне и тридцатых

До последнего дыхания

Оксана Дворниченко. «Клеймо. Судьбы советских военнопленных».

М.: Культурная революция, 2016. 776 с.

Никто не знает, сколько именно советских военнопленных было в годы Великой Отечественной войны. Источники называют разные цифры, от 3 миллионов 400 тысяч до 5 миллионов 800 тысяч человек. Известно, что 940 тысяч освободили в ходе боевых действий, еще 1 миллион 836 тысяч человек после окончания войны были возвращены на родину, порой против собственной воли; около 180 тысяч остались в Европе.

Книга известного кинодокументалиста и писателя Оксаны Дворниченко посвящена «всем “пропавшим без вести”», причем «пропавшие без вести» взяты в кавычки – так автор отделяет судьбу конкретных людей от языка военной бюрократии. Никто не сообщал родным о пленении, всегда – об отсутствии вестей.

Текст «Клейма» строится как монтаж многочисленных записей интервью (многие из них сохранились на видео, автор записывала их

многие годы), фрагментов архивов и комментариев к теме, которая долгое время не существовала в советском публичном пространстве. У книги, работа над которой длилась в общей сложности почти 20 лет, сложная структура и сложный дизайн, напоминающий о сложности самой темы. Отношение к захваченным в плен определяла логика: «Попал в плен – значит, предатель»; после войны даже юных узников концлагерей негласно ограничивали в праве поступать в вузы.

Последняя страница не совсем последняя – материалы к книге можно найти в библиотеках и в Интернете. В разделе «Библиография» приводятся ссылки на почти две сотни книжных и журнальных публикаций и на интернет-порталы российских государственных архивов, а также интернет-сайты, от «Победителей» и красноярского общества «Мемориал» до «Чекист» и soldat.ru/.

Всего в книге собраны материалы более 20 видеосъемок, взятых у бывших пленников и тех, кто оказался на «оккупированной территории» и был угнан в Германию (вопрос об «оккупированной территории» еще долго включался в советские анкеты), информация о боевых действиях и статистика, есть здесь и не публиковавшиеся прежде воспоминания. Подобные тексты не любили советские историки, они разрушали миф о попавших в плен как слабовольных и трусовых. Вот свидетельство артиллериста Волховского фронта Якова Федоровича Авдеева:

«Я участвовал во взятии г. Тихвина и Бологое, а в 42 г. попали в окружение, разорвали кольцо, после этого опять воевали в жестоких боях, при этом носили снаряды на себе за несколько км, а 31 мая 42 г. мы опять оказались в окружении, и замкнулось кольцо 25 июня 42 года. Я в это время был ранен, хотели пробиться к своим, пытались ночью, но прорваться из окружения не удалось, – и пошли нескончаемые лагеря военнопленных».

Что ждало после освобождения, известно. В «Архипелаге ГУЛАГ» есть объяснение новым лагерям, уже в СССР, которые ждали освобожденных:

«Лился поток всех побывавших в Европе... Опасался Сталин, чтоб не принесли они из европейского похода европейской свободы».

Но мало кто говорил о том, что пришлось пережить попавшим в немецкий плен. В книге есть воспоминания балерины Большого театра, ставшей санинструктором. Когда она была вместе с ранеными в окружении, немцы, найдя группу, облили всех бензином и подожгли,

санинструктора из последних сил солдаты вытолкнули из общей кучи, она упала в кювет. В плену продолжала перевязывать раненых; там ее насильовали охранники – «из своих».

Автор напоминает об ужасающих буднях войны. Вот фрагмент одного из солдатских воспоминаний:

«Немцы все теснее “мешок” сжимали. Когда плацдарм стал простреливаться насквозь, к авианалетам добавились минометные, артиллерийские обстрелы. Спрятаться негде: болото, не окопаешься. Помню, капитан сидит – никого больше нет, – и пистолет перед ним. “Это – для себя, – говорит. – Мне отсюда уже не уйти”. Я был контужен, ранен в плечо, ключица была раздроблена. После одного из обстрелов я голову поднял – а вокруг фрицы стоят. Было это 24 июня 1942 года».

А следом – как воспринимался героизм советских солдат самими немцами. Запись, сделанная в июне 1942 года в ставке фюрера «Волчье логово»:

«Гитлера привела в восторг та манера, с которой Кюхлер рассказывал за обедом о тяжелых кровопролитных боях на Волхове. Говоря о пленных, он сказал, что было захвачено 10 000 раненых. Однако в болотистой местности было совершенно невозможно оказать им помощь, и они все погибли. Что же касается боевого духа русских, то он сообщил, что солдаты в окопах сражаются как звери, до последнего дыхания, и их приходится убивать одного за другим».

С населением немецкие солдаты порой пытались общаться по-человечески:

«Немцы очень боялись партизан, и по болотной местности всегда ходили с колами для опоры, а оружие – на весу, на шее, и периодически стреляли по кустам. В тот раз они гнали впереди себя для прикрытия женщин с детьми. Я несла на плечах младшую, а старшую волокла за ручку. И вот пожилые немецкие солдаты на коротких стоянках, та-ясь от офицеров, совали нам что-нибудь съедобное и подбадривали, чтобы я не отставала, а то пристрелят. Я видела, как эти солдаты, когда могли, гладили наших детей незаметно по головкам и худым плечикам, хотя за жалость могли поплатиться. Когда нас погнали к Лепелю, один старый немец, который говорил по-русски, сказал, чтобы я исхитрилась и бежала. Мне удалось это сделать».

Среди старост и бургомистров были люди, видевшие свой гражданский долг в том, чтобы помочь как-то наладить жизнь своих сограждан. Они многим помогли, многих выручили из беды. Было и “воро-

ные”, как их называли... Был такой Миша Сазонов – он был местный, хромой. И вот он сразу записался в полицаи и нас сторожил. Ему дали немецкую форму, и он такой нарядный ходил, с автоматом. “Не будете слушаться, всех перестреляю!” Некоторые свои были хуже немцев...»

«...По Варшавке из-под Зайцевой горы однажды гнали колонну пленных. А пленные – это сорок третий год, немного уже ветер победы веял на наших бойцов, – были настроены воинственно: что это просто трагический случай, что они в плену. И, не доходя Кузьминич, они перебили конвой и разбежались по лесу. А до фронта-то сорок километров. Они безоружные, голодные... Подняли по тревоге гарнизон, обложили этот лес, и их, конечно, перебили. Он, Альфред, вернулся с этой облавы, кровью обрызганный, штык у винтовки в крови. И как же он взалхлеб, как с охоты на зайцев вернулся, – рассказывал другим: он этой винтовкой манипулирует, щелкает затвором, он так рад, что ему удалось убить несколько безоружных человек. И нам сразу стало... эти его продукты, что он приносит, стали мы брезговать. Каким бы ты хорошим ни хотел казаться, но когда представилась возможность убивать безоружных людей, ты это делал с наслаждением... палач».

Много места «Клеймо» уделяет жизни в оккупации – одни готовы были отступить вместе с немцами, другие помогали партизанам. Оккупанты же не испытывали жалости, лишь удивлялись добросердечию первых и ненавидели остальных. «В том лесу, откуда мы вырвались, – вспоминает кинооператор Оттилия Рейзман о выходе из окружения, – еще много лет на деревьях виднелись скелеты: мирные жители забрались на деревья и прятались в ветвях, думая, что уберегутся, но утром в лес вошли фашисты и перестреляли всех – тысячи людей...»

Как пишет Дворниченко, «колонизаторская политика немцев, их презрение к русскому народу, страшные вести из лагерей военнопленных, вывоз в Германию рабочей силы вызвали ненависть к захватчикам». Те же долго продолжали жить в плену собственной пропаганды – как всякая ангажированная журналистика, немецкая кинохроника создавала свою реальность, продолжая «рисовать ситуацию на Восточном фронте в восторженных тонах под бравурную музыку: прифронтовой дом отдыха для немецких солдат... Солдаты получают подарки из дома... Поют песни... Концерт по заявкам... Солдаты изготавливают для родных новогодние подарки... Немецкий солдат едет домой с собственноручно изготовленной детской кроваткой – намек. Дети фюрера... Шоу для раненых в госпитале, театр-варьете для раненых...»

Автор хорошо понимает силу «картинки», воспаляющей воображение зрителя и не оставляющей ему возможности для анализа увиденного.

Осознание того, что было, приходило не сразу. В книге цитируются послевоенные дневники писателя Федора Абрамова, который, после ополчения и ранения, служил в СМЕРШе. Эти записи полны скепсиса. Он пишет о следователях контрразведки:

«Уродливый, нелепый, поистине преступный подбор кадров по “чистой” анкете, по крестьянски-пролетарскому происхождению, без учета способностей, господствовал в нашей стране и в армии, в органах контрразведки в том числе, что калечило умы и души людей, и без того подавленных страхом и демагогией».

26 апреля 1975-го Абрамов «отправился на вечер встречи ветеранов контрразведки в Доме офицеров. Славословили, возносили друг друга, пионеры приветствовали... Герои незримого фронта, самые бесстрашные воины. Верно, кое-кто из контрразведчиков ковал победу, обезвреживал врага. Но сколько среди них костоломов, тюремщиков, палачей своего брата. Я не мог смотреть на этих старых мерзавцев, обвешанных орденами и медалями, истекающих сентиментальной слезой. Ушел».

Два года спустя встреча ветеранов повторилась, у Абрамова сдают нервы:

«Дети приветствовали... палачей. И тут я встал. Не мог уже терпеть... Укаждого руки в крови. Торжествовать ли сегодня надо было? Молебен по убиенным. И раскаяние».

Сегодня действия самого Абрамова в годы борьбы с космополитизмом часто подвергаются критике, наверняка найдутся люди, готовые предъявить претензии по поводу запоздалого прозрения – дескать, чего оно стоит годы спустя? Где писатель был раньше? Но такова природа совести и трагедия совестливого человека – если он что-то не понимает сразу, прозревает позже, он испытывает больше мучений. Совесть не позволяет забыть прошлое, переписать его или согласиться с навязываемой трактовкой. Это ее свойство позволяет увидеть связующие нити событий и поступки людей в новом свете, понять, что правда была иной, чем ее представляла нескончаемая, неотвязчивая от своих жертв пропаганда.

Обвинения в позднем прозрении исходят обычно от людей, которые не видят ни прошлого, ни настоящего, сами они не испытывают стыд – само слово кажется сегодня устаревшим, его нет в политическом лексиконе. Не только государство, но и значительная часть стра-

ны вели себя так же бесстыдно по отношению к брошенным на произвол судьбы соотечественникам. Яркая книга Оксаны Дворниченко – не первая попытка хотя бы запоздало заглядывать вину перед людьми, в большинстве своем попавшими в плен или оказавшимися в оккупации не по своей воле. Хочется верить, что она не последняя.

Прочитав книгу, иначе понимаешь эпитафию к ней, взятый из нобелевской лекции Альбера Камю:

«Получив в наследство изуродованную историю – смесь разгромленных революций, обезумевшей техники, мертвых богов и выродившихся идеологий, историю, где власть посредственности не в силах уже убедить, но способна все разрушить, где разум пал так низко, что стал прислуживать ненависти и угнетению, это поколение, основываясь лишь на своем неверии, должно было восстановить в себе и вокруг себя хотя бы крупинку того, что составляет достоинство жизни и смерти». Эта способность сохранять достоинство жизни многое определяет в истории, даже если помнят о ней единицы.

О предателях и героях

Жуков Д., Ковтун И. Полицаи: история, судьбы и преступления. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2016. 320 с.

Книги о войне продолжают издавать каждый год, несмотря на юбилеи или их отсутствие. Со временем выясняется, что количество «белых пятен» в прошлом не уменьшается, а скорее даже увеличивается. Не только историкам вряд ли когда придется объявить тему закрытой, переоценкой случившего занимается все общество.

Исследование Дмитрия Жукова и Ивана Ковтуна выходит третьим изданием, с дополнениями и исправлениями. Успех вызван темой, которую изучали и раньше, но мало кто был способен на столь энциклопедические масштабы рассказа.

Соавторы рассматривают разные аспекты проблемы полицейев, начиная с приказа об органах охраны порядка СССР и Германии в довоенный период и места вспомогательной полиции в структуре оккупационной администрации и заканчивая образом полицейского в пропагандистской войне. Здесь множество судеб, фактов и событий, связанных с бессмысленной, звериной жестокостью борьбы. Не все страницы истории прежде освещались объективно – так, в разгроме легендарной подпольной группы «Молодая гвардия» (в действительности организация краснодонских подпольщиков называлась «Молот») решающую роль сыграли полицейские из местного населения, роман же Фадеева, а следом и фильм стыдливо умолчали об этой прослойке советских людей.

Расплата настигала многих предателей, но порой желание возмездия затмевало разум мстивших.

«Жертвами партизанского возмездия часто становились и семьи полицейских, – пишут Жуков и Ковтун. – “Непокорные деревни”, превращенные в полицейские гарнизоны, уничтожались вместе с жителями. Действия подобного рода не только не считались в среде партизан чем-то ужасным, но воспринимались как вполне нормальное явление, обусловленное военными и идеологическими соображениями. Например, в ноябре 1943 г. в Новосельском районе Ленинградской области (сегодня Стругоокрасненский район Псковской области) была образована “оргтрояка” во главе с бывшим начальником местного РО НКВД Н.П. Дурыгиным, бывшим председателем Степановского сельсовета Г.К. Лебедевым и бывшим участковым милиционером П.А. Григорьевым. По приказу “оргтрояки” в районе совершались расправы над противниками советской власти. В частности, было убито 30 человек. В их числе были жены и дети (от двух до семи лет) полицейских. От действий “оргтрояки” пострадали также и партизанские семьи, заподозренные в связях с немцами. Совершая расправы над семьями полицейских, партизаны хотели заставить стражей порядка бросить службу. Труднее было принудить к этому жителей сел и деревень, где в полиции состояли все мужчины. Тогда командование партизанских отрядов старалось наказать не только полицейских, но всех граждан, проживавших там».

Даже малозначимые на первый взгляд цифры, приводимые в книге, оказываются «говорящими». Так, удивительно низким выглядит денежное довольствие сотрудничавших с нацистами – начальник во-

лостной полиции получал 64 марки в месяц, служащие боевых подразделений 240 рублей – притом что под конец оккупации, например, ведро картошки в Калининской области стоило 100 марок (1000 руб.), а десяток яиц – 700 марок (7000 руб.).

Последняя глава книги, «Расплата», посвящена возмездию, наступившему после освобождения захваченных земель многих из бывших полицаяев. Правда, не всегда это возмездие было справедливым:

«Показательна судьба исполняющего обязанности начальника Ивановской полиции Курской области П.К. Меснянкина. Этот выходец из кулацкой семьи и бывший военный служащий РККА за время службы в полиции снискал уважение местного населения тем, что “не зверствовал, а, наоборот, арестовывал лишь полицейских и старост, которые бесчинствовали по отношению к жителям». После освобождения Ивановского района частями Красной Армии он не стал бежать из села, был арестован и допрошен в особом отделе одного из соединений. Там он все правдиво рассказал, покаялся и, в силу того, что за него ходатайствовали местные жители, избежал смертной казни, которую <...> ему заменили службой в штрафной роте. За проявленный героизм его досрочно освободили и направили в 65-ю армию. Однако на новом месте службы работники контрразведки почему-то решили, что Меснянкин недостаточно искупил вину перед Родиной. В итоге он вновь оказался в штрафной роте. Бывший начальник полиции выжил и в этот раз, а после освобождения продолжал героически воевать, рвался в бой и первым в 1285-м полку стал Героем Советского Союза. После окончания войны Меснянкин продолжил службу в Советской армии, стал офицером, однако 5 апреля 1948 г., будучи командиром взвода 690-го артиллерийского полка, был арестован и срочно этапирован в Москву».

В итоге он получили 10 лет лагерей.

Подобных судеб было немало. Некоторые из них нуждаются в уточнении. В книге упоминаются те, кто после 1945 года «нашли приют на Западе. В силу того, что вскоре после окончания Второй мировой началась “холодная война” и руководство западных спецслужб нуждалось в специалистах и консультантах по СССР, бывшим пособникам немецких оккупантов часто удавалось избежать выдачи советской стороне. Советские оккупационные власти в Германии еще в 1946–1947 гг. предоставили бывшим союзникам несколько списков военных преступников – граждан СССР – с требованием их выдачи. 29 июня 1946 г. заместителю начальника британской военной администрации в Гер-

мании, генерал-лейтенанту Робертсону, было направлено требование о выдаче бывшего профессора Ленинградского института востоковедения Н.Н. Поппе. В 1942 г. в районе Кисловодска последний перешел на сторону немцев, стал агентом полиции, участвовал в допросах советских граждан. После войны, по данным советских властей, Поппе оказался в британской зоне оккупации. На протяжении 1946 г. было направлено еще несколько напоминаний, но тщетно: на все обращения советской стороны бывшие союзники отвечали стандартно: приказ об аресте Поппе подписан, но сам он еще не найден».

На самом деле судьба русского немца Поппе требует комментария. В ней не все так просто и спрямлено. Николай Николаевич Поппе (1897–1991) – выдающийся ученый-лингвист и этнограф, например, на сайте по алтайскому языкознанию он назван «одним из лучших монголистов мира, блистательным исследователем», это «человек, чья биография достойна детективного романа и съемок голливудского блокбастера, один из основателей научной алтаистики». Его уход с немцами похож на попытку вырваться из советского безумия, хотя в СССР его ценили, в 1932-м Поппе был избран самым молодым членом-корреспондентом Академии наук, успел опубликовать до войны 27 книг. На Западе же Поппе сделал хорошую научную карьеру, стал профессором в Университете штата Вашингтон, был избран почетным доктором и иностранным членом нескольких университетов и академий. Его судьба – пример сложного плетения исторических сюжетов, которые можно, конечно, разрубить кавалерийской шашкой, но можно и оставить как есть. Рубить, конечно, легче, чем думать, но чем больше времени оказывается между событием прошлого и отдельным человеком, тем важнее оказывается для него взгляд, лишенный идеологических шор.

17 сентября 1955 года Президиум Верховного Совета СССР амнистировал советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны и осужденных на срок до 10 лет включительно, остальным наказания сокращались наполовину. Это не оставило процесс разоблачения и наказания коллаборационистов – «только в период с 1981 по 1986 г. в СССР были проведены судебные процессы над 60 бывшими пособниками противника». К сожалению, на уроках истории в советских школах брежневского времени об этом почти не говорилось – не все страницы прошлого еще были открыты, власть из последних сил оберегала общество от исторической правды.

Против течения

Хафнер С. История одного немца / Пер. с нем. Никиты Елисеева, под ред. Галины Снежинской. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016. 448 с.

У русского издания книги Себастьяна Хафнера подзаголовок, отсутствующий в немецком, – «Частный человек против тысячелетнего рейха». Обычно подобные «дополнения» редко идут на пользу первоисточнику, но в случае с Хафнером сотворчество выглядит оправданным, хотя и запутывает вопрос о жанре. Это не мемуары, поскольку имена персонажей изменены, а некоторые реальные люди и вовсе разделены на двоих. В то же время это и не роман, хотя многие образы и сюжетные линии прописаны вполне художественно, а стиль временами напоминает о прозе Ремарка.

Но Хафнер (1907–1999) решил в итоге стать публицистом, а не писателем, хотя литературный талант его очевиден, он и вызывает межжанровую сумятицу «Истории...». По образованию Хафнер юрист, по профессии – историк и журналист. Он успел получить образование референдаря (русская Википедия неточно трактует значение этого слова, в Германии так называли судебных юристов низшего уровня); после нескольких месяцев практики в берлинском суде он оставил мысль посвятить себя юстиции. Причиной стало не только постоянное вторжение штурмовиков в повседневную деятельность суда, но и трусливое поведение юристов старшего поколения, готовых ради сохранения близкой пенсии идти на радикальные сделки с собственной совестью. Хафнер эмигрировал в 1938 году, уехав за возлюбленной – та была еврейкой – в Лондон, где работал обозревателем «Обсервера». После войны много писал для еженедельника «Штерн», издавал книги, в том числе о Бисмарке, Гитлере и Черчилле.

«История» посвящена взрослению в Германии в 1914–1933 гг. – суровое, хотя порой и веселое время, обернувшееся в итоге катастрофой для мира. Самые абсурдные здесь с точки зрения происходящего страницы – те, что посвящены новым месяцам новой власти, когда и возникла главная загадка века, загадка: «А где, собственно говоря, были немцы? Еще 5 марта 1933 года большинство их голосовало против Гитлера. Что стало с этим большинством?» С самого начала нацизм вторгся в приватное пространство человека, пытаясь контролировать все сферы его жизни, и прежде всего – как думать. Автор рассказывает, как многие рассчитывали на армию как зону, свободную от нацистской идеологии, и как ловко работала пропаганда, приватизируя прошлое, переписывая его в интересах сегодняшней власти. Автор вспоминает, как стал свидетелем того, как в дом заходят штурмовики – проверить, не принимает ли незаконно врач-еврей пациентов, что уже запрещено законом. Этой безнаказанностью штурмовики пользовались и до прихода Гитлера к власти – в книге упоминается, как еще во времена Веймарской республики «шесть штурмовиков ночью врываются в дом к “инакомыслящему”, выволакивают его из постели и забивают насмерть. Их приговаривают к смерти. Гитлер посылает им телеграмму со словами сочувствия и похвалы. Ничего не происходит. Нет, кое-что происходит. Убийц помиловали».

Вечно запаздывающая реакция современников: вот что, на взгляд Хафнера, стало в итоге причиной разразившейся катастрофы:

«Дико было наблюдать, как одновременно росли: с одной стороны, дикая наглость, позволившая мелкому апостолу ненависти стать настоящим дьяволом; с другой – дремучая глупость его противников, постоянно на мгновение опаздывавших, не успевавших сообразить, что именно он сказал, какое чудовищное действие предпринял, – а все потому, что он опережал их и еще более диким высказыванием или новым чудовищным деянием понижал планку допустимого. Дико было наблюдать гипноз публики, все более безвольно отдававшейся магии отвратительного, сивухе зла».

Но даже здравомыслящие, те, кто не симпатизировал НСДАП, куда они делись?

«Вот эта загадка: а где, собственно говоря, были немцы? Еще 5 марта 1933 года большинство их голосовало против Гитлера. Что стало с этим большинством? Оно умерло? Исчезло с лица земли? Или, хоть и

не сразу, но сделалось нацистским? Как могло случиться то, что с их стороны не было ни одной заметной реакции?»

Хафнер формулирует свое понимание истории, которое отличается от мегаломанского видения профессионалов, озабоченных теориями вождизма и широкими перемещениями по карте боевых масс:

«Если рассматривать обычные труды по истории, – обращаясь к которым слишком легко забываешь, что перед тобой лишь абрис вещей, но не сами вещи, – возникает искушение поверить, будто бы история – это события, происходящие при участии нескольких десятков людей, и эти люди вершат “судьбы народов”; будто бы их-то решения и поступки и являются тем, что позднее назовут “историей”. В этом случае история нынешнего десятилетия предстала бы чем-то вроде шахматного турнира, в котором участвуют Гитлер, Муссолини, Чан Кайши, Рузвельт, Чемберлен, Даладьё и еще несколько десятков людей, чьи имена в той или иной степени у всех на слуху. Мы, все прочие, безымянные, – в лучшем случае – объекты истории, пешки в шахматной партии; их двигают вперед или оставляют на месте, ими жертвуют, их жизнь, если она у них вообще есть, разыгрывается в другом мире и не связана с тем, что происходит с ними на шахматной доске, на которой, сами того не зная, они стоят».

Хафнеровское же понимание истории строится на индивидуальном жесте и индивидуальном переживании:

«Звучит парадоксально, но все же фактом является то, что действительно большие исторические события разыгрываются между нами, безымянными пешками, затрагивают сердце каждого случайного, частного, частного человека, и против этих личных и в то же время охватывающих массы решений, которые их субъекты порой даже не осознают, абсолютно бессильны могущественные диктаторы, министры и генералы. Знак, характерный признак этих решающих исторических событий – то, что они никогда не проявляются как массовые; дело в том, что масса, как только она становится таковой, утрачивает способность к действию: настоящее историческое событие всегда проявляется как частное, личное переживание тысяч и миллионов одиночек».

Книга «История одного немца» не увидела света при жизни автора. Незадолго до смерти Хафнер рассказал о хранящейся в столе уже десятилетия рукописи сыну, тот издал ее лишь в 2000 году (в 2002-м «Иностранная литература» напечатала фрагмент книги в более строгом, чем нынешний, переводе Е. Колесова). Скептики сочли ее мистификацией,

---

вступившийся за честь отца сын подал на них в суд, представив доказательства в виде рукописи. Сохранилась и запись неопубликованного при жизни автора интервью, там говорилось и о книге. Для многих она стала важнейшей в наследии Хафнера, чтимого и читаемого в Германии и сегодня. Возможно, потому, что начало диктатуры – болезненная для любого общества тема, объединяющая множество неприятных вопросов, не только «почему?» и «как?», но и «кто?» и «зачем?» так много верноподданнического энтузиазма выказывали те, кто мог бы в принципе и промолчать лишний раз. Но, видимо, распирало.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 15.02.2017 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Распространяется бесплатно

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»
